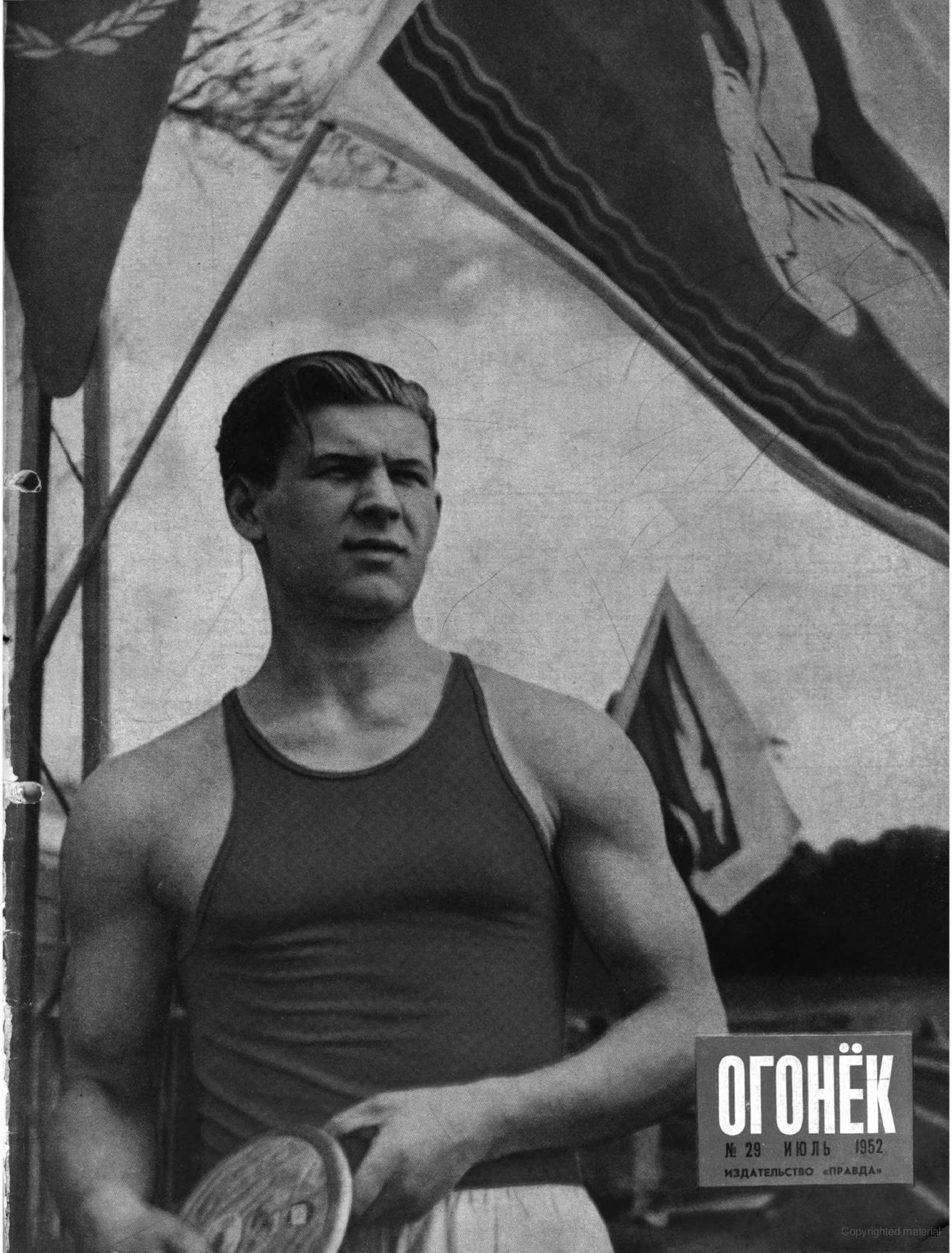

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Спортивный праздник в колхозе

Физкультурников сельхозартели имени Сталина хорошо знают в Воронежской области. Не раз успешно защищали они спортивную честь родного колхоза на районных и областных соревнованиях. В 1951 году коллектив физкультуры добился значительных успехов: почти вся молодежь села вступила в спортивное общество «Колхозник», было подготовлено 40 разрядников, 150 значкистов «Готов к труду и обороне».

Центральный Комитет ВЛКСМ наградил переходящим Красным знаменем физкультурников колхоза имени Сталина. Большим спортивным праздником ознаменовали это радостное событие сельские спортсмены. Приветствовать награжденных приехали гости из соседних колхозов, жители районного центра Буденное. Праздник открылся парадом физкультурников (снимок вверху). Впереди колонны идут лучшие спортсмены села. Они несут кубки, завоеванные коллективом на областных и районных соревнованиях.

Зрители горячо приветствовали колхозных спортсменов. Особый восторг вызвал парад физкультурников у школьников (снимок внизу).

Фото Н. Волкова

На первой странице обложки: Рекордсмен Советского Союза по метанию диска среди юношей, студент Московского областного педагогического института Роберт Зубцов.

Фото О. Кнорринга

На последней странице обложки: Яхты.

Фото Е. Умнова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 29 (1310)

13 ИЮЛЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сталину

...В час, когда завершается труд,
русло создано, ждет воды,
и поля материнства ждут,
и цветов — молодые сады,
влаги — жаждущий суховей,
облаков — нагой небосвод,
в час, когда стихия степей
обновленья и жизни ждет,
по обычаю многих народов,
самый старший, всем дорогой
входит в русло, встречает воду
и ведет ее за собой.

Он идет, сограждан поднявший
на великий труд, на борьбу,
весь ответ на себя принявший
перед миром за их судьбу,
он идет, и за ним, покорна,
новым руслом бежит вода,
силой вечною животворной
и Ведущим своим горда.

И строители знают: отныне
нивам зреть, и цвести садам,
и струиться реке в долине
навсегда по его следам.
Там, где с Волгой сливается Дон
у речного просторного входа,
ты увидишь его: это он,
вдохновенный Ведущий воду.

Сотни раз вставала заря,
сотни раз зажигались звезды,
вел он реки и вел моря,
напоенный грядущим воздух.
И свистала пыльная мгла,
и кидались навстречу метели,
шел, и вкось отлетала пола
всем знакомой военной шинели.

Там, где ближний от Волги шлюз
триумфальная арка венчает,
там, где ныне Советский Союз
светлый день коммунизма встречает,—
там, свершив небывалый труд,
он стоит, задумчив и прям,
и живые воды бегут,
бегут
по его глубоким следам.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН.

Скульптура работы Е. В. Вучетича, установленная у входа в Волго-Донской судоходный канал.

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

На пути из Повенца в Белое море. Недавно спущенные на воду рыболовные суда у первого шлюза.

Я. ФОМЕНКО С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда и Б. Кузьмина

Специальные корреспонденты «Огонька»

ЗДЕСЬ БЫЛ «САМЫЙ ГЛУХОЙ УЕЗД»

Из озера Выг через девятый и восьмой шлюзы, через озера Матко и Воло судоходная трасса приводит к Беломорско-Онежскому водоразделу. До сей поры наш пароход поднимался в гору. Теперь ему предстоит крутой спуск к Повенцу. С вершины водораздела видны семь ступеней Повенчанской «лестницы» — семь шлюзов, расположенных на общем протяжении всего лишь десяти километров.

Повенчанская «лестница» знаменита и своеобразной, весьма сложной техникой гидросооружений и своей историей. Во время Отечественной войны здесь проходил фронт. На западном берегу были финско-фашистские оккупанты, на восточном—советские войска.

— Тут он первую бомбу бросил, тут и сам подорвался на взрывной волне,— вспоминает начальник седьмого шлюза Николай Васильевич Захаров.

Обломки разбитого «юнкерса» едва видны в заросшей кустарником болотистой низине за дамбой. По берегам мелькают обвалившиеся ходы сообщений, блиндажи, торчат полусгнившие бревна дзотов, а новые шлюзы и плотины возвышаются над обветшалыми окопами. Подчеркиваем: новые. Все гидротехнические сооружения южного склона отстроены в первый же год после войны.

— Канал наш еще богаче стал,— продолжает рассказывать Николай Васильевич, сняв форменную фуражку и приглаживая рукой слегка вьющиеся седые волосы.

Совсем недавно Николай Васильевич отметил полувековой юбилей непрерывной службы на гидротехнических сооружениях. Был Захаров и коногоном на шлюзах Мариинской системы, когда баржи тянули еще лошадьми, был и десятником. Отцом многочисленной семьи приехал Николай Васильевич на новый канал и тут осел прочно. Не ушел он с поста и в тяжелые военные годы, трудился на шлюзах северного склона, пропускал суда с боеприпасами, с провиантом. Вместе с отцом работает на шлюзе техником старший сын, Николай.

По соседству с ветераном Н. В. Захаровым на шлюзе № 5 трудится молодой водник Александр Сигачев, еще юноша, больше похожий внешне на студента, чем на начальника большого гидротехнического сооружения. Прямо со школьной скамьи, из речного училища, он пришел на канал и вот уже три года ведает шлюзом.

Спускаясь по Повенчанской «лестнице», мы все время видим впереди, внизу, широкий разлив Онежского озера. Вот и рейд Повенца. Множество буксирных судов, лихтеров, барж. Караваны с хлебом, солью, нефтью, машинами, пришедшие с Волги, из Ленинграда, ждут очереди, чтобы следовать на север. Необычным видом и оснасткой выделяются суда морского рыболовного флота. Новенькие, недавно спущенные на воду, они торопятся принять участие в начавшейся путине.

Перелистываем снова старый справочник. Читаем: «Повенецкий уезд — самый глухой и малочисленный во всей Олонецкой губернии».

Когда олонецкий губернатор докладывал Николаю II о том, что в Карелии открыты четыре начальные школы, царь наложил резолюцию: «Излишняя торопливость вовсе не желательна».

О прошлом Повенца напоминают сегодня только развалины Петровой кузницы да предания о «государевой дороге», по которой войско и крестьяне тащили через леса и болота построенные в Архангельске фрегаты для войны со шведами.

Разрушенный до основания финскими фашистами рабочий поселок Повенец отстраивается заново, растет. Скопление судов — свидетельство того, что «самый глухой уезд» давно перестал существовать как понятие на нашей земле.

Близ шоссе, ведущего к районному центру — Медвежьегорску, расположены два, совсем не схожие, но одинаково характерные для экономики Карелии предприятия. В семи километрах от Повенца, в дремучем лесу, в старину богатом раскольничьими скитами, находится один из крупнейших в стране зверободческих совхозов. В нем разводят норок — маленьких зверьков, одетых в драгоценный мех. Треугольные домики-гнездовья с такими же треугольными сетчатыми вольерами — «верандами» — бесконечными рядами протянулись под соснами. Над звериным городком стоит тонкий писк. Это дают о себе знать недавно народившиеся зверюшки.

По улицам звериного городка деловито ходят люди в белых халатах — зоотехники и бригадиры. Старший зоотехник совхоза Наталья Николаевна Куликова посвящает нас в особенности жизни, быта и труда городка. Мех повенецкой норки, разводимой в домашних условиях, куда ценнее меха дикого зверька, превосходит его по расцветке и пышности. За отличную работу коллектив совхоза получил переходящее знамя ВЦСПС и Министерства совхозов СССР.

Широкое шоссе петляет в лесу, выходит на берег Медвежьегорской губы. Вдоль узкой бухточки — стапеля со строящимися судами. Пиндушская судоверфь, сожженная дотла фашистами, возрождена и дает речному и озерному флоту хорошие лихтеры и баржи.

Продолжение. Начало см. в № 28.

Медвежья гора... Название это звучит анахронизмом. Каменистый холм над городом, славившийся когда-то обилием медведей, теперь — пастбище коз. Рядом, на склонах Дивьей горы, под сенью вековых деревьев раскинулись нарядные здания санатория железнодорожников. Среди отдыхающих мы встретили машинистов, слесарей, диспетчеров с дорог Украины и Сахалина, Средней Азии и Прибалтики, Урала и Белоруссии. Откуда бы ни прибыли гости, все они с восхищением отзываются о живописной местности, о целительном воздухе Прионежья, об увлекательных прогулках по горам и ловле форели в стремительной Вуоксе.

Медвежьегорск — один из центров лесной промышленности республики и крупная пристань. Отсюда начинается пароходная линия на Петрозаводск и Ленинград.

СЕРДЦЕ КАРЕЛИИ

Онежское озеро — новый этап великого водного пути. Кончился Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. На протяжении 227 километров мы миновали 19 шлюзов, 15 плотин, 12 водосбросов, 49 дамб. Путь от Белого моря до Балтийского сокращен на 4 тысячи километров.

Карелию зовут страной озер. Действительно, если собрать все ее озера воедино, получилось бы порядочное море.

Карелию называют страной камня. И это вполне обосновано. Земля усеяна таким множеством валунов, будто некогда здесь прошел каменный град. Есть сплошные залегания мрамора, порфира, диабаза, гранита. Верхняя часть мавзолея Владимира Ильича Ленина отделана карельским камнем.

Карелию называют, наконец, страной леса, что тоже верно: лесов тут много. Тонкослойная сосна славится плотностью и прекрасными строительными качествами. Широко известна карельская береза — загадка для биологов. Что собою представляет это дерево, как оно произошло? Существует версия, что это просто больная береза. При скрещивании с нормальными экземплярами она «выздоравливает», но теряет свои драгоценные свойства и красоту рисунка.

В республике размножают это «больное» дерево, изучают его биологию. Загадка, по всей видимости, скоро будет разгадана.

Итак, Карелия — страна леса, озер, камня. **Лучше все же и правильнее назвать ее краем растущей молодой индустрии. Канал расширил возможности использования природных богатств, убыстрил экономическое развитие республики. Петрозаводск приобретает столичный вид, интенсивно строится, разрастаясь вширь и в высоту. Старейший Онежский завод выпускает красивые сильные машины, заменяющие ручной труд на разработке и вывозке древесины. На домостроительном комбинате делаются сборные дома. Недавно петрозаводцы послали в Варшаву целый поселок для строителей Дворца культуры и науки.**

Сколько жилья, мебели, бумаги, прочих изделий может дать карельский лес! Богатства карельских лесов точно не подсчитаны. Сейчас идет такой подсчет, составляется подробная карта лесов. Считают деревья... с борта самолета. Аэрофотосъемка оказалась наиболее подходящим способом исчисления зеленых богатств. По снимку специалисты определяют запасы и плотность леса на площади. Больше того, они различают породу и возраст деревьев.

В полутора часах езды от Петрозаводска, тоже на берегу Онежского озера, расположена знаменитая Кондопога, снабжающая десятки издательств газетной бумагой. Виктор Эрикович Хуусари, мастер комбината, на основании личной практики может засвидетельствовать, насколько быстро растет производительность труда. В свое время на комбинате был установлен агрегат № 2 — первенец отечественного бумагоделательного машиностроения. Ныне машина-гигант переживает чудесное обновление. Раньше она обладала скоростью 200 метров в минуту и за это время давала 800 квадратных метров бумаги. Изменение конструкции решающих узлов и деталей омолодит машину. Ее скорость повысится до 360 метров, а производительность до 1 500 квадратных метров в минуту. За одни сутки машина будет делать бумажную ленту такой же длины, как река Днепр.

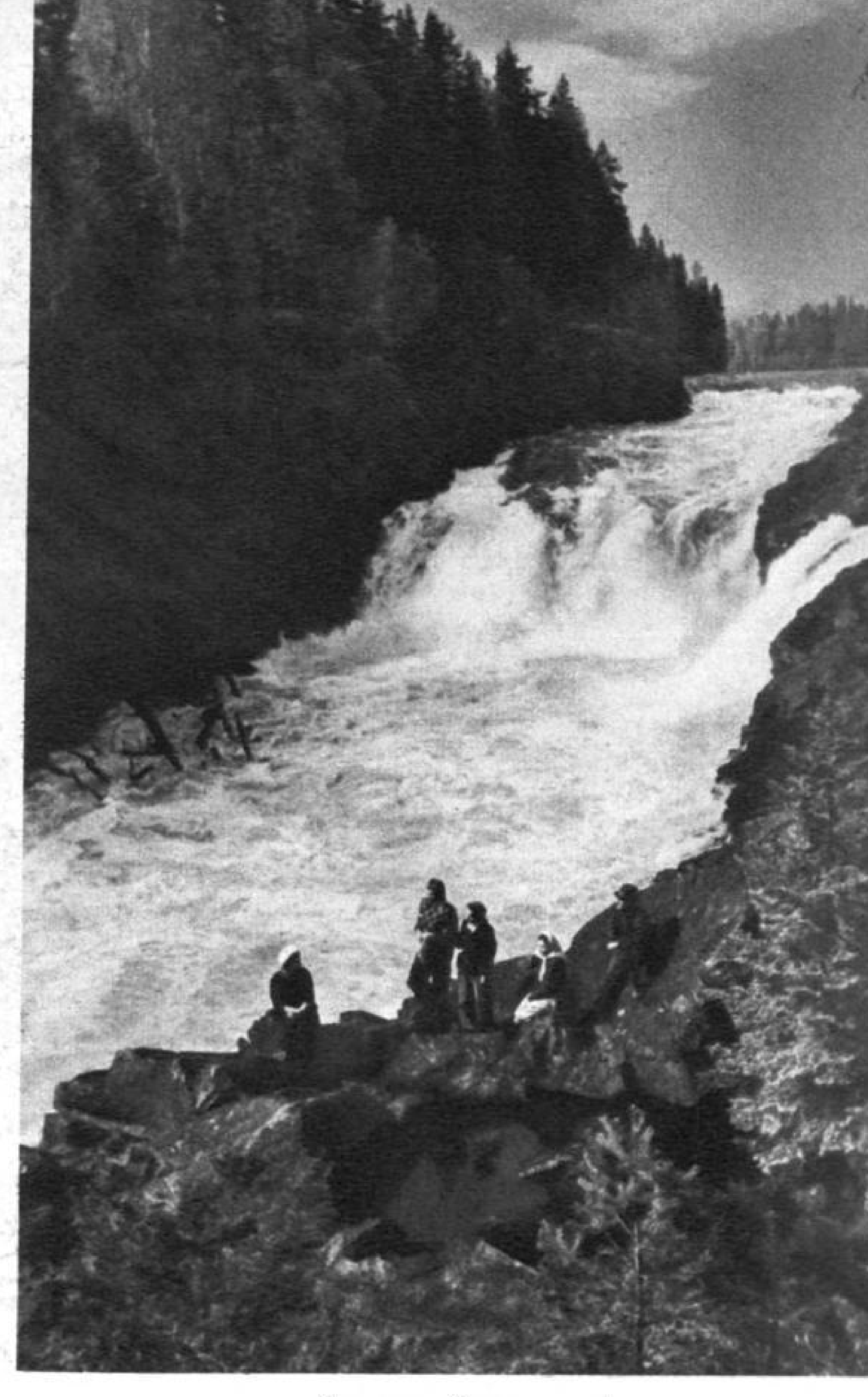
От Кондопоги очень близко до знаменитого **водопада Кивач. Газик-вездеход быстро уносит нас все дальше от озера. Снова лес, озера, камни. Маленькими, похожими на скатерти квадратами лежат у дороги засеянные поля пшеницы, овса.**

Поворот влево. Через два — три километра арка с надписью: «Заповедник «Кивач».

Машина въезжает в первобытный, сохраняемый в естественном состоянии лес. У подножий стройных сосен валяются стволы вековых деревьев, отживших свой век, не выдержавших натиска ветров и состязания в силе с молодыми собратьями или подточенных с корня вредителями. На придорожных соснах высечены топором опущенные вниз остриями стрелы. На остриях засохли куски смолы.

Послышался неясный гул. Ветер шумит в кронах сосен? Нет, это голос Кивача.

Тремя каскадами низвергаются вниз воды Суны. Вверху поток нехотя, лениво изгибается, а затем, натолкнувшись на каменное ложе, бурлит, пенится, грохочет, высоко вздымая тучи водяной пыли.

У водопада Кивач.

У Кивача ждут пропуска сотни тысяч стволов древесины.

На улицах Петрозаводска. Здание гостиницы «Северная».

Нам довелось видеть Кивач и в тихую солнечную погоду, и в дождь, и в грозу, когда удары грома, раскатываясь по водной глади, отдаваясь эхом в окружающих скалах и холмах, на мгновенье заглушают рев водопада.

Несколько часов длился дикий шабаш стихий. Наконец природа смирилась, тучи унеслись, радуга перебросила свою дугу через Суну, и над речной долиной снова воцарился неумолчный гул Кивача.

Сколь ни могуч, ни грозен Кивач, ему не подстать уже состязаться красотой и мощью с тем, что создано человеком. До того, как прибыть в Кивач, мы любовались водосбросом у одиннадцатого шлюза Беломорканала. Там нет такого буйного разгула водной стихии. Зато как красив этот искусственный водопад! Поток не стесняют, не сжимают там каменные глыбы. Вода вольно льется точно из слегка наклоненного сосуда, а потом, обрадовавшись, что впереди еще более широкая дорога, начинает играть струями и воронками, закручивается прозрачными спиралями и, наигравшись, разливается по зеркальному плесу.

У Кивача человек уже отобрал часть воды и заставил ее служить себе. Слева по течению, образуя второе русло Суны, протянулся лоток для пропуска древесины. Влившись в лоток, вода течет сначала, как в быстрой реке, потом, на крутизне, несется с такой резвостью, что голова кружится. Сотрудники заповедника дали справку: скорость течения в нижней половине лотка превышает 50 метров в секунду.

Скоро по лотку помчатся подхваченные течением сосновые стволы. В трех километрах выше Кивача ожидают пропуска сотни тысяч стволов древесины. Сплошной толщей покрыли они Суну. Реки не видно на протяжении нескольких километров.

Уставшие от бессонной ночи и от впечатлений, мы возвращаемся в Петрозаводск. В тот день передавали сообщение о ходе навигации на Волго-Доне...

ПАРОХОД ВЕДЕТ КАПИТАН МОШНИКОВ

«Володарский» идет!

Быстро облетает эта весть пристани Онежского озера. Особенно радостно воспринимают ее жители Заонежья. На том берегу регулярное сообщение с внешним миром устанавливается одновременно с началом движения пароходов.

Впрочем, и для столицы республики первый рейс «Володарского» — событие радостное. Открывается пассажирское сообщение с Ленинградом.

Высокобортный озерный пароход неторопливо подваливает к дебаркадеру Петрозаводского речного вокзала. В толпе собравшихся у поручней слышатся голоса:

— Мошников ведет...

На командном мостике «Володарского» — человек с обветренным лицом. На синем кителе алеет значок депутата Верховного Совета СССР.

Капитан Иван Васильевич Мошников.

Иван Васильевич Мошников знает многих своих пассажиров. Обычно в эту пору уходят в отпуск учителя, отправляются на практику студенты. Часто встречаются едущие в командировки лесозаготовители, сплавщики. У них горячий сезон. Почти каждый год они плавают на «Володарском», и Мошников радушно здоровается с ними, как со старыми знакомыми.

Отданы швартовы. Пароход пятится назад, разворачивается, нацеливаясь носом в противоположный берег, а потом покидает гавань. Проплывает панорама Петрозаводска. Радуют глаз светлые краски новых домов. Рдеет кирпичная кладка новостроек. На оконечности лесистого мыса — полосатый маяк. «Володарский» из Петрозаводской губы вышел в открытое озеро. Палуба слегка покачивается под ногами. Порывистый ветер вздымает волну. Понятно, почему у парохода высокие борта и почему так плотно задраены иллюминаторы в каютах,— с бурным Онежским озером шутить не следует, плавание тут мало чем отличается от морского.

В штурманской рубке карта. Ломаной линией идет по ней курсовая черта, показывающая путь корабля. Лежат инструменты мореходов: циркуль, угломер, компас, логарифмическая линейка — вещи, необходимые и капитану и штурману. Шторм, плохая видимость, туман, плавание «без берегов» — мало ли что бывает почти в каждом рейсе!

О многих походах по Онежскому озеру мог бы рассказать Иван Васильевич. Из сотен, тысяч рейсов, совершенных в бытность матросом, штурманом, капитаном, Мошникову на всю жизнь запомнился накрепко один. То был первый в истории сквозной рейс по каналу из Ленинграда в Белое море.

Вытирая платком лысеющее надлобье, Иван Васильевич рассказывает о рейсе 1933 года:

— Командовал я тогда «Анохиным». Приказали срочно плыть в Ленинград. Причалили у Смольной пристани. Сразу нас предупредили: готовьтесь к ответственному рейсу на север.

На другой день поднялся к нам на борт Климент Ефремович Ворошилов. Осмотрел пароход и скоро уехал. Мы поняли, что рейс будет действительно ответственным, и принялись за подготовку. Навели чистоту, надстройки вымыли, выкрасили, палубу до блеска надраили, машину всю до винтика проверили.

И вот утром на палубу «Анохина» всходят Иосиф Виссарионович Сталин, Климент Ефремович Ворошилов и Сергей Миронович Киров...

Отдали швартовы, пошли вверх по Неве.

Волновался я страшно. Все казалось, что машина не так стучит, что плица на колесе не в порядке. Всякое в рейсе ведь бывает, чего греха таить! Но тут уж команда не ударила в грязь лицом. Люди без всякого приказа делали, что полагается. И знаете, не сговариваясь, работали тихо, чтобы товарищу Сталину не мешать.

Прошли мы Ладогу, Свирь, Онежское озеро. Подгребаем к Повенцу. Сказать по совести, я очень тревожился, что нашему «Анохину» будет тесно в шлюзах. Ничего подобного! Прошли свободно первую камеру, вторую, третью, а потом и всю Повенчанскую «лестницу».

Прошлюзовались и в Беломорске. Иосиф Виссарионович, товарищи Киров и Ворошилов отправились на военные корабли, что пришли из Балтики по каналу. Через некоторое время после посещения Мурманска гости снова вернулись на наш корабль, уже в Медвежьегорске. Оттуда поплыли обратно в Ленинград...

Закончив рассказ, Иван Васильевич умолк, задумался, потом, подводя итог, сказал:

— С того рейса, собственно, и началась настоящая история здешнего края. После посещения Беломорканала Иосифом Виссарионовичем развернулась стройка по всему Северу. Сталин дал нам, северянам, путевку в большое плавание.

Повенец — Петрозаводск — Онежское озеро.

Берлин, 1—6 июля...

Фредерик Жолио-Кюри открывает чрезвычайную сессию Всемирного Совета Мира. Внизу: вице-председатель Всемирного Совета Мира Александр Фадеев разговаривает в перерыве между заседаниями с французским делегатом Робером Шамбейроном (второй справа).

Сессия Всемирного Совета Мира, проходившая в Берлине с 1 по 6 июля, явилась чрезвычайной в полном смысле этого слова. Ее созыв продиктован событиями последнего времени, усилившими угрозу возникновения войны на западе Европы и на Дальнем Востоке.

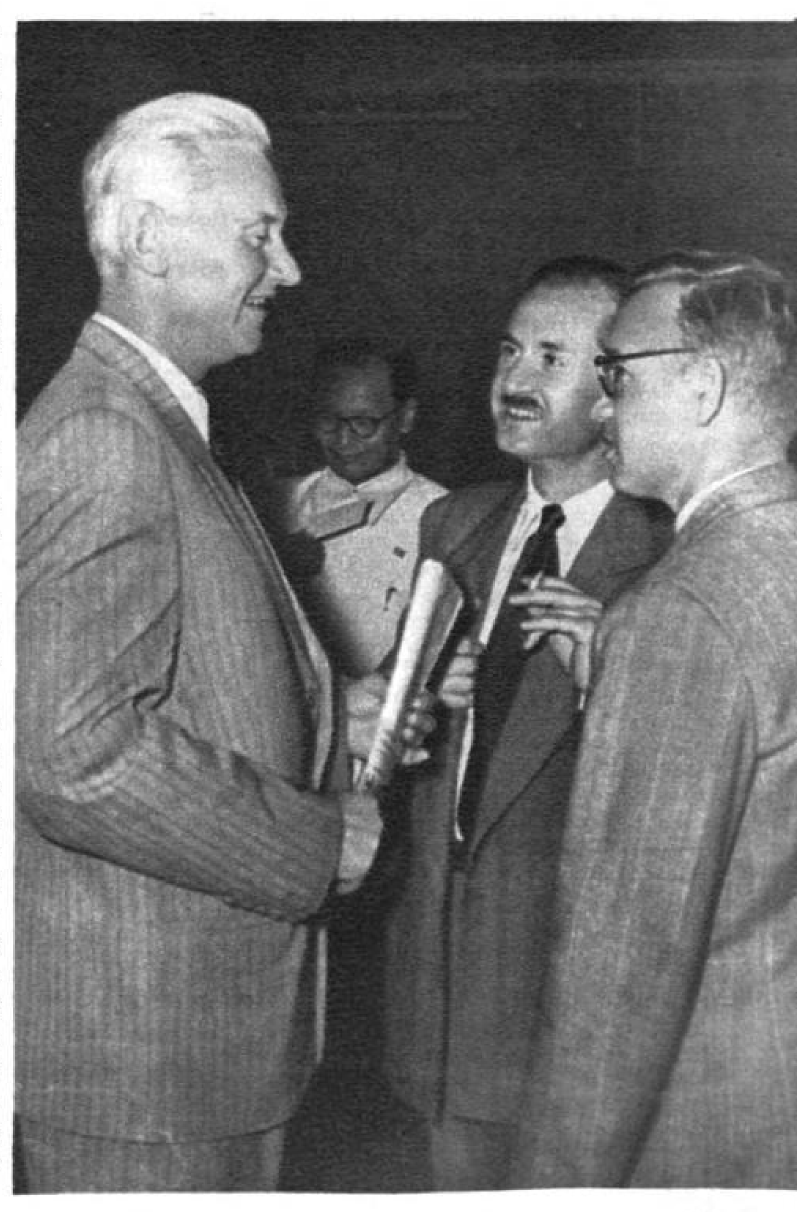
Шесть дней в зале Берлинского страхового общества на Рунгештрассе выступали поборники мира. Они говорили на языках многих народов. Различен был цвет кожи ораторов, различны их профессии, политические и религиозные взгляды. Но каждый из них требовал ясно и твердо: немедленно заключить справедливые мирные договоры с Германией и Японией! Немедленно прекратить преступную войну в Корее! Пресечь бешеную гонку вооружений в странах империализма и заключить Пакт Мира! Доклады по этим вопросам, как и каждое из выступлений делегатов, звучали неопровержимым обвинительным актом против американо-английских поджигателей войны.

...На трибуне профессор, член Академии педагогических наук в Бонне г-жа Фасбиндер, активная деятельница «Общества защиты мира в Европе». Она сторонница создания «нейтральной Германии». Не все ее аргументы встречают одобрение слушателей. Но когда Фасбиндер говорит о том, что Советский Союз никому не угрожает войной, что его мирные предложения представляют собой верный путь к спасению мира, все присутствующие горячо поддерживают это высказывание, как свое собственное.

...Делегат Абдерраман Бушама говорит о борьбе за национальную независимость трудящихся Марокко, Туниса и Алжира. Нашей борьбой, заявляет он, мы мешаем поджигателям войны бросить искру в пороховой погреб. Все честные люди мира, сказал делегат Франции д-р Мэ, должны требовать созыва конференции четырех великих держав, которая смогла бы урегулировать германский вопрос мирным путем.

В заключение своей работы сессия Всемирного Совета Мира приняла обращение к правительствам четырех держав и всем народам по германской проблеме; резолюцию по мирному разрешению японского вопроса; резолюцию о немедленном прекращении войны в Корее. Всемирный Совет Мира утвердил текст Обращения против бактериологической войны, который был принят 1 апреля 1952 г. на заседании Бюро Всемирного Совета Мира в Осло, и принял воззвание о созыве 5 декабря текущего года в Вене Конгресса народов в защиту мира.

На митинге, состоявшемся в Берлине 6 июля, Фредерик Жолио-Кюри подвел итоги работы сессии. «На сессии Всемирного Совета Мира,— сказал он,— мы сделали все, что могли, чтобы найти самое действенное разрешение актуальнейших проблем. Однако осуществление наших решений зависит от усилий мужчин и женщин городов и сел всех стран мира. Там находится решающая сила, которая обеспечит сохранение мира... Силы войны поколеблены. Если мы разбудим совесть всего человечества, то дело мира победит».

НАШИ ДЕТИ

П. МАШЕРОВ,
секретарь ЦК комсомола Белоруссии, Герой Советского Союза

Много дикого, несовместимого с понятием о человеческом достоинстве, увидел я в Англии, но встреча с детьми лондонских докеров как бы переполнила чашу этих тягостных впечатлений. Сознаюсь, я не представлял себе, что можно дойти до такой степени жестокости, отнять у детей своего же государства все радости жизни, лишить их всего. Между тем дело обстояло именно так.

Как-то на одном из мостов портовой части Лондона заметил я группу детей. Две девочки и три мальчика, опершись о железные перила, стояли почти неподвижно, изредка обмениваясь несколькими словами. Было воскресенье, но ни в настроении ребят, ни в самом их облике ничего праздничного не чувствовалось. Хмурые, изможденные лица, глубоко запавшие глаза, непомерно тонкие шеи, худые руки и ноги. Ветер трепал ветхую одежонку, и, чтоб хоть сколько-нибудь согреться, дети жались друг к другу.

Мне хотелось с ними познакомиться, поговорить, узнать, кто они. До войны я работал учителем, и естественно, что первым долгом речь зашла о школе. Впрочем, дело тут не только в моей профессии. Любой из нас, советских людей, начал бы с того же. Причина тут ясная: все мы просто привыкли к тому, что ребята такого возраста ходят в школу. Однако я ошибся, начав свое знакомство с маленькими лондонцами разговором о школе. Они смотрели на меня с явным недоумением. Оказалось, что никто из них не учится.

— Нам нужно думать о заработке, — сказал старший. — Дома нечего есть.

— О заработке? — переспросил я. — Но о каком же?

— О любом, какой подвернется. Выбирать нашему брату не приходится.

Я узнал, что «нашему брату» всего лишь двенадцать лет, что отец у него — докер, что дома, кроме него, еще четверо детей поменьше, что он самый старший. Биографии остальных ребят были приблизительно такими же: одна у всех безрадостная судьба. В школу их не отдавали, потому что у родителей нет средств, и постоянную работу найти никак не удавалось. Вот и бродят они по огромному Лондону в поисках куска хлеба. Никого не волнует ни их настоящее, ни тем более их будущее. Я смотрел на этих маленьких, угрюмых «старичков» и думал о нашей советской веселой детворе, о принадлежащих ей дворцах, школах, санаториях.

Давно вернулся я к себе, в родной Минск, но всякий раз, когда беседую с нашими детьми, в памяти воскресает эта встреча. Она предстала перед моими глазами и теперь, когда я собираюсь рассказать, как прошел недавно воскресный день у юных ленинцев одного из отрядов минской школы.

На круглой площади столицы Белоруссии рядом с многоэтажными зданиями стоит небольшой деревянный домик. Этот домик особенно дорог минчанам: в нем состоялся I съезд РСДРП. Сейчас здесь музей. Здесь и решили провести свой сбор пионеры 4-го класса 42-й минской школы. Все они были ровесниками моих лондонских знакомых, но глаза, одежда, настроение, развитие, выражение лиц — все, все совсем другое.

На сборе ребята знакомились с революционной деятельностью В. И. Ленина и И. В. Сталина. В музее много интересных картин, фотографий, документов. С благоговением пионеры читали ленинскую «Искру».

Сбор закончился беседой о том, кто кем хочет быть. Конечно, не раз еще будут меняться их планы и желания, но, наблюдая, с какой горячностью они отстаивали и защищали профессии, которые им нравятся, можно было подумать, что не иначе, как завтра, все они собираются вступить на избранное поприще.

Обычное явление. Одни изъявляли желание стать агрономами, другие — врачами, но, пожалуй, больше всего было охотников поехать работать на великие стройки коммунизма.

Слушая наших юных пионеров, я подумал: а что, если шутя спросить у них:

— Ребята, а как у вас с заработками, есть ли у ваших родителей на хлеб?

Разумеется, этот вопрос удивил бы их не меньше, чем маленьких лондонцев удивил вопрос о школе, порог которой они не переступали.

Наши дети растут сильными духом и телом, честными и всесторонне развитыми. Они располагают всеми условиями для счастливой и радостной жизни, о них отечески заботятся большевистская партия, советское правительство, любимый И. В. Сталин. Все лучшее в нашей стране предназначается детям, и все, что называется «детским», — лучшее, будь то санаторий, клуб, продукты питания, одежда, обувь.

Конечно, и у наших ребят немало своих забот, но совсем другого характера, чем у лондонских детей. Вот, скажем, в 5-м классе 6-й школы города Барановичи несколько учеников отставало по математике. Пионеры решили вмешаться в невеселые дела своих товарищей и посвятить этому сбор. На помощь пришли педагоги. Они выступили и рассказали о том, какую роль математика играет при сооружении гигантских электростанций и каналов, в управлении сложными механизмами, в создании машин, в научных открытиях, во всей повседневной жизни. Математика после этого сбора перестала казаться скучной, какой многим представлялась прежде.

Понятно, одного этого сбора было недостаточно, чтобы подтянуть отстающих, но он послужил как бы сигналом для оказания всемерной помощи товарищам. Вскоре в классе почти перевелись двойки по математике.

Подобные сборы, посвященные географии, физике, русскому языку и другим предметам, стали чаще проводиться в школах республики. Пионерская организация заботится и о том, чтобы ребята правильно распределяли свое время, сознательно относились к своему труду — учебе. Вот названия некоторых сборов: «45 минут», «Учись учиться», «Режим дня». Дети знакомятся с тем, как учились В. И. Ленин и И. В. Сталин.

На пионерские сборы приглашаются стахановцы, ученые, мастера высоких урожаев. Они рассказывают детям, как дорога каждая минута на производстве, в лабораториях, на колхозных полях.

Великое счастье наших детей состоит в том, что уже на школьной скамье они испытывают на себе огромную силу величайшего примера беззаветного служения партии и народу, каким является жизнь и деятельность гениальных вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина. Юные ленинцы с глубочайшим интересом знакомятся с биографиями вождей, учатся у них горячо любить свою советскую Родину, свой народ.

За последнее время, особенно после VII Пленума ЦК ВЛКСМ, комсомол Белоруссии значительно улучшил руководство пионерскими дружинами школ республики. Теснее стала связь между учителями и комсомолом. Этому во многом помогло то, что старшими пионервожатыми были выдвинуты комсомольцы-учителя, которые по-настоящему, с душой отдаются любимому делу.

Работа пионерских дружин стала более содержательной и интересной. Это сразу сказалось и на успеваемости.

В Белоруссии теперь много школ, где нет ни одного неуспевающего пионера.

В светлых классах, у пионерских костров, на шумных сборах отрядов рождается заветная мечта — стать в ряды ленинско-сталинского комсомола, боевого помощника великой партии большевиков. И каждый год тысячи и тысячи пионеров вливаются в многомиллионную армию комсомола. Только за последние два года около 150 тысяч юных ленинцев Белоруссии получили комсомольские билеты. Сейчас в школах республики 215 125 членов ВЛКСМ.

Читая приветствие великого Сталина юным пионерам Советского Союза, мы, комсомольские работники, вдумывались в каждое слово нашего великого вождя и учителя.

— Да, — говорили мы себе, — нам еще много и много нужно поработать, чтобы деятельность пионерской организации была еще более интересной и содержательной. У нас для этого есть все возможности.

Белорусским детям, как и детям всей нашей страны, предоставлено все для учения, отдыха, физической закалки. Работа пионерских дружин простирается далеко за пределы школы (а школ, заново построенных и восстановленных за послевоенные годы, в Белоруссии 11 930).

Пионеры с увлечением занимаются в драматических, авиамодельных, радио- и других кружках. Они полные хозяева во дворцах и в домах пионеров, на станциях юных натуралистов и юных техников. Перед ними гостеприимно раскрыты двери музеев, театров и кино, концертных залов и клубов, библиотек и стадионов. Сколько нового узнают дети в походах, экскурсиях, сколько впечатлений получают от посещений заводов, фабрик, строек!

Только за последние годы открыто свыше 80 новых детских библиотек. В ближайшее время намечается построить и открыть ряд новых домов пионеров, музыкальные школы и училища в районных центрах. Большим подарком для пионеров будет новый детский театр в Минске.

В репертуарах оперного и драматических театров все больше появляется детских спектаклей. В нынешнем году киностудия «Беларусьфильм» выпускает четыре номера журнала «Пионер Белоруссии», готовится художественный фильм о жизни белорусских школьников. В республике издаются ежемесячный пионерский журнал «Бярозка», две газеты, десятки новых книг для детей.

Много сделано для укрепления здоровья детворы. Больше 20 500 наших школьников — спортсмены-разрядники. Лучшие из них повышают свое мастерство в 28 юношеских спортивных школах.

Сейчас все мы заняты тем, чтобы помочь ребятам весело и интересно провести каникулы. Из года в год советское правительство увеличивает ассигнования на летний отдых детей нашей республики. В 1952 г. на это выделено свыше 31 миллиона рублей.

Более 600 тысяч ребят отдохнут в пионерских лагерях, поедут в «Артек» и другие детские санатории и дома отдыха. Часть из них проведет отдых в экскурсиях и путешествиях. Они побывают в Москве, Ленинграде, на Кавказе и в других местах нашей страны.

Счастливо и радостно живут советские дети! Ничего подобного и не снится маленьким англичанам, с которыми довелось мне повстречаться в Лондоне. Кто знает, что с ними сталось, — быть может, они как и в то воскресенье, вновь стоят на мосту, не решаясь возвращаться домой с пустыми руками.

Всесоюзный день физкультурника

Один из дней самого лучшего времени года — солнечного, благодатного лета — Советская страна посвящает своим физкультурникам. Этот день давно уже стал подлинно всесоюзным праздником молодости, здоровья и силы.

Физкультурное движение и спорт окружены у нас любовью народа, получили самую широкую поддержку большевистской партии и Советского государства. В рядах физкультурников — многие миллионы тружеников города и деревни.

Физическая культура в СССР является частью передовой социалистической культуры и важным средством воспитания славных строителей коммунизма. Укрепление здоровья советских граждан, подготовка их к труду и к защите своего Отечества — таковы благородные цели наших спортивных обществ.

Советская система физического воспитания — самая прогрессивная, самая передовая. Она направлена к всестороннему физическому развитию человека и к воспитанию в нем высоких моральных качеств.

Силу и ловкость, смелость и упорство издавна любят народы Советской страны. С радостью отдают они свой досуг спорту. Всегда многолюдно, всегда весело на наших стадионах и физкультурных площадках, на водных станциях и в гимнастических залах.

За последние годы все шире развертывается физкультура в деревне. Спортсменов встретишь теперь в каждом колхозе. И в самом отдаленном районе увидишь спортивные площадки, стадионы.

В большинстве советских республик созданы спортивные общества колхозников.

Центральный Комитет ВКП(б) указал, что главными задачами в области физкультурной работы являются развертывание в стране массового физкультурного движения, повышение уровня спортивного мастерства и на этой основе завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта.

Всеми силами стремятся советские физкультурники претворить эти указания в жизнь. Новые миллионы трудящихся становятся под знамена советского спорта. Не успокаиваясь на достигнутом, непрерывно повышая требовательность к себе, упорно развивают и шлифуют свое мастерство наши спортсмены. Поэтому и растут, обновляются, становятся все выше советские спортивные рекорды. И уже не один десяток мировых рекордов принадлежит спортсменам Советского Союза.

За последние годы значительно расширились международные связи советского спорта. Выступая в международных спортивных соревнованиях, наши физкультурники способствуют укреплению дружбы народов, укреплению мира во всем мире.

Спортсмены завода

О. МАРКОВА

Это началось, когда на Уралмаше построили стадион, засеяли футбольное поле специальными травами и проложили гаревые дорожки для бегунов.

До этого времени в семье Федосьи Степановны Силкиной дети росли, учились в школе, играли на улице в городки, бегали купаться, потом поступили работать на завод.

Но вот старшему сыну, Эваресту, удалось побывать на футбольном состязании, и его словно подменили: после работы он уже не ложился отдохнуть, переодевался и уходил на стадион.

Федосья Степановна встревожилась: уж на работу ли ходит сын по утрам? Очень бодрым он возвращается вечерами.

Средние сыновья — Степан и Алексей — потянулись за старшим. Младший, Николай, еще оставался около матери: он был мал, и на стадион его не пускали.

Братья увлеклись баскетболом, футболом, хоккеем, городками.

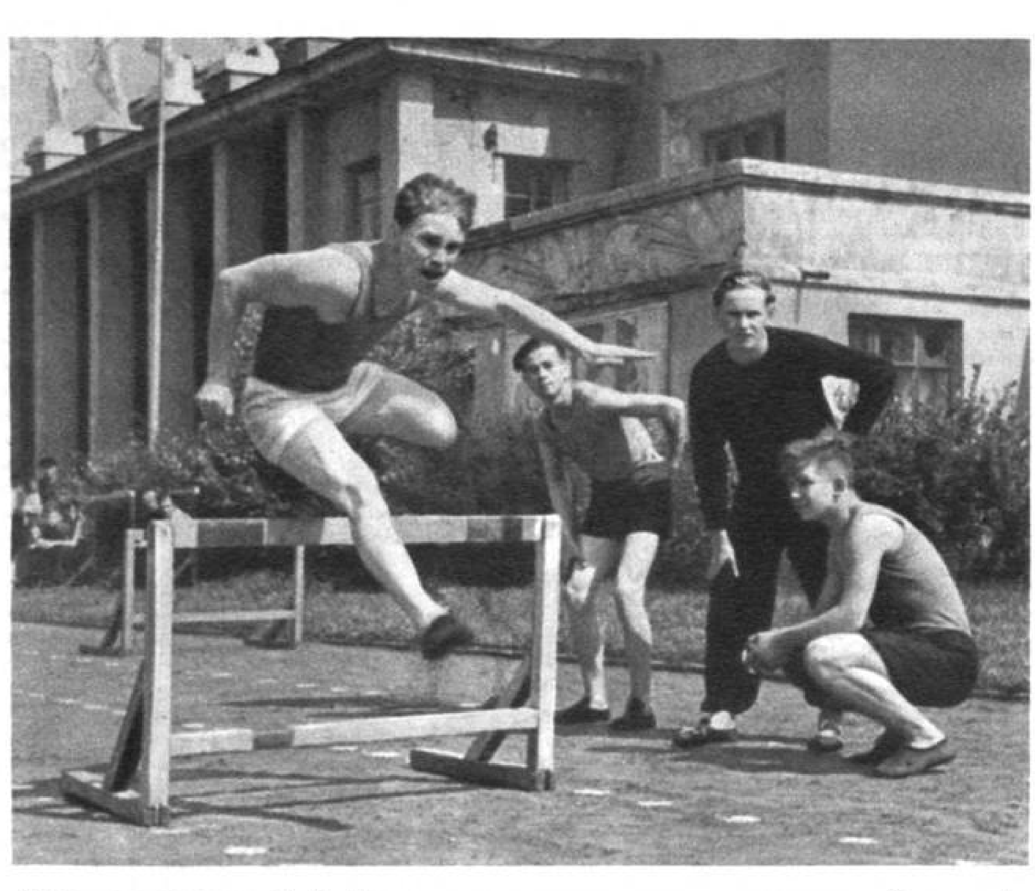
Трудно было иногда Федосье Степановне понять, о чем так горячо спорят ее сыновья. В их лексиконе появились новые слова: «штрафной удар», «кросс», «олимпийская система», «финиш». Они говорили о соревновании цехов по футболу, о площадке, построенной на заводе для городошников, о своих прославленных спортсменах. Они называли Татьяну Карелину, Людмилу Горностаеву, Анастасию Плотникову, выросших и воспитанных в коллективе общества «Авангард» на их заводе.

Федосья Степановна не обратила бы внимания на имена, но гордость, с какой произносили их сыновья, заставила ее насторожиться.

— А они, эти чемпионы-то, на заводе, наверное, всю работу запустили?..

Ей возразил Эварест:

— Что ты, мама, разве можно на заводе запустить работу! У нас больше половины спортсменов — стахановцы завода. Вон Володя Остаточников, расточник экскаваторного цеха, две с половиной

Тренер легкоатлетов В. Н. Ионкин демонстрирует молодым спортсменам барьерный бег. Справа — инженер-технолог ремонтно-механического цеха Уралмашзавода Г. М. Чадов тренируется с группой рабочих завода в толкании ядра.

Даже в дни обычных тренировок футболистов семья Силкиных приходит на стадион. В первом ряду (слева направо): Галина Гурьяновна с сыном Колей-маленьким, Шура Силкина, Федосья Степановна. Во втором ряду (слева направо): Эварест Кузьмич, Анна Давыдовна, Нина Кузьминична, Степан Кузьмич, Ольга Васильевна и Коля-старший.

Фото Ю. Добронравова

нормы вырабатывает. Это не помешало ему выполнить все нормы по комплексу «Готов к труду и обороне СССР». К тому же нормы повышенные, второй ступени. Он еще и капитан цеховой футбольной команды. Или токарь Варфоломей Грознов. Он ведь первый предложил на ходу передавать оборудование из смены в смену. К тому же он турист и председатель бюро городошной секции. Или вот Степан Климов — лучший фрезеровщик Свердловска, — отличный футболист и хоккеист. Конструктор Калашникова, технолог Шавелев, зуборез Шуваев... да мало ли их!..

— Ну, а вы на заводе не отстаете? — спросила Федосья Степановна и тут же поняла, что вопрос ее лишний: сыновья крепли на глазах, у них появилась ловкость в движениях, они ввели в быт строгий режим: в определенное время сон, зарядка.

И характеры их менялись. Они стали более дисциплинированными, настойчивыми.

Один за другим подрастали сыновья. В доме Силкиных стали появляться девушки.

— Вот, мама... моя невеста... тоже из «Авангарда»,— говорил сначала Эварест, а затем и другие сыновья.

Так в семье Силкиных появились Галина Гурьяновна — инженер-конструктор завода и туристка; Ольга Васильевна — контролер отдела технического контроля, легкоатлет и баскетболистка; так появилась Анна Давыдовна — разметчица экскаваторного цеха, баскетболистка.

Все вместе они шли по вечерам на стадион. За невестками потянулись на стадион и дочери Федосьи Степановны — Шура и Нина.

Их квартира превратилась в филиал спортивного общества. В свободное время в семье играли в настольный теннис, в шахматы, занимались, боксом, классической борьбой.

Федосья Степановна волей-неволей знакомилась с жизнью спортивного общества, которая шла не только на стадионе, но и в общежитиях и в цехах. Она слышала о соревнованиях на первенство по лыжам, волейболу, баскетболу. По дороге в магазин она видела около общежитий новые площадки и вела им счет. Их было уже много.

Теннисистке Шуре братья говорили:

— Ты идешь в своем настольном теннисе на поводу у противника, забываешь, что ты в сражении, которое надо вести... Даже силы врага проверить не умеешь. Ты собирай всю волю и навязывай ее противнику.

Мать, волнуясь за дочь, украдкой спрашивала у кого-нибудь из сыновей:

— Шура-то очень плохо усваивает?

Ее также украдкой успокаивали:

— Ничего, мама, ты за Шуру не беспокойся!

Старший сын, Эварест, не бросая работы, получил высшее образование, дочь Нина, туристка, бригадир молодежно-комсомольской бригады сталефасонного цеха, тоже учится в вечерней школе. Иногда мать удивляется, как они успевают.

Разными путями приходили молодые рабочие к спорту. Разные виды его увлекали их, разных достижений они добивались, но конечный результат был один — физкультура входила в быт, улучшала и здоровье и производительность труда.

Во время Отечественной войны Силкины поняли, какое значение имели физкультура и спорт в формировании человека, в воспитании его характера.

Степан был серьезно ранен на фронте в правое плечо. Мать знала по письмам из госпиталя, как тяжело сын переживает свое увечье.

В первую же встречу с семьей Степан заговорил об этом:

— А знаете, дорогие: если бы раньше я не тренировался, я мог бы потерять руку. А теперь... я начну играть в баскетбол.

Подбадриваемый семьей, он начал тренироваться и скоро достиг прежнего мастерства. Теперь он выступает на стадионе уже не как рядовой игрок, а как тренер и учитель молодых спортсменов.

Младшего сына, Николая, Федосья Степановна направила на стадион сама:

— Тебе уже пора из детской спортивной школы на стадион переходить. От спорта вреда нет, только польза.

Возвращаясь со стадиона, Коля мечтательно говорил:

— Вот так бы научиться ходить на лыжах, как Людмила Петровна Горностаева, тренер наш...

— Хватил: «так бы»! Имей терпение. Людмила Петровна — заслуженный мастер спорта, это просто не дается... А ты только начал. Тренируйся...

Однажды сыновья пригласили мать придти на стадион посмотреть на состязания цехов по футболу.

Дорога к стадиону стала многолюдной. Старые рабочие с семьями чинно усаживались на трибунах. Стадион был заполнен, а люди все шли с разных сторон. Соседи охотно и подробно поясняли Федосье Степановне, в каком цехе работает вратарь, на сколько процентов выполняет норму нападающий.

Мать не выдержала и вставила:

— Капитаном-то команды мой Алексей... старшим планировщиком работает. Член цехового совета физкультуры. А старший — Эварест — инженер в отделе главного технолога... тоже капитан команды по городкам... В конструкторском бюро 120 человек в обществе состоят...

Взглянув на поле, она прервала рассказ и вся была поглощена ходом состязания.

С тех пор каждое воскресенье шла Федосья Степановна на стадион, всякий раз поражаясь неисчерпаемому запасу творческой энергии и инициативы спортсменов.

У входа на стадион физкультурники сажают деревья. Уже высадили полторы тысячи корней. Юноши и девушки ежедневно приходят сюда на несколько часов: плотничают, роют землю, готовят аллею.

Мать ходит по дорожкам стадиона, заглядывает во все углы, обходит площадки, корты для игры в теннис: здесь тренируются мастера ракетки.

Блестят на солнце перекладины турников, мерно раскачиваются от ветра кольца.

— Сорвешься, сорванец! — кричит она пареньку, который схватился за кольца и застыл в воздухе. На трапеции, взлетая все выше и выше, качается другой. Этот немолод. Лицо его уже избороздили морщинки. Молодой, веселый тренер стоит около него.

— Хорошо! — говорит он. — Перехват! Оборот... Снова перехват, подъем!

Здесь Федосья Степановна уже ничего не сказала, удивленная тем, что на стадионе находят свою молодость пожилые люди.

Вот на площадке Анастасия Плотникова. Учит лыжников, окруживших ее:

— Купаться, обязательно играть в теннис. По утрам непременно бег... Готовьтесь к зиме сейчас.

Вот заслуженный мастер спорта Горностаева занимается гимнастикой с детьми. По одному слову мастера они склоняются, раскидывают руки. Кажется, ими движет единая воля. Заглядывала Федосья Степановна и в клуб общества, в комнату отдыха, где хранятся под стеклом спортивные реликвии — многочисленные серебряные кубки, хрустальные вазы, гипсовые и литые из чугуна группы, завоеванные в соревнованиях на первенство РСФСР и СССР, в которых уралмашевцы защищали честь города. Теперь она уже знала, что не напрасно так поощряется ловкость, и смелость, и способность преодолевать любые препятствия.

В обществе «Авангард» состоит пять тысяч человек. В прошлом году было подготовлено больше тысячи новых значкистов ГТО, пятьсот спортсменов-разрядников.

Присуждение заводскому коллективу общества «Авангард» переходящего Красного знамени ВЦСПС и присвоение ему звания лучшего коллектива физкультуры профсоюзов вызвали у Силкиных большую радость, словно это была победа семьи.

Свердловск.

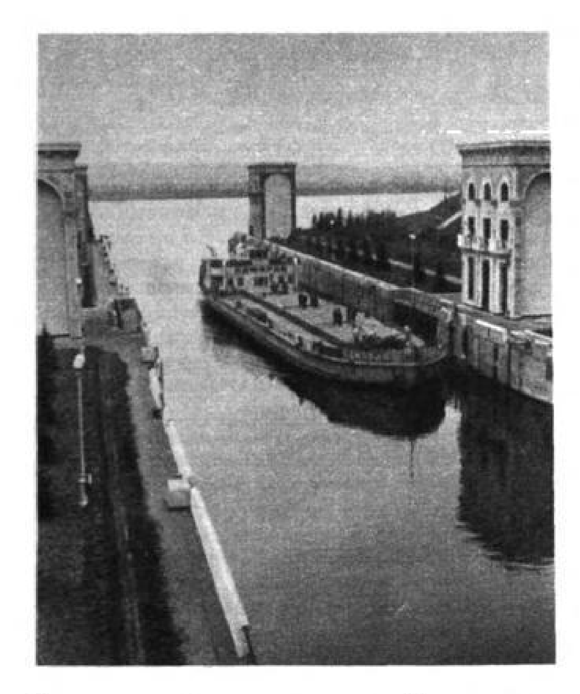

Сильнейшие бегуны на короткие дистанции. В. Сухарев (Москва) передает эстафету Л. Каляеву (Ленинград).

Фото А. Бочинина

Барьерный бег на 80 метров.
Фото Н. Волкова

Гонка на велотреке московского стадиона Юных пионеров.
Фото Е. Умнова

Самоходная баржа проходит Карамышевский шлюз канала имени Москвы.
Фото Н. Кулешова

На канале имени Москвы

Исполнилось пятнадцать лет каналу имени Москвы.

Для города, живущего девятый век, это срок небольшой. Но в Советской стране изменилось понятие о времени. В истории новой, социалистической Москвы пятнадцатилетие может быть приравнено к эпохе.

Долгой, мучительной была жажда Москвы — большого промышленного и культурного центра, лишенного природой крупного водоема. Бесплодными оказывались при царизме все попытки решить проблему водоснабжения. То, что было не под силу дореволюционным «отцам города», осуществил при советской власти народ — подлинный хозяин Москвы и всей страны.

Менее чем за пять лет был прорыт глубоководный канал между столицей и верховьями Волги протяженностью в 128 километров. На трассе его вынуто 200 миллионов кубометров земли, уложено более 3 миллионов кубометров бетона и железобетона. Чтобы привести волжскую воду в Москву, понадобилось соорудить 11 плотин и 5 насосных станций; 8 гидростанций работает на трассе канала. От Волги по каналу и далее, по Москве-реке, суда проходят 10 гигантских ступеней — 10 шлюзов, оборудованных по последнему слову техники. Новая водная дорога через подмосковные поля и леса потребовала соорудить 7 железнодорожных и 8 шоссейных мостов, 2 тоннеля, переселить на новые места 6 700 хозяйств. Всего на трассе канала было воздвигнуто свыше 240 сложных инженерных сооружений.

Подобно московскому метро, канал стал замечательным памятником социалистического строительства. Соединив Москву-реку с Волгой, он изменил географию столицы. Ныне город стал портом пяти морей.

Новым содержанием наполнились старые, привычные москвичам понятия.

Подмосковное село Фили памятно в истории знаменитым советом, который держал Кутузов с русскими военачальниками вскоре после Бородина. Ныне близ Кутузовской слободы, входящей в черту города, у железнодорожной станции Фили, расположена Западная гавань. Она снабжает Москву камнем, цементом, песком, металлом — всем, чего требуют стройки.

Химки... Не так давно название это стояло в бесчисленном ряду подмосковных дачных мест. Сегодня от гранитных причалов Северного речного вокзала в Химках отправляются пассажирские экспрессы в Горький и Астрахань, в Молотов и Ростов.

За окраиной деревни Кожухово, на Сукином болоте, были когда-то городские свалки. Теперь здесь Южная гавань столицы. На берегах просторного водохранилища высятся массивные склады, над причалами высоко взлетают стрелы кранов. Выгружаются суда, пришедшие из Ленинграда, с Урала, от берегов Белого моря и Каспия.

За пятнадцать лет своего существования канал имени Москвы обогатился новыми капитальными сооружениями. Накануне войны вступила в строй Южная гавань — самая крупная ныне в столичном речном порту.

Канал имени Москвы — замечательная кузница кадров. Немало гидротехников, гидроэнергетиков, речников-эксплуатационников, получивших закалку на сталинской водной трассе, трудятся сейчас на Волго-Доне.

С. МЕСЯЦЕВ

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Силы революции, вызвавшие июньский кризис, продолжали нарастать.

Вести о провале наступления на фронте и о репрессиях, осуществляемых Временным правительством, всколыхнули трудящихся столицы и других городов. На фабриках и заводах Петрограда происходят забастовки, митинги. Усиливается революционное брожение на фронте. Все выше поднимается революционная волна в деревне — к июлю 43 губернии были охвачены крестьянским движением. Все это говорило о том, что назревает новый революционный взрыв.

Но партия большевиков считала, что выступать в этот период было еще нецелесообразно. В. И. Ленин и И. В. Сталин предупреждали партию, что только буржуазии выгодно вызвать революционные массы Петрограда на улицы до того, как революционное брожение охватит всю страну. Партия понимала, что, как ни велико значение Петрограда в революции, он один не решит ее исхода. Без пролетариев Урала, Донбасса и других промышленных центров страны, без миллионов солдат, уже не доверявших Временному правительству, но еще находившихся под влиянием эсеров и меньшевиков, нельзя было выступать.

Однако движение стремительно развивалось. События были ускорены предательскими маневрами буржуазии, стремившейся задушить революцию и захватить власть.

Утром 16 июля (3 июля по старому стилю) в 1-м пулеметном полку на собрании ротных комитетов было решено немедленно начать вооруженную демонстрацию против Временного правительства, за передачу власти Советам. Это решение было горячо поддержано солдатами и рабочими столицы. Кронштадтские матросы решили послать в помощь трудящимся столицы 10-тысячный вооруженный отряд. Неурочные гудки на предприятиях возвестили, что рабочий класс Петрограда выходит на улицы.

Остановить движение было уже невозможно. 16 (3) июля В. И. Ленина не было в Петрограде. Центральный Комитет большевиков под руководством товарища Сталина вынес решение о том, чтобы стать во главе демонстрации, взять руководство движением в свои руки, и назначил на 17 (4) июля мирную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!»

В. И. Ленин, вернувшись утром следующего дня, одобрил эту тактику.

Следуя призыву большевистской партии, сотни тысяч демонстрантов вышли 17 июля на улицы Петрограда, чтобы потребовать от Советов порвать с буржуазией и взять власть в свои руки.

К полудню из Кронштадта прибыл вооруженный отряд революционных моряков. Кронштадтцы сразу же направились к дворцу Кшесинской, где находился Центральный Комитет большевистской партии. Владимир Ильич с балкона дворца приветствовал моряков и выразил уверенность, что «лозунг «вся власть Советам» должен победить и победит несмотря на все зигзаги исторического пути». Вождь пролетарской революции призвал рабочих, солдат и матросов к выдержке, стойкости и бдительности.

Со всех концов города колонны демонстрантов стекались к Таврическому дворцу — здесь заседал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. На знаменах, плакатах и транспарантах были большевистские лозунги: «Вся власть Советам!», «Рабочий контроль над производством!», «Хлеба! Мира! Свободы!».

Несмотря на мирный характер демонстрации, на Сенной площади, на углу Садовой улицы и Невского проспекта и в других местах юнкера и офицерские отряды встретили демонстрантов залпами. Мостовая обагрилась кровью революционных рабочих и солдат. Буржуазия провоцировала вооруженное столкновение, чтобы потопить в крови революцию. Но, руководимые большевиками, массы не поддавались на провокации. Партия считала, что в июле 1917 года не было необходимых условий для вооруженного восстания.

Рабочие 54 заводов и фабрик Петрограда избрали делегацию, которая потребовала от Центрального Исполкома Советов, чтобы он взял всю власть в свои руки. Однако меньшевики и эсеры в июльские дни открыто перешли в лагерь буржуазии и вместе с ней готовили расправу над революцией.

Вечером 17 июля Центральный Комитет большевистской партии вынес решение о прекращении демонстрации и призвал рабочих и солдат мирно и организованно закончить выступление.

Буржуазная контрреволюция, опираясь на поддержку эсеров и меньшевиков, перешла в наступление. Рано утром 18 июля банда юнкеров ворвалась в помещение редакции газеты «Правда» и учинила там погром. Вслед за этим была разгромлена типография «Труд», где печатались большевистские издания. 19 июля на Шпалерной улице был убит рабочий Воинов только за то, что он продавал «Листок Правды». Войска Временного правительства заняли Петропавловскую крепость и дворец Кшесинской. 20 июля Временное правительство издало приказ об аресте В. И. Ленина.

По городу начались повальные обыски, аресты, погромы, разоружение рабочих, расформирование полков, участвовавших в демонстрации. Улицы заполнились патрулями юнкеров. Двоевластие кончилось. Кончился мирный период развития революции. Наступил новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений.

Контрреволюция требовала суда над Лениным. Предлагали выдать В. И. Ленина на суд контрреволюционеров и предатели Троцкий, Каменев, Рыков. Но против этого решительно выступил товарищ Сталин. Он спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь В. И. Ленина.

Большевистская партия перешла в подполье, укрыла своего вождя В. И. Ленина и стала готовиться к вооруженному восстанию, чтобы свергнуть власть буржуазии и установить советскую власть. «...революция не умерла,— писал впоследствии товарищ Сталин,— она только притаилась для того, чтобы, собрав новых сторонников, с новой силой ринуться на врагов».

Июльская демонстрация в Петрограде (1917 год)

Славное тридцатилетие

15 июля исполняется 30 лет со дня основания Коммунистической партии Японии.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие революционного движения во всем мире, вызвала рост освободительной борьбы народов Востока, привела к возникновению коммунистического движения, к созданию компартий во многих странах, в том числе и в Японии.

Эхом выстрелов «Авроры», возвестивших всему миру о победоносной социалистической революции в России, были рисовые бунты в Японии в 1918 году, нередко переходившие в вооруженные восстания рабочих и крестьян, героическая стачка рабочих судостроительных верфей в Кобе в июле 1919 года, крестьянские восстания в Тохоку, студенческие демонстрации в Токио и Киото. В условиях подъема революционной борьбы японского рабочего класса и крестьянства в стране создавались различные марксистские кружки и группы. Но они не имели общей программы, не были объединены общими целями. Группа передовых японских марксистов, участников конференции народов Востока, происходившей в Москве в 1922 году, решила объединить эти кружки и группы, создать единую коммунистическую партию в Японии. Во главе этой группы стоял ветеран японского рабочего движения Сен Катаяма. В нее также входили рабочий-металлист Масаносуке Ватанабе, студент Токийского университета Кюици Токуда.

15 июля 1922 года была опубликована прокламация о создании компартии Японии, а в ноябре того же года состоялся первый ее съезд. На съезде была принята первая программа японской компартии. В этой программе коммунисты заявляли, что будут бороться за ликвидацию императорской системы, тайного совета и генерального штаба, за установление восьмичасового рабочего дня, конфискацию крупных помещичьих владений, установление свободы слова, печати, собраний, организаций и т. д.

Народ увидел, что в лице компартии он имеет верного защитника своих кровных интересов. И хотя уже в 1923 году компартия вынуждена была уйти в глубокое подполье, это не помешало росту ее влияния среди масс. Авторитет партии в массах трудящихся, ее связь с массами росли с каждым годом, особенно после расширения ее первоначальной программы в 1927 году.

Тяжелый путь прошли японские коммунисты в условиях жесточайшего полицейского террора. 7 октября 1928 года японская охранка зверски замучила секретаря компартии Ватанабе. Погиб также от руки полицейского выдающийся писатель-коммунист Такидзи Кобаяси, оставивший прекрасные очерки о героической борьбе своих товарищей. 15 марта 1928 года правительство милитариста Танака, готовясь к войне против Китая, устраивает массовую облаву на коммунистов, а вслед за тем громит все другие прогрессивные организации. В течение месяца было арестовано около 30 тысяч передовых людей Японии. В жандармских застенках оказались руководители компартии Сёити Итикава и Кюици Токуда. «С коммунизмом в Японии покончено»,— хвастливо заявил тогда генерал Танака.

Ответом был знаменитый манифест компартии, опубликованный 20 сентября 1931 года, на второй день после провокации японской военщины в Мукдене. В манифесте говорилось:

«Армия империалистической Японии занимает Мукден. Японские милитаристы сделали первый шаг к оккупации Маньчжурии и Монголии. Это вовсе не «защита справедливости» и не «случайный инцидент», как они утверждают. Это не что иное, как хорошо обдуманная реакционная провокация против трудового народа Китая и Японии, против трудящихся Советского Союза. Это — авантюра варварских грабителей и презренных убийц». История подтвердила верность оценки, которую дала компартия Японии империалистической авантюре японской военщины в Китае.

Через 14 лет, 2 сентября 1945 года, милитаристская Япония капитулировала в результате разгрома Советской Армией ее полчищ на Дальнем Востоке. Следствием этой победы явилось освобождение Китая, создание Китайской Народной Республики. Победа советского народа воодушевила также и японский народ на борьбу за свое освобождение.

Американские оккупанты долго после капитуляции не хотели выпускать из тюрьмы руководителей компартии, арестованных 18 лет назад. И только 10 октября 1945 года по требованию народа были освобождены из тюрьмы Фуцю 30 коммунистов во главе с Кюици Токуда.

День освобождения Токуда и его товарищей держался оккупантами в строгой тайне. Все же у ворот тюрьмы собралось около 10 тысяч рабочих, пришедших приветствовать своих боевых руководителей. После непродолжительной, но трогательной, сердечной встречи собравшиеся двинулись мощной колонной в центр Токио, чтобы провести там митинг. По пути ряды демонстрантов непрерывно росли. Испугавшись манифестации, оккупанты пытались сорвать ее тем, что вызвали Токуда и его товарищей на допрос в военную полицию.

Генеральный секретарь японской компартии Кюици Токуда.

Токуда не присутствовал поэтому на грандиозном митинге в парке Хибия, но митинг состоялся. Он свидетельствовал о том, что влияние коммунистов среди народа неизмеримо возросло по сравнению с довоенными годами.

С этих дней начинается быстрый и неуклонный рост рядов компартии. Если на первое декабря 1945 года в рядах компартии состояло всего 1 181 человек, то в феврале 1946 года она насчитывала уже 7 тысяч членов, к концу 1948 года — 95 тысяч, а к концу 1949 года это число превысило 200 тысяч.

Американские оккупанты идут по стопам японских милитаристов в своей реакционной политике в Японии. Ничем не отличаются и методы проведения этой политики. Янки направили свой основной удар против компартии. Они засылали в ее ряды провокаторов. Они устраивали покушения на ее руководителей. 20 января 1947 года было организовано покушение на коммуниста Кикунами, руководителя крупнейшего профсоюзного объединения Японии — Конгресса производственных профсоюзов. 19 июля 1948 года фашистский выродок бросил бомбу в генерального секретаря компартии Кюици Токуда. Однако влияние компартии неуклонно растет наперекор всем провокациям и зверствам реакции. Во время первых послевоенных выборов в парламент за кандидатов от компартии голосовало около 2 миллионов избирателей. В выборах 23 января 1949 года за компартию было подано уже свыше 3 миллионов голосов.

Наступили дни подготовки американских империалистов к агрессии против Кореи. Оккупанты решили прежде всего расправиться с руководством японской компартии. Однако их попытка арестовать Кюици Токуда и весь ЦК компартии потерпела провал. Оберегаемые рабочими, Токуда и его товарищи перешли в подполье. Они руководят борьбой японского народа за мир и национальную независимость.

Борьба японского народа за свободу и независимость внушает страх американским империалистам и японским реакционерам. Эта борьба ширится, нарастает с каждым днем. Об этом свидетельствуют грозные массовые демонстрации 1 и 30 мая этого года, об этом говорят всеобщие забастовки в апреле и июне этого года, в которых приняло участие свыше 5 миллионов рабочих. По всей стране рабочие отказываются выполнять американские военные заказы, крестьяне выступают против конфискации их земель под военные базы и полигоны, рыбаки — против захвата для этих же целей рыболовных участков.

Борется против введения всеобщей воинской повинности и вербовки в наемную армию японское студенчество. Деловые круги страны, понявшие, к чему ведет хищническое хозяйничанье американских монополистов в японской экономике, также все смелее выступают против американской оккупации, требуя установления торговых связей с Советским Союзом, народным Китаем, со странами народной демократии. После опубликования новой программы компартии Японии укрепился единый фронт борьбы японского народа под руководством компартии — борьбы за мир, национальную независимость, за освобождение от американского ига.

«Особенно большое значение в этом отношении имело для нас новогоднее послание японскому народу великого вождя товарища И. В. Сталина,— пишет Кюици Токуда.— Это послание не только усилило международные связи японского народа, но и дало ему неизмеримые силы».

Вдохновленная великим примером Советского Союза, исторической победой китайского народа, руководствуясь всепобеждающими идеями Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, Коммунистическая партия Японии пришла ко дню своего 30-летия крепкой, стойкой, пользующейся поддержкой широких масс своего народа и сторонников мира во всем мире.

Сбудутся прозорливые слова послания великого Сталина о том, что японский народ «добьется возрождения и независимости своей родины так же, как добились этого в свое время народы Советского Союза».

И. ЦЕХОНЯ

Счастливого пути!

Команда земснаряда № 501 прощается с Цимлянским гидроузлом.
Фото Дм. Бальтерманца

После окончания основных работ на строительстве Волго-Дона, после вступления в строй судоходного канала, Цимлянской ГЭС и сети оросительных каналов, значительная часть строителей уезжает на другие стройки. В Жигули и Сталинград, на Каховку и в пески Кара-Кумов едут экскаваторщики и бетонщики, гидромеханизаторы и скреперисты, арматурщики и мастера глубинного водоотлива.

Уехали знатная электросварщица Валя Шамаева, бригадир экскаваторщиков Н. Татаренко, прославленные гидромеханизаторы — начальники земснарядов — Виктор Михайлов и Виктор Хлюст. Уже трудятся волгодонцы на трассе Туркменского канала и на берегах Днепра.

Что ни день, новые проводы. Сердечно провожают строители своих товарищей, с которыми пришли в мертвые степи и за рекордно короткий срок возвели плотины, шлюзы, насосные станции, проложили каналы и создали моря. Вот из-под триумфальной арки четырнадцатого шлюза медленно выходит мощный теплоход, буксирующий огромный земснаряд № 501. С башен шлюза, парапетов, с берегов доносятся громкие возгласы:

— Счастливого пути, товарищи!

— Попутного ветра! Желаем удач!

— Не посрамите чести Волго-Дона!

Монтажники, бетонщики, лепщики и штукатуры размахивают шапками, бросают в воду цветы.

Над палубой земснаряда плакат:

«Успешно закончив работы на строительстве Волго-Донского судоходного пути — на первой стройке коммунизма,—активно включаемся в строительство Сталинградской ГЭС!»

Земснаряд бросает якоря на рейде. Все окна на корабле-строителе тщательно зашиты досками, люки задраены, на видном месте вывешены огнетушители и спасательные круги: судно хорошо «законвертовано» — подготовлено к первому, невиданному в мировой практике походу через Цимлянское море.

Поднимаемся по трапу на борт земснаряда. На палубе устроена походная кухня. Около нее хлопочут матросы Евгения Малышева, Анна Ищенко. Екатерина Жур занимается стиркой. Чувствуется, что команда расположилась здесь по-домашнему, уютно и не боится дальнего и трудного похода.

Старший багермейстер Владимир Боровик проводит нас к начальнику земснаряда Павлу Васильевичу Малышеву. Загорелый, невысокого роста, коренастый человек рассказывает о работе земснаряда на строительстве Цимлянской плотины, о предстоящем плавании:

— Наш земснаряд был построен в Киеве и в 1950 году прошел по Днепру, Черному и Азовскому морям на строительство Цимлянского гидроузла Волго-Дона. Мы намыли в плотину три с половиной миллиона кубических метров грунта. Теперь, закончив работу, идем на строительство Сталинградской ГЭС. Как только прибудем на место, сразу в забой.

На земснаряде, готовясь к большому походу, провели большой ремонт механизмов, подготовили водоотливные и противопожарные средства, тщательно проинструктировали команду, что делать, если случится шторм.

— Нам хочется скорее прибыть на строительство Сталинградской ГЭС и приступить к работе,— говорит матрос Евгения Малышева.— Вся команда взяла обязательство трудиться «по-волгодонски».

...Земснаряд № 501 благополучно миновал Цимлянское море, прошел по каналу и прибыл сейчас на новую стройку.

Е. РЯБЧИКОВ

На снимке: на строительстве Сталинградской ГЭС. Установка для намыва защитной дамбы вдоль будущего Волго-Ахтубинского канала.
Фото Г. Зельма

На волжских стройках

В дни, когда Волго-Донской канал превращается в оживленную транспортную магистраль, когда первая великая стройка коммунизма предстает перед глазами пассажиров во всем своем великолепии, новыми успехами отмечены трудовые будни строителей двух других волжских гигантов.

От правого берега Волги протянулась надежная перемычка из камня, песка и металла; она отгородила полукольцом большое пространство под котлован для здания Куйбышевской ГЭС. Это сооружение уже выдержало бурный напор весеннего половодья. Около полумесяца остается до знаменательного события на стройке: на одном из участков котлована начнется укладка бетона.

Заканчивается сооружение высоковольтной линии с правого на левый берег Волги в районе строительства Сталинградской ГЭС. У Песчаного острова стоит в ожидании электроэнергии мощный земснаряд «100-80». В ближайшее время он приступит к выемке грунта на острове. В конце нынешнего года Песчаный остров исчезнет, здесь будет огромный котлован под здание крупнейшей в мире гидроэлектростанции.

Первая сверхдальняя

Закончены изыскания трассы линии электропередачи Куйбышевская ГЭС — Москва. В осеннее ненастье, в зимнюю стужу и весеннюю распутицу разведчики шаг за шагом прошли путь от Жигулей до столицы, пересекли безводные степи, лесные массивы, болота, топи, преодолели водные преграды — тридцать больших и малых рек.

Сейчас на смену изыскателям пришли строители. Возводятся жилые дома для рабочих, мастерские, гаражи, склады, расширяются просеки в лесах. Началась укладка бетонных фундаментов под металлические опоры.

Вдоль трассы должно быть смонтировано несколько тысяч металлических опор, подвешено несколько десятков тысяч тонн проводов, в фундаменты мачт будет уложено около 300 тысяч кубометров бетона.

На трассу завезены экскаваторы, бульдозеры, тяжелые тракторы, передвижные бетонные заводы. Значительная часть линии пройдет по безводной местности, вдали от рек. Вода будет доставляться сюда в специальных автоцистернах. Для сооружения линии связи используется интересная техническая новинка — буровая машина, снабженная трактором-столбоставом. За 10—12 минут машина роет яму и устанавливает столб.

Линия электропередачи Куйбышев — Москва протянется на 900 с лишним километров. Более 6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год будет передаваться по ней на огромное расстояние сверхвысоким напряжением в 400 тысяч вольт. История мировой техники не знает электропередачи такой мощности, пропускной способности и дальности.

В настоящее время по одной линии нигде не передается свыше 700—800 миллионов киловатт-часов энергии; самое большое расстояние ныне лишь немногим превышает 400 километров, а напряжение достигает 287 тысяч вольт.

Советские электромашиностроители разработали и изготовили образцы оборудования, невиданного еще по мощности и габаритам. Так, выключатель на 400 тысяч вольт имеет в высоту 11 метров. Силовой трансформатор на такое же напряжение придется перевозить по железной дороге в разобранном виде и монтировать на месте. Высота опорного изолятора достигает 5,5 метра, а высота «защитного разрядника»— 10 метров.

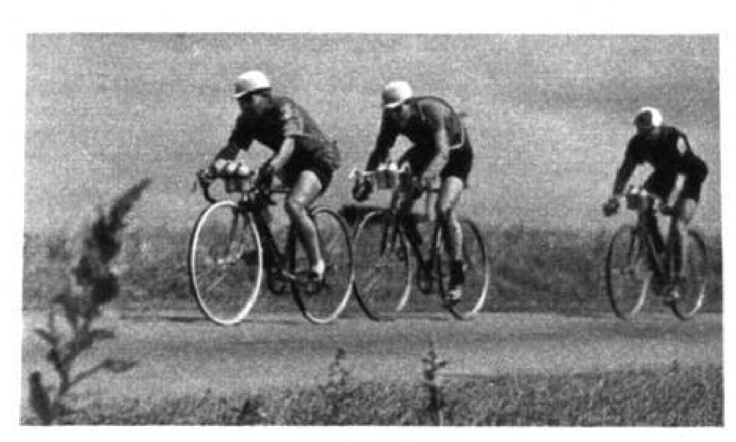
На волжских гидроэлектростанциях и линиях электропередач будут широко использованы новейшие достижения советской автоматики и телемеханики. Главный диспетчер, сидя в Москве, сможет на расстоянии управлять распределением колоссальной энергии, идущей с берегов Волги.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Москва-Харьков-Москва

Многодневная велосипедная гонка

На дистанции.

Шестого июля закончилось соревнование велосипедистов по Симферопольскому шоссе. Гонка длилась девять дней. Маршрут из Москвы до Харькова и обратно, общей протяженностью 1 350 километров, велосипедисты прошли за сорок с лишним часов. Погода не благоприятствовала состязанию. Спортсменам приходилось идти в сильную жару, в проливной дождь и против сильного встречного ветра.

Ниже мы публикуем репортаж и фотоснимки наших корреспондентов, сопровождавших гонщиков.

НАЧАЛО БОРЬБЫ

Как и в прошлом году, в Москве стартовало шестьдесят велосипедистов, но на сей раз среди них подавляющее большинство были молодые спортсмены, не имеющие звания мастера спорта. Они впервые участвуют в таком большом, ответственном соревновании. Но это лишь увеличило спортивный интерес гонки, которая на начальных же этапах приобрела характер острого соперничества.

Несмотря на то, что в первый день соревнования стояла нестерпимая жара, велосипедисты хорошо освоились с обстановкой и кучно прошли всю дистанцию.

Первый этап, как и в любых состязаниях, был этапом, в котором спортсмены приглядывались друг к другу. Они изучали не только тактику команды, но и поведение каждого велосипедиста. Один неожиданно резко на крутом повороте делает попытку уйти от группы, другой любит отсиживаться на «чужом колесе», третий норовит все время идти в середине большой группы, защищенный от всяких ветров.

Первые два этапа велосипедисты шли кучно. Попытки некоторых гонщиков или целых групп вырваться вперед не приносили успеха. Их быстро настигали остальные. Это естественно, ибо силы спортсменов примерно равные.

Победа Х. Руубеля в Туле и И. Чурилова в Орле — представителей команды спортивных обществ профсоюзов — еще ни о чем не говорила, ибо и тот и другой выигрывали у своих соперников лишь десятые доли секунды. В непосредственной близости от них были динамовцы П. Давидян, К. Паршайтис и С. Манукян — опытные гонщики.

Командное же первенство на первых двух этапах выигрывали спортсмены Военно-Воздушных Сил, среди которых были такие известные гонщики, как А. Логунов, Ф. Тарачков, А. Рыжаков, В. Климов. Но и их «поджимали» динамовцы.

Динамовцы обсуждают ход гонки.

РАЗБИТАЯ БАНКА

Обычно гонщики, подъезжая к питательному пункту, почти не замедляя хода, хватают флягу с водой или бульоном, а пустую выбрасывают на обочину дороги. На эту несложную процедуру уходят доли секунды. Все зависит от обстановки и характера борьбы. Питательный пункт часто становится предлогом и местом острого соперничества. Пока одни меняют фляги, другие этот момент считают наилучшим для рывка вперед. Пойди потом догоняй их! Поэтому, проходя питательный пункт, все велосипедисты настороженно следят друг за другом.

Но вот спартаковцы решили перенести питательный пункт на более «спокойный участок». Они торопливо давали стеклянные банки своим гонщикам или просто обдавали их водой, устраивая неожиданный освежающий душ.

Спартаковца С. Щепанского мучила жажда. Он воспользовался случаем, быстрыми глотками выпил воду, а банку то ли бросил, то ли выпустил из рук. Со звоном она разбилась и разлетелась по шоссе. Идущие сзади гонщики начали лавировать между осколками битой посуды. Но не всем это удалось. У одного гонщика прокололась шина (или, как ее называют, трубка), у другого, третьего... Они стали к обочине чтобы сменить трубки, а спартаковцы ушли вперед.

Это было на втором этапе гонки между Тулой и Орлом. Борьба разгоралась. Хейно Руубель, который шел уже в оранжевой велосипедной рубашке лидера, держался в головной группе. Он не делал попыток уйти вперед. За победу на первом этапе у него вычли одну минуту из затраченного на дистанции времени, и эта даровая минута позволила ему чувствовать себя свободнее других.

За Чернью у динамовца К. Паршайтиса что-то случилось с велосипедом. Он вынужден был остановиться. Но тут же подъехал к нему В. Киреев, отдал свою машину, а сам быстро принялся за ремонт. Эта товарищеская выручка позволила К. Паршайтису тут же догнать головную колонну.

НАРУШЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Гонка между Орлом и Курском мало чем отличалась от первых двух этапов, если только не считать, что это был самый короткий этап. Так же кучно шла головная группа, так же отставали одиночки из-за поломки колеса и проколов трубки, которых, кстати сказать, в этом году было слишком много.

Но в отличие от прежних дней заметна была большая активность команды спортивных обществ профсоюзов. На сей раз почти весь коллектив шел вместе. А это очень важно, ибо зачет ведется по сумме времени, затраченного семью гонщиками, и, стало быть, каждый отстающий кладет на «плечи команды» груз потерянных им минут.

Поэтому, если кто-либо отстал в пути, его не бросают товарищи по команде. Они знают, что одному очень тяжело догонять. Ему нужна помощь. Тогда отстает и другой, чтобы затем пойти с товарищем вместе и «вытянуть» его вперед. Очень часто это удается.

На этом этапе шла упорная командная борьба между динамовцами и летчиками. Динамовцы явно догоняли лидеров. К тому же под Курском произошел случай, который повлиял на дальнейший ход гонки. Стоявшая на обочине запряженная лошадь испугалась и встала на дыбы. Велосипедист, оказавшийся рядом, резко свернул в сторону, столкнулся с соседом, и оба они упали. Сзади на большой скорости шел Ф. Тарачков. Он тоже упал и ушибся. Врачи сняли его с гонки, и команда ВВС лишилась одного из сильнейших своих лидеров.

К финишу в Курске подошла большая группа. На последней стометровке началась острая борьба. Вот мчатся Давидян, Паршайтис и Щепанский. Остается несколько метров до черты. Щепанский делает красивый бросок и первым пересекает линию финиша. Паршайтис проигрывает ему две десятых доли секунды, а Давидян — три десятых.

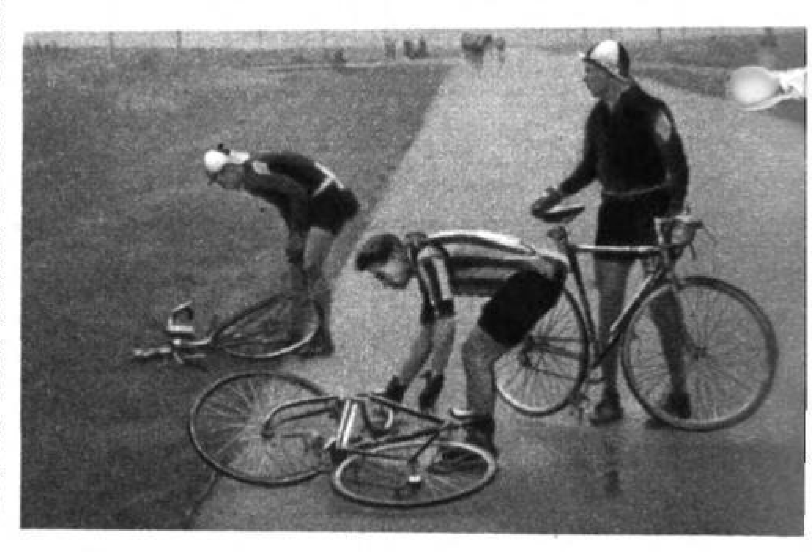
Вечером, после заседания судейской коллегии, главный судья С. С. Королев объявил Щепанскому:

— За выигрыш этапа из вашего времени вычитается одна премиальная минута, а за брошенную на шоссе стеклянную банку вам прибавляется тридцать штрафных минут...

Так Щепанский потерял надежду на призовое место.

ПОД ДОЖДЕМ И ВЕТРОМ

Участки из Курска в Харьков и обратно были очень тяжелыми. По пути в Харьков более двух часов шел дождь. Шоссе стало скользким. На спусках, подъемах и крутых поворотах, которых здесь было очень много, велосипедисты часто падали. Тут же подъезжала машина с красным крестом, но было поздно. Спортсмены уже продолжали свой путь. Серьезных ушибов не было, а из-за царапины «даваться» в руки врачу было рискованно: дорога была каждая секунда.

Придется менять колесо.

Несмотря на тяжелые условия гонки, велосипедисты развили на этом этапе большую скорость, которая иногда доходила до 40 километров в час.

Когда же шли обратно — из Харькова в Курск,— гонщиков встретил сильный ветер. Он доходил до семи баллов и дул то в лоб, то сбоку. Это изменило характер борьбы. Гонка растянулась на много километров. Некоторые спортсмены с трудом преодолевали сопротивление ветра, который

Техническая помощь подоспела во-время.

На питательном пункте...

словно испытывал физическую выносливость людей. Скорость резко снизилась. Ни одна команда не имела в одной группе семерых велосипедистов, необходимых для командного зачета. В «хвосте» гонки боролись с ветром отстающие. Они тянули свои команды назад.

Так, например, молодые спортсмены ЦДСА Н. Фролов и В. Гаврилов добавили команде груз «весом» более чем в два часа! Это отбросило армейцев далеко назад.

Но в голове гонки шла борьба между старыми соперниками. После пяти этапов вперед вышла команда «Динамо». Летчики остались на втором месте.

В борьбе же за личное первое место картина почти не изменилась. Руубель никому не уступал оранжевую рубашку лидера, и это дало кому-то повод сказать, что она пришлась ему по плечу. Однако Паршайтис проигрывал лидеру лишь 1 минуту 1,1 секунды.

РУУБЕЛЬ — ЛИДЕР СЕМИ ЭТАПОВ

Путь от Курска до Орла и далее до Тулы не был ничем примечателен. В Орле за несколько километров до финиша вырвались вперед Чурилов и В. Башкин. Они развили большую скорость. Никто из головной группы не мог догнать их. Они же, поочередно меняясь местами, у самого финиша выровнялись и почти одновременно пересекли черту. Судьи нашли, что Башкин был впереди. Через две минуты подошла головная группа, а вместе с ней и основные претенденты на первое место и на приз «Огонька» — Руубель и Паршайтис.

На пути в Тулу лидировали гонку велосипедисты команды спортивных обществ профсоюзов. Динамовцы несколько отстали. К тому же прокол трубки в машине Паршайтиса задержал его на несколько минут. В Туле первым финишировал А. Логунов. Спустя несколько секунд черту пересек Руубель. Только через пять минут появился Паршайтис. Теперь уже он проигрывал Руубелю около шести минут. Руубель лидирует семь этапов. Небывалый успех!

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

С утра было пасмурно и холодно. А как только гонщики покинули Тулу, пошел дождь и поднялся порывистый, встречный ветер. Начался последний этап.

Вскоре сильным рывком вперед ушли Руубель и Паршайтис. Они начали быстро уходить от основной группы. Никто и не пытался их догнать. Километров сорок они шли вместе, а затем Руубель начал отставать. Холодный дождь усилился. Шоссе мокрое.

Паршайтис первым прошел Серпухов. Он шел, как казалось, с предельным напряжением сил.

Мы смотрим на часы и отсчитываем минуты. Прошла минута, две, три, пять... Руубеля не видно. Наконец на горе показалась точка. Она все приближается. Да, это Руубель. Но уже прошло семь минут. Паршайтис «отыграл» задолженность и выиграл одну минуту. Сумеет ли Руубель приблизиться к своему многодневному сопернику?

Но Паршайтис идет быстрее, и расстояние между ними увеличивается.

Финиш первым пересекает К. Паршайтис.

Спустя тринадцать минут финишировал Руубель.

К. ПАРШАЙТИС ПОЛУЧИЛ ПРИЗ «ОГОНЬКА»

Итак, многодневную шоссейную гонку выиграл динамовец из Клайпеды Казис Паршайтис. Он хорошо распределил свои силы на всем пути, показал выдержку и отличную физическую подготовленность.

На стадионе «Динамо» состоялось торжественное вручение призов и дипломов. Переходящий приз Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта получила команда «Динамо». Она выиграла гонку.

Паршайтису был вручен приз «Огонька».

М. МЕРЖАНОВ

Фото А. БУРДУКОВА.

«Скорая помощь».

К. Паршайтис получает букет цветов от пионерки.

Олимпийские игры

В воротах стадиона появляется бегун с горящим факелом в руках. Этот факел был зажжен в знаменитой в древнем мире Олимпии. Он принесен сюда участниками многодневной эстафеты, пересекшей границы многих стран, он зажжен от солнечных лучей с помощью светособирательной линзы, как это делали некогда древние эллины. Сделав круг по беговой дорожке, бегун подносит факел к огромной бочке с горючим, установленной на специальном постаменте. Вспыхивает традиционный «олимпийский огонь», гремит орудийный салют. Так начинаются международные олимпийские игры...

В течение почти целого тысячелетия олимпийские игры проводились каждые четыре года на олимпийском стадионе в древней Элладе. Они собирали десятки тысяч свободных эллинов и способствовали развитию культурных и экономических связей между греческими городами-государствами (полисами). Олимпийские игры находили широкое отражение в литературе и искусстве того времени и даже послужили основанием для хронологии, которую ввел известный греческий историк Тимей (счет по «олимпиадам», то есть по четырехлетнему перерыву между играми). Первые олимпийские игры, о которых сохранились данные и документальные сведения, состоялись в 776 году до нашей эры.

Главной особенностью древнегреческих олимпийских игр, сохранившей актуальное значение и для современного человечества, явилось то, что эти традиционные спортивные соревнования неизменно проводились как праздник мира и дружбы между народами. Именно в связи с олимпийскими играми сложился в древней Греции обычай, ограничивающий войны и регулирующий отношения между враждующими полисами. Когда в Олимпии начинались традиционные игры, во всей стране воцарялся «священный мир», так называемая «экихирия», нарушение которой было равносильно богоотступничеству. В течение целого месяца «экихирии» никто не имел права применять оружие на территории Олимпии, никто не имел права его носить; все едущие на игры считались неприкосновенными. Дни олимпийских празднеств были днями всеобщего мира в Элладе.

В этом состоит особенно привлекательная для миллионных масс современных любителей спорта черта олимпийских игр древности. И когда в конце XIX века французский спортсмен и педагог Пьер де Кубертэн выступил с предложением возродить традицию олимпийских игр, его инициатива была охотно подхвачена широкими кругами спортивной общественности целого ряда стран.

Первые олимпийские игры после их возобновления, согласно решению Международного атлетического конгресса в Париже (1894 г.), были проведены в 1896 году в Афинах. И с тех пор по давней традиции олимпийские игры устраиваются через каждые четыре года в различных столицах мира. В 1900 году олимпийские игры были проведены в Париже, в 1904 году — в Сен-Луи, в 1908 году — в Лондоне, в 1912 году — в Стокгольме. Но вопреки ведущей идее олимпийских игр они были отмечены сразу же печатью шовинистической пропаганды. Особенно широко развернулась эта пропаганда после первой мировой войны.

Седьмые олимпийские игры состоялись в Антверпене в 1920 году и снова, вплоть до второй мировой войны, проводились регулярно каждые четыре года (в Париже — 1924 год, в Амстердаме — 1928 год, в Лос-Анжелосе — 1932 год). Последние игры перед второй мировой войной были проведены в Берлине в 1936 году.

Только в 1948 году возобновились эти крупнейшие международные соревнования. Четырнадцатая олимпиада была проведена в Лондоне, на стадионе Уэмбли.

Олимпийские игры 1952 года в Хельсинки будут проходить в обстановке, когда сотни миллионов людей подняли свой голос в защиту мира, против поджигателей войны, когда впервые в истории человечества возникло и ширится передовое многомиллионное организованное движение сторонников мира, среди которых немало спортсменов. Сообщение о том, что Советский Союз примет участие в олимпийских играх, было встречено с большим удовлетворением широкими кругами международной спортивной общественности. Хорошо известно, что все выступления советских спортсменов на международной спортивной арене неизменно проходят под знаком мира. Многие спортсмены решили посвятить эти игры благородным задачам борьбы за мир.

Ю. КЛЕМАНОВ

Уолл-стрит против французской республики

Жан КАТАЛА

Правительство позора

Вот уже пять лет, как Америка поставляет для Франции не только сверхдорогие и лежалые товары, но и правительства. Этот последний вид принудительных поставок, как известно, особенно дорого обходится миллионам простых французов. Американские государственные мужи, усердно сооружающие у себя фашистский режим с помощью законов Тафта — Хартли, Маккарэна и Смита, решили заодно «усовершенствовать» и государственность Франции.

Каждый раз, когда с очередным французским кабинетом случается неприятность, в Вашингтоне и Нью-Йорке начинаются припадки ярости. Возмущаться, негодовать, сквернословить по адресу «этих французов» считают себя вправе все — спекулянты из нью-йоркской фондовой биржи, политические гангстеры из «партийных машин» демократов и республиканцев, генералы, обучающие военному искусству блох и вшей, растленные дипломаты, от которых всегда отдает профессиональными шпионами.

Этой весной ярость «опекунов» превзошла все границы. Из-за океана последовал грозный приказ: переменить «метод», сфабриковать французский кабинет на «новой», солидной основе, чтобы он опять не полетел кувырком через месяц — другой.

И вот был призван к власти кабинет Антуана Пинэ.

Есть ли что-либо новое в этом правительстве, созданном на «новой» основе? Министерство Пинэ — такой же комитет по делам крупного американского и французского капитала, такая же лакейская двухсот семейств, как и тринадцать предыдущих. Правительство Пинэ даже еще более типично в этом смысле.

И все же есть тут и нечто новое.

Наделенный внешностью святоши, хотя и смахивающий несколько по виду на торговца свиньями, Антуан Пинэ являет собой прототип преуспевающего буржуа. Владелец нескольких крупных кожевенных заводов и вице-президент треста «Кожа и кожсырье», он устроил себе избрание в сенаторы еще во времена III республики. Понятно, что деятельность его в сенате заключалась прежде всего в том, чтобы радеть о выгодах и доходах представляемой им фирмы и отрасли отечественной промышленности.

В 1940 году Пинэ с энтузиазмом голосовал за Петэна. Тот отблагодарил его, назначив «национальным советником». Рыцарь кожевенного рынка был даже возведен в ранг «рыцарей галльского топора». Правду сказать, эта «топорная» средневековая символика не увлекала Пинэ: он отдался более земному делу, взяв на себя поставки сапог для гитлеровской армии.

После освобождения Франции Пинэ был судим «судом чести». Но это не помешало ему, имея за спиной влиятельных покровителей, продолжать жить и действовать в прежнем духе. В маршаллизованной Франции он так же спокойно, без шума сочетал политику с коммерцией, как и в Виши. Так, его плодотворная деятельность в 1948 году на посту государственного секретаря по вопросам экономики увенчалась увеличением почти в восемь раз розничных цен на кожевенные товары...

Многие из тех, кто вместе с Пинэ занял место вокруг стола совета министров, несут на себе некую общую печать: они бывшие люди Виши. Они соучастники сметенного народом недолговечного режима, представлявшего не весьма ароматную смесь элементов гитлеровского «райха», муссолиниевских «корпораций» и франкистской фаланги. Короче говоря, эти люди — представители французского варианта фашизма.

Мы встречаем в этой почтенной компании нашего старого знакомого Робера Шумана, бессменного представителя государственного департамента на посту французского министра иностранных дел; ранее он, как известно, был вице-министром в кабинете Петэна. Мы видим здесь Эммануэля Тампль, вишийского «национального советника», того самого, которого в 1943 году патриоты Алжира захватили в плен сонного, в одной ночной рубашке. Мы можем встретить за этим же столом Камиля Лоранса, еще одного вишийского «национального советника»; Андрэ Мориса, одного из строителей гитлеровского «атлантического вала»; юриста Андрэ Мари, выгораживавшего означенных строителей; Ги Пети, известного всем агента Франко, и т. д., и т. п.

Но американскому госдепартаменту, видно, показалось недостаточным, чтобы бригада петэнистов отныне «олицетворяла» республиканский строй во Франции. К составу нынешнего кабинета можно без большой натяжки причислить и еще троих вишистов более высокого полета, людей, биографии которых украшены судебными приговорами за сотрудничество с врагами и поработителями Франции. Это даже не «министры без портфеля», они не имеют никаких официальных должностей, а функционируют в качестве чего-то вроде «технических экспертов». Но на деле именно они командуют в нынешнем французском кабинете.

Первый из них, Леруа-Лядури, — бывший петэновский министр экономики. Во время оккупации его деятельность на ниве национальной экономики сводилась главным образом к организации утечки французских капиталов в Америку.

Второй — Ив Бутилье, занимавший в Виши пост министра финансов. Этот господин настолько был одержим желанием угодить гитлеровцам, что усиленно добивался суда за «недружественное» отношение к Германии над таким могильщиком Франции, как... Поль Рейно.

И, наконец, третий — пресловутый Пьер Этьенн Фландэн. При Петэне на нем лежала «внешняя политика» Виши. Именно о Пьере Фландэне сам престарелый маршал-предатель сказал, что «это человек, наиболее пригодный для ведения политики сближения с Германией». Вот этот-то персонаж и руководит фактически из-за кулис кабинетом Антуана Пинэ, являющегося, кстати сказать, его другом и подопечным.

Удивительно ли, что Пьеру Фландэну доверена из-за океана столь деликатная роль? Нет, это вполне естественно. Достаточно вспомнить, что еще в 1943 году, когда Фландэн сидел в Алжире в тюрьме по обвинению в государственной измене, не кто иной, как... государственный департамент США, потребовал его немедленного освобождения! Американское командование угрожало, что не будет сбрасывать оружие для сил сопротивления, если Фландэн не получит свободы.

Кабинет Пинэ был сформирован как первый откровенно-вишийский кабинет после окончания войны. Это правительство — открытый вызов республике, гражданским свободам, независимости Франции, миру. Это — правительство национального позора.

Новый гаулейтер во Франции

Почему именно теперь американские хозяева подобрали эту коллекцию бывших вишистов и поставили ее у власти во Франции? Ответ напрашивается сам собой. Это произошло незадолго до того, как Трумэн официально назначил генерала Риджуэя командующим «атлантической армией».

Как реагировали на назначение Риджуэя «западноевропейские правительства»? Даже самые покорные лакеи Америки, даже дипломаты с Кэ д'Орсэ не могли скрыть своей глубокой озабоченности и пытались что-то бормотать о слишком уж явной одиозности фигуры бравого генерала.

Правду сказать, между Мэтью Риджуэем и любым генералом из Пентагона нет особо ощутительной разницы. Все эти военные «светила» США не более, как взаимозаменяемые пешки на шахматной доске крупного капитала. И все они в конце концов не более, как заурядные убийцы по профессии. И все же прибытие Риджуэя в «объединенную Европу» слишком уж откровенно проиллюстрировало планы и намерения американских поджигателей новой войны.

Риджуэй сегодня олицетворяет в своей персоне американскую политику возрождения германского агрессивного милитаризма. Едва ли можно придумать более подходящую фигуру для осуществления этого грязного и пахнущего кровью дела. Как известно, именно генерал Риджуэй еще в 1945 году стал заботливо коллекционировать у себя в штабе битых гитлеровских генералов, удиравших на предельной скорости своих «мерседесов» от победоносно наступающей Советской Армии. Кому же, как не ему, доводить до логического конца начатое американцами на другой день после окончания войны спасение гитлеровских палачей Европы?

Риджуэй прибыл во Францию и расположился на длительное пребывание в районе французской столицы. Это произошло вопреки тому, что у каждого честного француза самое имя палача Кочжедо вызывает негодование и отвращение. «Риджуэй — чума» — так окрестили простые люди этого организатора бактериологической войны в Корее. Правители США и правители Франции в одинаковой мере показали, что не желают считаться с общественным мнением широких народных масс Европы. Впрочем, и сам мистер Трумэн, назначая Риджуэя, отнюдь не старался укрыться за дипломатическими фразами. В официальном комментарии к этому назначению он счел нужным подчеркнуть, что Риджуэй — «исключительно осведомленный специалист в новейших способах ведения войны». Смысл этого заявления, как прямой угрозы народам Европы, был ясен. Сам Риджуэй также не замедлил поставить все точки над «i». Едва успев сойти с самолета, прибывшего в Париж, он уже возвестил французам: «Я не вижу оснований, почему бы мне не применить здесь опыт, приобретенный в Корее».

Все эти недвусмысленные заявления означают только одно: желание расправиться с борцами за мир во всех странах европейского запада, в первую очередь с патриотами Франции. Не случайно Риджуэй, обращаясь перед отъездом в Париж к американским сенаторам, изрек: «Больше всего я озабочен моральным состоянием Европы».

Угрозы Трумэна и декларации Риджуэя прежде всего были адресованы французскому народу. За несколько километров от Парижа

обосновался Гиммлер из Кочжедо, новый гаулейтер Франции. «Обеспечить тыл» для готовящейся агрессивной антисоветской войны, начав с ближайшего тыла,— такова его миссия.

Таковы причины, поставившие бригаду бывших вишистов у власти во Франции. Как только барометр Уолл-стрита и Пентагона стал показывать усиление подготовки к новой войне, в Париже было учреждено правительство вишистов. Уже начиная с 1940 года американские реакционеры с интересом приглядывались к «деятелям» Виши. Они молчаливо отдавали дань их талантам палачей, расстреливающих и отправляющих на гильотину французских патриотов.

Подобно тому как Риджуэй является преемником гитлеровского генерала Штюльпнагеля, в свое время командовавшего оккупационными войсками во Франции, так и кабинет Антуана Пинэ — преемник кабинета Лаваля.

Рисунок Бор. Ефимова

Парижско-вашингтонские геринги

Через несколько дней после назначения Риджуэя в Вашингтон был спешно затребован господин Бейло, префект парижской полиции. Это было дальнейшим проявлением неустанной заботы заокеанских опекунов о французской IV республике. Бейло удостоился чести выслушать соответствующие наставления из уст самого Эдгара Гувера — шефа американской охранки, возведенного Атлантическим пактом в ранг главного «координатора» всех полицейских шпиков в Западной Европе.

У господина Бейло мало шансов войти в историю, даже в самые мелкие примечания к ней. Но надо отдать справедливость чутью американских боссов: они умеют находить при нужде верных приказчиков. Бейло еще в прошлом году, чтобы оправдать какое-то очередное полицейское беззаконие, разъяснил газетчикам, что он, Бейло, считает себя... персонально «находящимся в состоянии войны с Россией»! Французский народ назвал его «собачьим префектом»: он прославил себя использованием дрессированных четвероногих для расправ с народными демонстрациями и для устрашения допрашиваемых в его застенках патриотов. Все это не мешает Бейло именовать себя «социалистом» и даже... «старым участником рабочего движения». Это показывает, что уже в нежной юности он упражнялся в грязных, провокаторских махинациях своей партии против рабочего класса.

Двух недель инструктирования в Вашингтоне было достаточно восприимчивому ученику американских герингов, чтобы подготовиться к действиям. История этих действий известна. На четвертый день после возвращения «собачьего префекта» в Париж был арестован главный редактор «Юманите» Андрэ Стиль; еще через три дня наступил черед Жака Дюкло; затем пошли обыски в помещении ЦК французской компартии; были состряпаны грубые фальшивки в Тулоне; сотни борцов за мир оказались за решеткой. Были спущены с цепи писаки реакционной прессы вишистов во главе с «Орор» и «Фигаро». Правительство начало выполнять приказы, переданные обер-охранником Уолл-стрита через шпика из парижской префектуры.

Операции подобного рода никогда не блещут даже внешним проявлением уважения к законности, в том числе и к нормам буржуазного правосудия. Мало того: правительство вишистов не отказало себе в удовольствии нагло поиздеваться и над конституцией, принятой после освобождения Франции от гитлеровцев и петэновцев. Заключение в тюрьму избранника народа, депутата Национального собрания Жака Дюкло — достаточное тому свидетельство. Духом фашизма пропитан и весь остальной «ансамбль» грубых нарушений законности и издевательств над республиканскими свободами: «экспертиза», изучающая мнимых «почтовых голубей», оказавшихся на поверку голубями для жаркого; наскоро «обнаруженные» в курятнике военные документы, в которых нет ничего военного; наконец, все это наглое издевательство органов юстиции над элементарными правилами следствия и порядком предъявления обвинений.

Надо отдать должное Герингу: прежде чем обвинять коммунистов в «заговоре», он все-таки постарался организовать поджог рейхстага. Его незадачливые французские душеприказчики не смогли справиться с вульгарной полицейской провокацией, несмотря даже на квалифицированный инструктаж из-за океана. Они предстали перед всем миром в своей позорной фашистской наготе.

Впрочем, французским герингам не доступно чувство стыда. Главное для них — нанести удар по Французской коммунистической партии — единственному стойкому защитнику республиканских свобод, независимости Франции, мира для народа. Что касается их собственной репутации,— они все равно по уши вымазаны в грязи вишийского правительства.

«Метод» правительства Пинэ ясен. Незаконные предварительные аресты в духе королевских «леттр де каше» (королевские указы об аресте и заключении без суда или следствия), использование жандармских законов Наполеона III — от всего этого за километр несет фашистским «правопорядком», который пыталась навязать французскому народу клика Петэна. Ясны и цели всего этого: эти господа хотят акклиматизировать на французской почве нравы «охоты за красными», которые сделали Америку наших дней самой фашистской страной в мире. Они хотят отменить республику, не снимая республиканской вывески.

Сейчас не 1939 год!

В 1939 году изменник Даладье объявил коммунистическую партию вне закона. Он сделал это для того, чтобы развязать себе руки для разжигания агрессии против Советского Союза. Теперь на этот путь стали франко-американские геринги. Но они явно обманываются в своих расчетах. Теперь не 1939, а 1952 год.

Риджуэй, как и его хозяева, рассчитывал, что после предварительных полицейских мер, принятых Бейло, его триумфальный въезд в Париж произойдет в обстановке «полного порядка». Они могли убедиться, что французы действительно за порядок — за конституционную законность и за республиканский порядок. Они могли убедиться также, что французы не любят палачей в военных мундирах. Несмотря на запрет Пинэ, народ вышел на улицы и потребовал, чтобы палач Кочжедо убирался восвояси.

Риджуэй и компания полагали, видимо, что арест Жака Дюкло и дальнейшие бесчинства полиции «образумят» французов. Французы показали, что им всегда и неизменно присущ здравый смысл. Это выразилось в волне забастовок и демонстраций, принудивших правительство освободить Жака Дюкло, в решительных требованиях свободы для всех других патриотов — борцов за мир.

Риджуэй и все, кто за ним стоит, могли убедиться, что в 1952 году не так легко поднять руку на Коммунистическую партию Франции. Слишком большие массы французского народа твердо знают, что эта партия — единственный защитник свободы от посягательств фашизма.

В комфортабельные кабинеты главного — атлантического — штаба под Парижем все настойчивее врывается голос гнева и протеста французского народа. Палач Кореи, хочет он того или нет, слышит и услышит еще не раз голос миллионов честных людей всех стран, протестующих против преступных попыток удушить свободу и демократию во Франции.

Конечно, геринги из Вашингтона и Парижа сами на полпути не остановятся. Они вынашивают новые планы фашизации Франции, они замышляют новые провокации против борцов за мир. Не секрет, что Пентагон лелеет надежду использовать для этой цели вновь возрожденный в Западной Германии фашистский вермахт.

Но от этих мечтаний до реальности дистанция огромного размера. В борьбе, которую американские империалисты и их франко-вишийские лакеи навязали французскому народу, победит народ. Он отстоит свободу против фашизма. Народ победит потому, что он борется не только за свои права и свою национальную независимость, но и за свободу и мир для всего трудового человечества.

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК

К 25-летию со дня смерти В. Д. Поленова

Имя Василия Дмитриевича Поленова (1844—1927) привык я с самого детства произносить с глубоким уважением. Для моего отца, живописца-передвижника, Поленов был не только учителем, но и близким другом. Отец занимался у него в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1903 году он написал портрет своего учителя. Поленов похож на нем чрезвычайно — благородный облик, задумчивые глаза. Таким я и помню Василия Дмитриевича — рыжеватые длинные усы, тупая бородка...

Он всегда поражал своей внутренней силой: она чувствовалась в разговоре, в походке, в том, как пронзительно оглядывал Василий Дмитриевич собеседника. Помню, знакомые всегда подчеркивали необычайный ум и образованность Василия Дмитриевича. Ведь он, помимо Академии художеств, окончил университет, имел звание кандидата прав.

Едва ли не самая характерная черта Поленова — работоспособность. Труд любил он самозабвенно и, помнится, называл глубоко несчастными тех людей, которые не любили или же не умели трудиться. Поленов всегда увлекался ремеслами, что-либо строгал, мастерил. Мое первое воспоминание о нем: Василий Дмитриевич пишет декорации, а отдыхая, сам сколачивает себе подрамник для этюда.

В Академии художеств Василий Дмитриевич Поленов занимался у Чистякова. Вне Академии писал портреты рядом с Крамским. Имена Крамского и Чистякова как бы предопределяли будущность художника-реалиста. Этому же содействовала крепкая, продолжавшаяся всю жизнь дружба с Ильей Ефимовичем Репиным.

Впоследствии Поленов и Репин стали передвижниками, и демократическим идеям передвижничества Поленов следовал до конца жизни.

Известно, что, будучи в Париже, Поленов намеревался писать «Заседание Интернационала». Также широко известно знаменитое гневное письмо Поленова и Серова по поводу кровавых событий 9 января 1905 года, когда расстрелом демонстрации командовал великий князь Владимир Александрович, он же президент императорской Академии художеств. Письмо это заканчивается словами:

«...Мы, художники, глубоко скорбим, что лицо, имеющее высшее руководительство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов».

Вице-президент Академии граф И. И. Толстой, испугавшись последствий, утаил письмо от академического собрания. Тогда Поленов и Серов отказались от академических званий.

Когда в 1876 году на Балканах поднялось национально-освободительное движение против турецкого владычества, Поленов едет на фронт, где, подобно Верещагину, принимает непосредственное участие в сражениях. Художник становится воином.

«Вот когда ты уже герой в полном смысле и во всех отношениях!!!» — писал Репин Поленову. Репин иначе, как героем, и не называл в то время Поленова. На фронте Василий Дмитриевич был награжден медалью и крестом. Его фронтовые рисунки — часть их печаталась в журнале «Пчела» — и по сегодняшний день не потеряли интереса.

Глубокая гражданственность, патриотичность поступков Поленова проявились и в его работе по народному театру. Памятуя блестящий опыт передвижных художественных выставок, Поленов, уже стариком (в 1910 году), задался целью создать высокохудожественные и вместе с тем портативные передвижные декорации, которые помогут созданию спектаклей в самых отдаленных уголках страны. Эти декорации писались им в так называемом «Доме театрального просвещения имени Поленова». Это был небольшой домик на территории нынешнего нового Зоопарка в Москве, где разместилась в те годы Секция содействия фабричным и деревенским театрам при Обществе народных университетов. Поленов заботился не только о декорациях, он много писал о том, каким должен быть театр. Он сочинял пьесы для детей, писал и музыку для спектаклей, устраивал самодеятельные концерты, сам ставил спектакли с рабочими и беспризорными подростками.

В 1918 году, когда Поленов переселился в свою усадьбу «Борок», где расположен ныне Государственный музей имени В. Д. Поленова, он и там продолжал свою полезную деятельность по распространению искусства в народе.

«У нас тут среди крестьян образовалось два театральных кружка, но с разным оттенком,— писал Василий Дмитриевич,— один придерживается бытовых пьес в обыденной обстановке, а другой избрал более сложный и отдаленный от современности — эпический, исторический и сказочно-легендарный и сатиру.

Между исполнителями или артистами, как мы их называем, есть очень талантливые и одухотворенные».

Разумеется, что Поленов со своим широким кругозором, с твердой убежденностью в великой просветительной силе искусства не мог остаться в стороне от важного дела воспитания молодых художников. С 1882 года Василий Дмитриевич заменил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества А. К. Саврасова по пейзажному классу и преподавал там многие годы.

«Поленов непосредственно соприкасался с учащейся молодежью в Московском училище, был ее учителем и вдохновителем, — вспоминал один из передвижников, живописец Я. Минченков.— Все свежее, красивое и сильное у молодых художников было главным образом наследием от Поленова. Он был их учителем, отзывчивым на все новое и свежее, что выносила талантливая молодежь. Всем он протягивал крепкую дружескую руку».

Среди учеников Поленова были Левитан, К. Коровин, Архипов, Бакшеев, Бялыницкий-Бируля и многие другие. Нетрудно поэтому проследить влияние Поленова и на формирование советского искусства. Один из первых наших народных художников, Поленов в полной мере заслужил это звание. Творчество его по-настоящему народно.

Из живописного наследия его всего более дороги нам пейзажи. Здесь Поленов сказал свое особенное слово. Он умел передать интимную прелесть природы, раскрывая ее красочное богатство. Светлый, солнечный колорит Поленова никогда не мешал его реалистическому восприятию природы. В этом смысле Поленова можно назвать последователем прославленного живописца Александра Иванова.

«Ранний снег», «Заросший пруд», «Пруд в парке» и, наконец, поленовские жанры на фоне пейзажа — «Бабушкин сад» и «Московский дворик», картина «Больная», этюды из путешествий по востоку — без них немыслимо представить себе русское искусство. Я особенно люблю «Московский дворик». По-моему, более точно, с более теплым и душевным чувством никто не передавал особую прелесть старых арбатских переулков. Изучать старую Москву и не знать этой картины Поленова невозможно. А как она изумительна по свету! Как все здесь просто, естественно и прекрасно!

Мне хочется закончить статью о Поленове выдержкой из поздравительного письма к Поленову, написанного другим крупным художником, Нестеровым, в день 80-летия Василия Дмитриевича. Думается, каждый художник присоединится к этим словам:

«Из Вашего большого опыта молодежь брала то, что ей недоставало. С юных лет я был восхищенным почитателем «Бабушкина сада», «Московского дворика», «Болота с лягушками». В них Вы с таким молодым, непосредственным чувством, с такой красочной полнотой показали... неисчерпаемые тайны нашей природы. Вы как бы заново открыли волшебное обаяние красок. За все благодарю вас!»

В. В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Поленов. ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА. 1883 год.

И. Е. Репин (1844—1930). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПОЛЕНОВА. 1877 г.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Д. Поленов (1844—1927). СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА. 1876 год.

Государственный музей имени В. Д. Поленова (Поленово, Тульской области).

В. Д. Поленов. ДВОРИК. 1881 год.

Харьковский Государственный музей изобразительных искусств.

В. Д. Поленов. ЗИМА. 1880 год.

Киевский музей русской живописи.

ТРУДНОСТИ

Рассказ

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунок К. Арцеулова

Петр Григорьевич Кудрин, начальник прокатного цеха, вернулся домой раньше обычного. Дел у него было не меньше, чем всегда, но сегодня утром, когда он уже надел пальто, чтобы ехать на завод, к нему подошел Ваня и, немного смутясь, сказал:

— Папа, завтра обсуждают на комсомольском комитете мое заявление.

— Вступаешь? — живо спросил отец.

— Да.

— Что же ты раньше не сказал? Не худо бы поговорить перед таким событием.

— Да тебе ведь все некогда...

Показалось ли отцу или на самом деле был в голосе Вани упрек, только Петр Григорьевич рассмеялся и потрепал сына по плечу:

— Поддел!

На прошлой неделе он пообещал покатать жену и сына на буере по замерзшей реке. «Только крепче держитесь,— говорил он весело.— Сомов такой парус поставил — всех обойдем». Ваня ждал с нетерпением: никто в городе не водил буер так быстро и с такими выдумками, как отец. Но в воскресенье Петру Григорьевичу позвонили с завода. Он отвез Ваню и Ксению Кирилловну к реке, поручил их своему товарищу, инженеру Сомову, и уехал на завод, а Сомов, как ни старался, к финишу пришел только третьим.

— Поддел! — повторил Петр Григорьевич и решительно сказал: — Для такого дела как-нибудь уж выберу время. Сегодня обязательно потолкуем.

Вернувшись из школы, Ваня с особой тщательностью, будто готовился к экзамену, сделал все уроки, потом вычистил и отутюжил костюм и в ожидании отца раскрыл устав комсомола. Собственно, устав он знал почти наизусть. В комсомольской группе седьмого класса, где предварительно обсуждали его заявление, он без запинки ответил на все вопросы по уставу. А вопросов было много. Задавая их, ребята будто хотели и свои знания показать: и что такое демократический централизм, и каковы обязанности члена ВЛКСМ, и как производится голосование. Каждый раз, когда Ваня отвечал, все хором подтверждали: «Правильно!» Но вот взяла слово Наталья Ивановна, классный руководитель, и сказала: «Знать устав, как знает его Ваня Кудрин, для каждого комсомольца необходимо. Но этого недостаточно: надо знать дух устава и постоянно им руководствоваться». И теперь, перечитывая устав, Ваня все время вспоминал слова Натальи Ивановны и думал, как же связать его со своей жизнью.

Отец приехал к обеду. Разливая суп, Ксения Кирилловна лукаво сказала:

— Так быстро научил своих помощников работать самостоятельно?

Петр Григорьевич ничего не ответил, только покосился на Ваню. И пока обедали, все время поглядывал на него: тот и будто уже не тот. Та же ясность темных, чуть косящих глаз, но если раньше из них так и брызгал шаловливый задор, то теперь они все чаще смотрят внимательно и пытливо; тот же чистый, как у девушки, голос, но нет-нет, да и прорвется в нем басовитая нотка; а от детской округлости щек, что так умиляло Ксению Кирилловну, и следа не осталось.

— Не разыграть ли нам дебют Чигорина? — сказал Петр Григорьевич, вставая из-за стола.

— Разыграть! — живо ответил Ваня и первый пошел в кабинет отца, чтобы расставить фигуры.

— Давненько мы с тобой не сражались,— говорил Петр Григорьевич, настойчиво продвигая вперед пешку, а про себя отмечал: «Вот и в шахматах он уже не тот: отражает спокойно и уверенно. Чего доброго, проиграю».

Он не проиграл, но выигрыш дался нелегко. «Растет»,— с удивлением и радостью опять отметил про себя Петр Григорьевич.

— Так говоришь, завтра обсуждают?

— Да, завтра, папа.

— Кто же тебя рекомендует?

— Совет дружины и Николаенко из десятого класса, наш вожатый.

— А, знаю. Я у вас на вечере его видел. Белобрысый такой, маленький, стихи Симонова об Америке читал.

— Да, да, этот самый. Только ты не думай: он уже старый комсомолец, он в комсомоле с сорок девятого года.

— Это стаж! — улыбнулся Петр Григорьевич.— А я вступил в комсомол в двадцать шестом году. Выходит, если он старый комсомолец, то я прямо-таки древний.

— Ну, ты! Ты уже не комсомолец. Папа, вот я хотел тебя спросить: что тогда было самым главным для комсомольца, самой первой его обязанностью?

— То же, что и сейчас.

— Защита Отечества?

— Конечно.

— А наука?

— Наука? — Петр Григорьевич встал, прошелся по комнате, любовно погладил книжный шкаф, набитый техническими справочниками, и вернулся к шахматному столику.— Да, наука... Вот я расскажу тебе про один случай.— Он опять сел против сына и прищурил глаза, что делал всегда, когда вспоминал.— Было это давно, двадцать четыре года назад. Работал я тогда в кустарной мастерской простым литейщиком, а после работы ходил в вечерний техникум. На втором курсе мы проходили металлографию. Что это за наука, я тебе на таком примере объясню: если взять сталь и нагреть ее до определенной температуры, а потом медленно охладить, то она не будет очень твердой, но если ее охладить очень быстро, скажем, в холодной воде, то сталь закалится, будет иметь уже другую структуру, чем при медленном охлаждении, и станет настолько твердой, что из нее можно делать резцы для обработки других металлов.

Петр Григорьевич вдруг умолк, быстро подошел к письменному столу и, сказав: «Подожди немного»,— поднял телефонную трубку:

— Прохор Семенович? Добрый вечер! Прохор Семенович, вы не забыли послать в лабораторию образцы стали? На разрыв, на разрыв. Сталь судовая, а завтра приедет инспектор для приемки. Послали? Ну, вот и хорошо!

Он опять сел против сына и продолжал:

— Так вот, металлография и есть наука о внутреннем строении металлов и сплавов. А чтобы эту науку постичь, надо хорошо изучить так называемую диаграмму состояния железоуглеродистых сплавов. С этой диаграммой и связано то, о чем я сейчас вспомнил. Она имеет очень сложный характер, надо потратить немало труда и времени, чтобы ее усвоить. А где у меня время? К тому же днем так наработаешься, что иной раз сидишь за партой и клюешь носом. Вот у этой диаграммы я и задержался: не могу одолеть — и только! Ладно, думаю, пойду дальше, не велика беда, если один раздел пропущу. А что оказалось? Что дальше ни раздел, то связь с диаграммой. Слушаю я нашего преподавателя, напрягаюсь изо всех сил, чтобы понять, вот, кажется, уже понял... но тут ссылка на диаграмму, и опять в голове кутерьма. Мучился я так, мучился и упал духом. Значит, думаю, не одолеть мне науку, не по Сеньке шапка. Взял и сунул книжки в сундук, чтоб и глаза мои не видели их. Не хожу в техникум день, не хожу два, не хожу три. Сердце ноет, стыдно перед самим собою, перед товарищами, но воля уже надломилась...

«Однако я с ним говорю, как со взрослым,— подумал Петр Григорьевич, поймав на себе напряженный взгляд сына.— Впрочем, так оно и лучше». Он помолчал и, отдаваясь всей душой воспоминаниям, продолжал:

— И вот иду я однажды по улице. Солнце такое ласковое, каштаны все в белых цветах, а мне и май не в май. Вдруг вижу, у газетного киоска очередь растет: люди берут «Правду» и тут же читают. Сразу видно, номер не обычный. «Что такое?» — спрашиваю. «Речь товарища Сталина». Я скорее в очередь. Продвигаюсь, а сам через головы смотрю: останется ли для меня? Но вот газета в руках. На всю страницу огромными буквами заголовок: VIII СЪЕЗД ВЛКСМ. РЕЧЬ И. В. СТАЛИНА. Прислонился я к стволу каштана и забыл все на свете. Читаю и всем существом чувствую, что каждое слово будто специально для меня сказано... Таковы уж все речи товарища Сталина: для каждого они закон жизни... А одно место так меня задело, что я даже громко что-то выкрикнул...

— Я знаю, какое это место, я знаю! — взволнованно сказал Ваня.— Ты вот что прочитал: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало».

— Вот как! Ты это знаешь, и даже наизусть! — воскликнул Петр Григорьевич.

— Знаю. Мы с Толей вместе доклад делали на сборе нашего отряда и приводили эту цитату... Ну, дальше, папа, дальше!..

— А дальше вот что. С газетой я прямо в горком комсомола, к секретарю. Так, мол, и так, смалодушествовал, а теперь опомнился, да боюсь, что поздно: десять дней в техникум ни ногой. Возьму ли эту крепость? А он так

просто мне отвечает: «Взять-то надо?» «Надо»,— говорю. «Ну, значит, возьмешь». И сел я, брат, опять за книги. Вот когда настоящее испытание началось! Осадил я эту крепость, диаграмму, и жму. Она сопротивляется — я напираю, она сопротивляется — я напираю, и ни шагу назад. Иной раз казалось: нет, не одолею, уж очень далеко товарищи ушли, а до экзаменов и месяца не осталось. Но тут же стисну зубы — и опять за книги. Короче, крепость я одолел, да так, что и сейчас эту диаграмму помню. Впрочем, так всегда бывает: что берется с трудом, то на всю жизнь твое.

— Вот видишь, папа, как у тебя получилось,— с завистью сказал Ваня.— А у меня спросят завтра, как я преодолеваю трудности, что я отвечу?

— А ты подумай, вспомни, может быть, и у тебя были трудности, которые ты преодолел.

— Да я уже вспомнил. Один только случай и был. Мы в классе чертили куб, а на дом Федор Сергеевич задал тот же куб, только в другом положении. И еще он сказал: «Кто сможет, пусть начертит в нем два отверстия — одно сквозное, а другое...» Вот забыл, как он сказал...

— Глухое,— подсказал Петр Григорьевич.

— Да, глухое. И показал, где сплошные линии проводить, а где пунктирные. Стал я чертить. Черчу и все в окошко поглядываю: мы с Толей условились в парк пойти. Туда таких зверей привезли, каких мы только в учебнике по зоологии видели. Даже исполинский кенгуру там был. Знаешь, который кладет своих детенышей в свою сумку? Вот посмотрел в окно: идет Толя. А мне оставалось провести только одну линию невидимого контура. Я взял да и провел сплошную линию.

— Вместо пунктира?

— Да. Поспешил. Только провел и сейчас же спохватился. Так я чуть не заплакал. А тут уже Толя стучит. Что делать? Можно бы бритвочкой вычистить ту линию, отполировать ногтем и осторожно провести пунктир. Только знаешь, какой у нас Федор Сергеевич? Сразу заметит. Я и говорю Толе: «Толя, я испортил чертеж. Буду перечерчивать». А он: «Ну, во-от! Сговорились ровно в пять, а ты теперь копаться будешь. Начертишь потом». Я ему: «Когда же потом? На «потом» у меня геометрия осталась». «Ну,— говорит,— черти, только без отверстий: отверстия не обязательно». «Нет,— говорю,— я без отверстий не могу. Ты, наверно, с отверстиями начертил, и Николай Хорошаев, и Галя Чернышенко». А он мне: «Это не по-товарищески. В половине шестого представление. Из-за тебя мы и на представление опоздаем. Говори: идешь или не идешь?» Я сказал: «Ладно, пойдем». Дошли до двери. Я остановился, подумал и говорю: «Нет, Толя, я все-таки не пойду». Он как хлопнет дверью! И ушел. А я вернулся и перечертил.

— Так кенгуру и не увидел? — со смехом спросил Петр Григорьевич.

— Кенгуру увидел, а на представление опоздал. Целых три номера пропустил. Да мне Толя потом все рассказал.

— Да-а,— задумчиво протянул Петр Григорьевич,— это, конечно, трудность, но трудность, так сказать, внутреннего порядка. Очень хорошо, что ты ее преодолел. Но разве у тебя не было других трудностей? Разве все пятерки, которые ты получаешь, сами собой приходят?

Ваня подумал и лукаво взглянул на отца:

— Нет, не сами. Вот я долго не мог понять разницы между союзом и союзным словом. Толя сразу понял, а я дня три думал. С Толей мы всегда делаем уроки по физике вместе, потому что Толе физика плохо дается. А тут я сказал: «Знаешь, Толя, давай и по русскому вместе: может, я скорей пойму, что оно такое — это союзное слово». Сели мы заниматься. Толя объяснял мне, объяснял, потом рассердился и говорит: «Вот не думал, что ты такой олух». Я обиделся и говорю: «Теперь буду знать, что ты обо мне думаешь». Он как расхохочется. «Чего ты?» — спрашиваю. А он мне: «Вот здорово получилось! В моей фразе «что» — союз, а в твоем ответе «что» — союзное слово. Неужели не замечаешь?» — Черные глаза Вани осветились лукавством. — И тут я сразу понял разницу.

— Ну вот, видишь,— засмеялся Петр Григорьевич,— значит, и у тебя были трудности и не только внутренние, но и внешние.— А про себя отметил: «Да он хорошо юмор чувствует!»

— Ну, таких трудностей у меня много было,— сказал Ваня со снисходительностью в голосе.— Разве это трудности! Вот у тебя были трудности, когда ты все переделывал в своем цехе! Даже в «Известиях» об этом писали. Или вот у мамы...

— Да уж у меня с вами трудностей хоть отбавляй,— с деланной ворчливостью отозвалась из столовой Ксения Кирилловна и особенно громко загремела чайной посудой.— Муж — инженер, сын грамоты от технической станции получает, а у меня уже второй день примус не работает. Хоть в мастерскую неси. Позор!

— Сделаем, Ксюша, сегодня же сделаем,— виновато сказал Петр Григорьевич и, обращаясь к сыну, с теплой ноткой спросил: — Так про какие мамины трудности ты говоришь?

— А вот когда ты ногу поломал, а мне гланды вырезали. Мама то к тебе в больницу, то ко мне, а все-таки свой детский сад не бросала.

— Тоже героиню нашли! — так же ворчливо сказала Ксения Кирилловна и умолкла.

С минуту в комнате стояла тишина.

— Да, да...— сказал Петр Григорьевич, ни к кому не обращаясь.— Да, да...— Он встал и подошел к телефону.— Николай Васильевич? Я сегодня ушел раньше и не успел поговорить с товарищем Кузнецовым. Нет, с председателем завкома. Если он там еще, поговорите с ним о Джебулове: у него язва и еще какие-то там штуки, а смотреть за ним некому, он совершенно одинокий. Хорошо бы его в диэтстоловую. А главное, Ессентуки. У Кузнецова есть путевки, я знаю. Поговорите? Ну, вот и хорошо. А то он с утра опять по цехам,— лови его тогда.— Петр Григорьевич повесил трубку и посмотрел на сына.— Чудесный парень—этот Джебулов: прокатчик по призванию, от стана не оторвешь. Но очень уж скромный: у него язва, а он стесняется заявку подать в завком. Так какие еще трудности были? Неужели все преодолел?

— Нет, не все,— Ваня смущенно помолчал и с обидой на самого себя сказал: — Вот с канатом у меня... Все по физкультуре хорошо, а по канату полезу — голова кружится. Закрою глаза и ползу назад. А мальчишки смеются...

— Отчего же это? — озабоченно спросил Петр Григорьевич.— Надо бы с врачом поговорить. А вообще это плохо: голова на высоте кружиться не должна — ни в прямом, ни в переносном смысле.

— Как это в переносном? — не понял Ваня.

— Ну когда человек достигает больших успехов и начинает зазнаваться. Вот ты отличник, Наталья Ивановна говорит, что и звеньевой ты неплохой, будто даже самый лучший в дружине, не приходилось ли тебе переоценивать себя, попросту, зазнаваться? Это ведь не только со взрослыми, это и с ребятами бывает.

— Бывает,— сказал Ваня и покраснел.

— Ага-а,— подмигнул Петр Григорьевич,— значит, и у тебя было? Признавайся, признавайся!

— Да нет, папа, я даже не знаю, как это назвать. Вот послушай. Мы сажали на пришкольном участке деревья. Наша пионервожатая сказала: «Ты звеньевой, вот и руководи своим звеном». И отвела нам участок. Я заранее распределил, кому ямы рыть, кому саженцы держать, когда их вкапывают. Привел звено, а Галя Чернышенко, знаешь, какая у нас? Ей все не так, со всеми спорит. «Что ты,— говорит,— командуешь? Надо сообща решить, что кому делать». «А чего,— говорю,— тут сообща решать? Надо выполнять, а не обсуждать». Работали мы, работали, старались изо всех сил, а от других звеньев отстали. Оказывается, я действительно распределил работу неправильно. Николай Хорошаев на вид самый здоровый, все его богатырем зовут,— я ему и поручил рыть, а у него одышка. Или, например, Галя: она хоть и худая, но жилистая, а я ей дал самую легкую работу. Так они на сборе звена как начали меня ругать!..

— Критиковать?

— Ну критиковать: «Зазнался! Много о себе понимаешь!..» И Толька с ними... Мне, конечно, стало обидно. Я слушал, слушал, а потом и сказал: «Раз я такой, выбирайте себе другого вожатого. А с тобой, Толя, я поговорю отдельно».

— А они?

— А они еще сильней. Особенно Галя. «Вот и видно,— говорит,— что ты свое самолюбие ставишь выше общественных интересов». Я уже открыл рот, чтобы ей ответить, а Наталья Ивановна — она тоже на сборе была — прервала меня. «Подожди,— говорит,— Ваня, посчитай про себя до сорока, потом ответишь». Я помолчал и успокоился.

— Я бы тебя еще и не так! — сказала из столовой Ксения Кирилловна.

— Да-а, не так... Вот если б тебя поругали, ты б узнала... А то все родительницы только и знают: «Ах, Ксения Кирилловна! Ах, Ксения Кирилловна!»

— Ну, родительницы — народ восторженный,— с улыбкой сказал Петр Григорьевич.— Так что же ты ответил, когда успокоился?

— Я сказал: «Правильно, ребята! Беру свое заявление об отставке обратно». Все засмеялись и больше не ругали. Зато, когда мы потом собирали семена для лесопитомника, наше звено заняло первое место.

— Значит, критика на пользу пошла,— весело сказал Петр Григорьевич.— А трудно было сказать: «Правильно, ребята!»?

— Ох, и трудно, папа! Ты даже не можешь представить. А когда сказал, сразу стало легко.

— Гм... Представить я, пожалуй, могу... Тебя спросят, как ты учишься, что ты ответишь?

— Скажу, отлично... Нет, не так... — Ваня задумался.— Скажу, что в нашем звене уже никто не имеет троек: все учатся на «четыре» и «пять». И расскажу, как мы добились этого... Да, папа! — вдруг воскликнул Ваня, будто его поразила новая мысль.— А ведь это и было самое трудное! Оля Кучеренко из троек не вылезала, у Толи двойка по физике, у Гриши Груздь еще с шестого класса по всем четверки и никогда ни одной пятерки. А теперь даже Оля имеет «пять» по зоологии и географии!

Зазвонил телефон.

— Наверно, Прохор Семенович,— сказал Петр Григорьевич и поспешно снял трубку.— Алло! Что, что? Углеродистую? Ни в коем случае! Только легированную. Хорошо, пусть он подготавливает, а я через часок приеду.— Он повернулся к Ване: — Вот... В «Известиях» меня действительно похвалили и, скажу откровенно, за дело: нелегко мне дался этот новый режим нагрева слитков. А научить своих помощников работать самостоятельно я до сих пор не научил: все сам, все сам. За это меня вчера так критиковали на техническом совещании, что я только кряхтел да еле выдавливал из себя: «Учту, товарищи, учту».— Петр Григорьевич похлопал Ваню по плечу и сказал полушутя, полусерьезно: — Выходит, ты со своим звеном в одном отношении обогнал меня с моими сменными инженерами. Ну, да мы догоним!..

Вечерело. По обеим сторонам дороги сплошной пеленой лежал снег. Он казался синим. Петр Григорьевич сидел рядом с шофером, смотрел на снег и мысленно вспоминал разговор с сыном. На душе у него было тепло и радостно.

— Достоин,— сказал он незаметно для себя громко.

— Что? — спросил шофер, не отрывая глаз от дороги.

— Сын у меня вступает в комсомол,— повернул к нему голову Петр Григорьевич.— И не заметил, как подрос.

— А, да-а,— улыбнулся одними глазами шофер.— Такое их дело — расти. Вот дочка у меня, Надюша, давно ли пионерское обещание наизусть учила и табель с отметками на подпись мне давала, а теперь сама отметки ставит. Химия — ее предмет.

— Химия? — удивился почему-то Петр Григорьевич.— Скажи, пожалуйста! Ведь это очень трудный предмет.

— Трудный,— с гордостью подтвердил шофер.— Я так считаю, что труднее нет предметов. А ей эти формулы сейчас нипочем. Уже на кандидата работу пишет.

— Скажи, пожалуйста! — радостно повторил Петр Григорьевич.

Оба умолкли и так, молча, лишь с улыбкой в глазах доехали до завода.

— Ну, мой еще на кандидата не пишет,— сказал Петр Григорьевич, вылезая из кабинки,— а в комсомол достоин. Это точно.

Берлин—Москва

Марк СОБОЛЬ

Поезд мчится по насыпи,
ровной и длинной...
Лбом прижался к стеклу
человек из Берлина.
Не во сне, не в мечтах, не в кино —
наяву
он увидит, услышит, узнает Москву!

На вокзале
его провожала с цветами
вся берлинская опера в полном составе
И сказали афиши
в советской столице:
«Дирижер из Берлина...»
«Концерт состоится...»

Звон в ушах
от гудков и колесного лязга...
Промелькнули
Варшава и Бяла Подляска,
и, сменяя друг друга,
навстречу с утра —
хутора,
хутора,
хутора...

И как будто
весеннюю музыку слышно,—
это шумно под ветром колышутся вишни,
это трактор гремит на подъеме крутом,
и смеется паненка на тракторе том.

На одной из стоянок,
немногих и кратких,
у дверей
пограничники в конфедератках,
и осыпанный галькой речною перрон,
и —
закройте окошки с обеих сторон!

Неужели в тумане, за речкою синей,
те холмы голубые —
in Russland,
в России?!
Путь открыт!
Машинисту команда дана.
Человек из Берлина стоит у окна.

Поезд тихо проходит
по рельсам в росе,
по пустынной земле,
по ничьей полосе,
мимо ржавых «ежей»
и глубоких воронок —
по переднему краю
былой обороны.

Здесь когда-то рычали
разбойно и рьяно
оголтелые танки Гудериана,
и вот эта сухая земля приняла
первых русских
простреленные тела.

Вот бежит она рядом, с колесами вровень...
Он как будто
пред нею ни в чем не виновен:
он ее грабежом не поганил,
он ее не топтал
сапогами.

В дни, когда громыхала война по Европе,
он внимал
только звукам симфоний и опер,
словно был он
глухим, как Бетховен...
Он пред нею ни в чем не виновен!

Только странное чувство
смутило берлинца
и заставило
молча ветле поклониться —
одиноко стоящей ветле на лугу...
(Сколько лет
я ее позабыть не могу!)

Поклониться вот этим холмам и овражкам...
Но вошел
пограничник в зеленой фуражке,
козырнув, попросил предъявить паспорта
и промолвил:
— Откройте окно:
духота...

И в открытые окна
от самого Бреста
всю дорогу гремели
степные оркестры,
паровозных гудков
тенора и басы
и веселые флейты
шумящих осин.

До великой столицы
от самой границы
в пиджаках и плащах,
в крепдешине и в ситце,
в гимнастерках с погонами и без погон
наполняла Россия
просторный вагон.

На маэстро смотрела
доверчивым взглядом,
по-солдатски его называла камрадом,
и царили на всем протяженьи маршрута
запахи хлеба,
цветов
и мазута.

И «Катюшей» сменяется «Синий платочек»...
Проводник-фронтовик —
неплохой переводчик:
он, входивший в Берлин
с автоматом в руках,
слово «МИР»
произносит на двух языках.

Мир! — для этой, за окнами,
рощи красивой.
Мир! — для новых симфоний
неслыханной силы.
Мир! — для русских,
германских,
корейских полей,
для полуторамесячной
дочки моей.

А дорога летит мимо пашен смоленских,
через Вязьму к Можайску
в густых перелесках,
и торжественно
выплыли из синевы
ранним утром
высотные зданья Москвы.

За неделю концерт объявила газета;
за три дня до концерта не купишь билета...
Зал Чайковского плотно наполнен —
и вот
в тишине
полированной палочки взлет.

И раздвинула музыка
стены и своды.
Встаньте, люди, на подвиг
во имя свободы! Это родину
с поработителем в бой
героический Эгмонт [1]
зовет за собой.

Это грозные трубы громят чужеземца,
это гулко ударил в набат
литаврист!..
И бессмертные строки
великого немца
произносит
России народный артист.

А берлинец,
в листы партитурные глядя,
видит
вовсе не линии нотной тетради,
а прямые,
протянутые навсегда
вдоль пути
из Берлина в Москву
провода.

[1] Музыка Бетховена к «Эгмонту» Гете. Текст Гете в концертном исполнении читает драматический артист.

ТРАССА ЮНОСТИ

Петров Вал — железнодорожный узел близ Камышина, где некогда, в петровские времена, производились работы по соединению Волги с Доном. Здесь начинается трасса государственной лесной полосы Камышин — Сталинград, проходящей по водоразделу между Волгой и Иловлей — притоком Дона. Это о здешних местах известный русский ученый В. В. Докучаев, побывавший в Поволжье в конце прошлого столетия, писал:

«Весь перешеек между Волгой и Доном от Качалино к Царицыну представляет нам однообразную картину: местность ровная, безводная, сухая, прорезанная кое-где неглубокими балками, стены которых всюду обнажают одну краснобурую глину, иногда с выцветами соли; тонкая буровато-серая почва едва отличима от грунта, растительность — редкий ковыль и приземистая полынь — едва прикрывает степь...».

Такой безотрадной выглядела степь до осени 1948 года, когда на водораздел Волги и Иловли пришли лесоводы. От Камышина до Сталинграда, взрывая вековую целину, загудели тракторы. На безлюдных просторах возникли поселки лесозащитных станций. На Петров Вал потянулись эшелоны с техникой, семенами, саженцами. Казалось, что на Волго-Донской перешеек двинулись все необозримые русские леса. Кубань и Украина слали желуди, Белоруссия — крылатки клена, Брянщина, Смоленщина, Крым — саженцы сосны, ясеня, вяза.

По почину молодых рабочих Сталинградского тракторного завода над строительством «трассы юности» — государственной лесной полосы — было взято комсомольское шефство.

Нынешней весной на лесополосе Камышин — Сталинград завершались лесокультурные работы. В Камышин, Дубовку, Городище, как и в прошлые годы, из городов и сел двинулась армия молодых преобразователей природы. Около 4 тысяч человек направили комсомольские организации на трассу. Они помогли лесозащитным станциям посеять сотни тонн желудей, высадить последние партии саженцев. И вот со всех концов в штаб пошли радиограммы: посадки завершены за три с половиной года вместо пятнадцати лет по плану.

В степном краю зазеленели десятки миллионов молодых деревьев на всей площади лесополосы — в 4 760 гектаров.

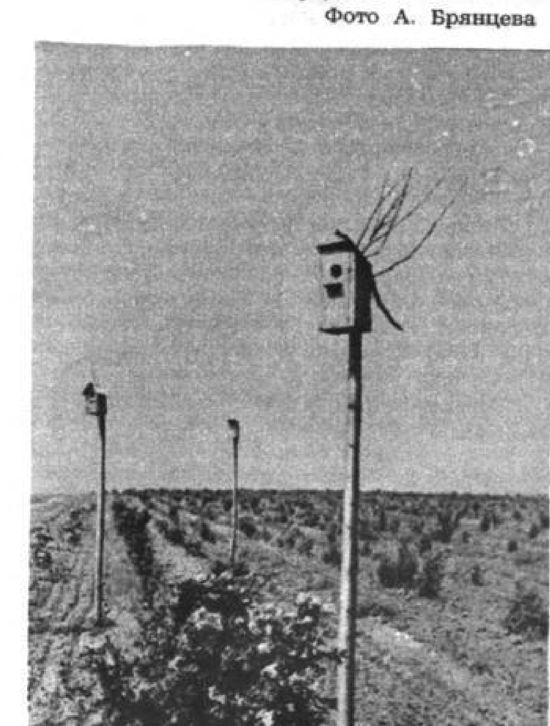
А. ПОДХОМУТНИКОВ

Лесные насаждения на участке Дубовской лесозащитной станции.

Пионеры Городищенской школы установили на подшефном участке скворечники. В нынешнем году в них впервые поселились скворцы.

Фото А. Брянцева

ТЮРЬМА

Грасилиано РАМОС

Рисунки В. Высоцкого

Грасилиано Рамос — крупнейший бразильский писатель, коммунист, один из тех, кто возглавляет борьбу прогрессивной интеллигенции Латинской Америки за мир, за национальную культуру и независимость.

Родился он в 1892 году в маленьком местечке на северо-востоке страны. С 15—16 лет начал писать в газетах. Политические взгляды Рамоса, как он сам заявляет, формировались под влиянием произведений Горького. Огромное впечатление произвела на него Октябрьская революция.

В начале тридцатых годов, в дни разнузданного полицейского террора, Грасилиано Рамос заявил о своем сочувствии коммунизму. В 1936 году он был арестован. В тюрьме Рамос сближается с заключенными коммунистами. И, когда полицейские агенты предложили ему свободу за одну только подпись под заявлением, что он не коммунист, Грасилиано Рамос ответил тюремщикам, что хотя он и не состоит членом компартии Бразилии, но такой бумаги не подпишет. В 1945 году Рамос вступает в ряды коммунистической партии.

В своих произведениях Грасилиано Рамос обращается к проблемам, глубоко волнующим бразильский народ. Он бичует продажную буржуазию страны, показывает ее внутреннюю опустошенность и обреченность. Совсем другим языком говорит Грасилиано Рамос о народе; с большой теплотой и в то же время горечью повествует он о страданиях крестьян, угнетаемых помещиками.

В романе «Иссушенные жизни», главу из которого мы помещаем, Рамос рассказывает о горькой доле пастуха Фабиано. Его преследует засуха, его угнетает хозяин, над ним измываются власти.

Фабиано отправился в город, на ярмарку, за продуктами. Нужно было купить соли, муки, фасоли и рападуры[1]. Витория просила еще бутылку керосина и отрез красного ситца. Да вот беда, в керосин сеу[2] Инасио всегда подливал воду, а ситец очень дорог.

Фабиано обежал все лавки. Боясь, как бы его не провели, он торговался из-за каждого гроша. Смущенный и нерешительный, ходил Фабиано по городу. Постоянное недоверие сквозило в его движениях, резких и настороженных. К вечеру, соблазнившись, он вытащил наконец деньги, но тут же спохватился. Уверенный в том, что все лавочники только и знают, что обмеривать да обсчитывать, Фабиано завязал хрустящие бумажки в платок, сунул его в карман и двинулся к харчевне сеу Инасио, где им были оставлены вещи.

Здесь ему снова пришлось убедиться, что керосинчик у сеу Инасио крещеный[3]. Было жарко, и Фабиано решил промочить горло. Сеу Инасио принес бутылку кашасы — тростниковой водки. Фабиано одним духом осушил стакан, сплюнул, обтер рукавом губы и скривил лицо. Он готов был биться об заклад, что в кашасе тоже была водица. «Почему сеу Инасио всегда норовит подлить воды?» — подумал про себя Фабиано. Повеселев и приободрившись, он спросил об этом кабатчика:

— Почему это ваша милость во все подливает воду, а?..

Сеу Инасио притворился, что не слышит. Тогда Фабиано вышел на улицу и уселся на край тротуара. Ему хотелось с кем-нибудь потолковать о том, о сем. Говоря по правде, не так уж много слов знал Фабиано, но во время задушевных бесед он оживлялся, смелел и начинал вставлять в разговор некоторые выражения сеу Томаса с мельницы. Бедный сеу Томас! Такой правильный, справедливый человек, а пошел по миру с мешком за плечами и пропал, как нищий. Все уважали сеу Томаса, он даже принимал участие в выборах. Кто бы мог подумать, что все так кончится?

В этот момент неведомо откуда появившийся полицейский, с желтым, выцветшим от лихорадки лицом, хлопнул Фабиано по плечу:

— Ну как, приятель? Зайдем в дом да перекинемся в тридцать одно?

Фабиано с почтением рассматривал мундир полицейского и замялся, подыскивая подходящие слова из тех, что слышал от сеу Томаса с мельницы:

— То есть... так и этак... значит... в конце концов... при условии... это соответствует...

Он поднялся и пошел следом за желтым, который был властью и мог приказывать. Так уж повелось — Фабиано всегда подчинялся; и силу в руках имел, а вот задумывался мало, желал малого и всегда подчинялся.

Вместе с желтым они прошли через харчевню, коридор и очутились в комнате, где довольно пестрая компания, расположившись на циновках, играла в карты.

— Подвинься! — приказал желтый.— Не видишь, люди пришли.

Игроки потеснились, и они сели. Желтый сразу же схватился за колоду, но, видно, не в добрый час: в несколько минут он все проиграл. Фабиано был в таком же положении. Ох, как взбеленится Витория! («И не зря,— мелькнуло у него в голове,— так тебе и надо!»)

В нем стала закипать злоба. Он поднялся и угрюмый двинулся к выходу.

— Постой, деревенщина! — крикнул желтый.

У Фабиано горели уши, но он не обернулся. Он спросил у сеу Инасио свои вещи, надел кожаную куртку, перекинул через плечо ремни сумок и вышел на простор улицы.

Время шло, а Фабиано никак не решался отправиться в обратный путь. Остановившись под деревом, где горшечница Рита расположилась со своими товарами, он болтал с ней о разных пустяках. Но в голове у него гвоздем сидела одна мысль: как оправдаться перед Виторией? Начал было сочинять сложное объяснение: купил материю и потерял сверток. Заплатил в аптеке за лекарства для Риты... Дальше этого дело не двигалось, он запутался. Не хватало воображения, да и врать как следует он не умел. Почему-то во всех его выдумках неизменно присутствовала Рита, и это ему не нравилось. Стал придумывать историю, в которой она не участвовала. Надо сказать, что отложенные на ситец деньги украли. А разве это не так? Эта банда обыграла его в тридцать одно. Да, но упоминать об игре нельзя. Просто он скажет, что платок с деньгами остался в кармане куртки, а потом невесть куда затерялся. Надо будет сказать так: «Купил продукты. Оставил куртку и сумки в харчевне у сеу Инасио. Встретил полицейского...» Нет, нет, никого не встретил!.. И снова он запутался. Ему хотелось рассказать о желтом полицейском. Дескать, повстречал старого знакомого, друга детства. Жена, наверное, возгордится, услышав такую новость. А может быть, и нет. Уж больно она смекалиста, сразу догадается, что он хвастает. Поэтому о желтом ни гу-гу. Деньги убежали из кармана в лавке сеу Инасио. Ведь могло же так случиться!

«Могло, могло»,— повторил Фабиано про себя, как вдруг кто-то с силой толкнул его.

Ярмарка кончилась. Смеркалось. Фонарщик, взбираясь на лестницу, зажигал уличные фонари. Вечерняя звезда засветилась над колокольней. В дверях аптеки появился, блистая великолепием, судья, доктор прав; пробежал, прихрамывая, сборщик налогов из префектуры; по площади прокатилась телега с мусором; викарий вышел из дома и раскрыл зонтик, потому что стало прохладно и роса пала на землю. Рита исчезла.

Фабиано вздрогнул. Только поздней ночью удастся добраться до дому. Дал себя опутать карточному дьяволу, очумел от водки и не

[1] Неочищенный сахар.
[2] Сокращенное «сеньор».
[3] То есть с водой.

заметил, как пролетело время! И керосину он не принесет, придется целую неделю сидеть с лучиной. Фабиано выпрямился, готовый пуститься в дорогу. Новый толчок. Фабиано обернулся. Рядом стоял желтый полицейский. Лицо будто изъедено ржавчиной, на лбу морщины. Он явно задирал Фабиано, желая затеять ссору. Фабиано угрожающе потряс перед его носом кожаной шляпой. Достаточно ведь одного хорошего удара такой тяжелой шляпой, и это ничтожество полетит в грязь. Но, оглянувшись вокруг, на людей, на окружавшие его предметы, Фабиано присмирел. В степи он бы развернулся. А здесь, на улице, ему стало не по себе, и он съежился.

— Ваша честь не имеет права придираться к тем, кто ведет себя смирно.

— Прочь! — завопил полицейский.

Он стал отчитывать Фабиано за то, что тот ушел из харчевни, не попрощавшись.

— Враки,— начал Фабиано, заикаясь.— Не моя вина, что ваша милость проматывает свои денежки в карты...— и запнулся.

«Власть» вилась вокруг, желая во что бы то ни стало раздуть скандал. Не находя предлога, полицейский подскочил и тяжелым сапожищем наступил на ногу пастуха.

— Перестань, парень, я ведь тебя не трогаю. Не видишь, на ногу наступил?

Солдат продолжал жать изо всех сил. Потеряв терпение, Фабиано обругал его на чем свет стоит. Тут желтый свистнул, и через несколько минут их окружил городской отряд.

— Вперед! — рявкнул сержант.

Фабиано пошел, не отдавая себе отчета в том, что с ним происходит. Переступил порог тюрьмы, услышал страшные обвинения, ничего в них не понял и даже не защищался.

— Так оно и есть,— сказал сержант.— Подставляй спину, деревня.

Его толкнули на колени и стали избивать тяжелыми палашами. Били плашмя по спине, груди. Потом открыли дверь и швырнули во тьму карцера. Звякнул ключ в замке. Оглушенный Фабиано поднялся, сделал несколько шагов и сел в угол, урча:

— У-у-у!

Почему с ним так поступили? Этого он понять не мог. Человек он тихий, да, да, сеньор, никогда не был в полиции. И вдруг ни с того, ни с сего хватают. Ошеломленный, он никак не мог поверить, что действительно попал в беду. Накинулись все разом, как черти. Попробуй отбейся.

— Так, так.

Он провел руками по спине, груди. Все тело ломило. Синеватые глаза его сверкали, словно у кошки. Сомнений нет, он действительно избит и арестован. Но за что? И он снова недоверчиво качал головой, несмотря на ушибы и ссадины.

А все желтый... Да, да, объявился такой — ни кровинки в лице, жалкое созданье. Стоило дать ему пощечину — и мокрого места от него не осталось бы. Фабиано плюнул с презрением:

— Подлец!

И из-за этакого мерзавца обижают отца семейства! Вспомнил о жене, детях; вспомнил о собаке. Опустившись на четвереньки, стал торопливо искать разбросанные по полу сумки. Все покупки были на месте. А ведь могли и потеряться в свалке. Припомнилась ему материя, которую видел он в последней лавке. Красивая, плотная и широкая, красная и вся в узорах, именно такая, какую ждала Витория. Хотел на аршине грош сэкономить, а теперь вот приходится кончать день в тюрьме. Он принялся перебирать содержимое сумок. Витория, наверное, беспокоится, ждет. В доме темно, малыши сидят у огонька, собака Кит на страже. Наверное, уже заперли дверь.

Фабиано вытянул ноги и прислонился к стене. Дали бы ему время, он все объяснил бы как следует. Да вот беда, от неожиданности язык присох к горлу. Такая несуразица любого собьет с толку. Фабиано не мог смириться с мыслью, что обрушившаяся на его плечи жестокость предназначалась именно ему. Здесь ошибка, наверное, желтый обознался. Иначе и быть не может.

Но почему этот бесстыжий смутьян придирается, почему швыряют кабру[1] в тюрьму, бьют? Он уже привык к насилию и несправедливостям. Бывало, когда его приятелей привязывали к колоде и полосовали плетью, он утешал: «Уж потерпите. Если наказывает правительство, это не позор».

Но теперь он скрежетал зубами. За что?! Разве он заслужил наказание?

И сколько он ни старался, он не мог убедить себя в том, что желтый — это правительство. Правительство — это то далекое и правильное, оно не может ошибаться. А желтый, снедаемый лихорадкой, здесь, рядом, хилый и злой. Сначала подсаживается на циновку поиграть с парнем в карты, а потом подбивает его на скандал. Правительство не должно смотреть сквозь пальцы на такую подлость.

Наконец, кому нужны эти желтые полицейские? Он пнул стену и закричал, приходя в бешенство:

— Кому нужны желтые полицейские?

Другие арестованные зашевелились, тюремщик подошел к решетке, и Фабиано стих:

— Ладно, ладно. Ничего такого нет.

Но что-то было. Он не мог толком объяснить, но было. Многое накипело у него на душе. Спросить бы у сеу Томаса с мельницы: тот читал книги и все знал. Сеу Томас рассказал бы целую историю. А он, Фабиано, человек темный, и ему нечего сказать. Он только хочет поскорей вернуться к Витории и лечь на кровать из жердей. И чего приставать к человеку, который хотел отдохнуть? Приставал бы к другим.

Все шло шиворот-навыворот. Да разве у этого желтого была хоть капля храбрости? Фабиано попытался представить себе, как желтый набрасывается на разбойника в степи, и ему стало смешно. Нет, не того полета птица.

Снова припомнился родной дом. Вот и кухня. Миска шипит над очагом, сложенным из камней. Витория солит еду. Он опять развязал сумки — мешочек с солью был на месте. Хорошо. Витория пробует суп, зачерпнув кокосовой поварешкой. Фабиано страдал, думая о Витории, сыновьях, о собачонке, которая была членом их семьи и все понимала, как человек. Во время того нескончаемого путешествия, во времена яростной засухи, когда все умирали с голода, собака принесла им полевого зверька. Теперь она стареет, бедняжка. Витория, наверное, сейчас беспокоится, подходит к дверям и подолгу слушает. Петух бьет крыльями, козы начинают блеять в загоне, тихо позвякивают бубенцы на коровах...

Если бы не все это... А! О чем он думал? Фабиано взглянул сквозь решетку на улицу. Ух, какая темень! Фонарь на углу потух: видно, человек с лестницей налил туда меньше четвертушки керосина.

Бедная Витория не находит себе места, кругом темно. Ребята придвинулись к самому пламени, шипит миска, Кит начеку. На палке, воткнутой в глиняную стену, болтается пустая жестяная лампа.

Он чувствовал себя таким усталым и разбитым, что, несмотря на все невзгоды, начал было засыпать. Рядом бредил пьяный; какие-то люди сидели на корточках вокруг огонька, разложенного прямо на полу, едкий дым от него наполнял камеру. Они перешептывались, спорили, жалуясь на сырые дрова.

Фабиано дремал; отяжелевшая голова его клонилась на грудь. Надо было все же купить керосин у сеу Инасио. Теперь у них дома тоже дымно, жене и детям приходится терпеть, а дым едкий, режет глаза.

Он вскочил, как ужаленный. А вдруг он все перепутал, людей, все? Может, он что-нибудь натворил там, выпив кашасы?.. Нет! Он выпил только стакан, вот столько. Если бы ему дали время, он рассказал бы толком, как все произошло.

Слушая бессвязную болтовню пьяного, Фабиано впал в болезненное оцепенение. Ведь он и сам говорил слова без смысла, бубнил впустую. Проведя такое сравнение, он разозлился и стукнул в стену. Он темный человек, да, да, сеньор, он никогда не учился, а потому не умеет объясниться. И только за это его арестовали? Как же так? Сажать человека в тюрьму, потому что он не умеет говорить как следует? Разве его необразованность причинила кому-нибудь зло? Он жил, работал, как раб. Расчищал дороги, чинил изгороди, лечил скот, используя для себя жалкий клочок усадьбы. У него все было в порядке, пусть кто хочет посмотрит. Разве его вина, что он необразован? Кто в этом виноват?

Если же не это, тогда он не знал, чему приписать неожиданное бедствие. Зародившаяся в голове мысль росла, крепла... и рвалась. Трудно было думать. Жизнь его тесно спле-

[1] Кабра — метис. Так называют и белых, попавших в нужду, вынужденных батрачить.

лась с жизнью животных, никогда не видел он школы... Потому и не сумел постоять за себя. Эта чертова история не выходит у него из головы. Она может свести с ума честного человека. Если бы ему дали образование, он разобрался бы во всем. А так разве мыслимо?.. Он мог поладить только со скотиной.

В конце концов сеу Томас ответил бы им. У него бы и спрашивали. Хороший человек — сеу Томас с мельницы, ученый. Каждый ведь таков, каким его сотворил бог. А он, Фабиано, что? Темнота, да и только.

Что же это он хотел сказать... А! Забыл. Снова припомнился тяжкий путь, который он совершил по засушливым районам, падая от голода. Ноги у малышей были тоненькие, как вязальные спицы. Витория еле передвигала ноги, сгибаясь под тяжестью сундучка со всем их имуществом. На берегу реки им пришлось съесть попугая, который не умел говорить. Нужда.

Фабиано тоже не умел говорить. Иногда он произносил исковерканные имена, и все невпопад. Он понимал, что говорит чепуху. Но он не в силах был выразить все то, что кипело, клокотало у него внутри... Ох, если бы он только мог!.. А! Если бы он мог, он разнес бы в пух и прах всех этих желтых полицейских, которые избивают безобидных людей.

Он стукнул себя по голове, стиснул ее руками. Что там делают эти скорчившиеся у огня люди? Зачем вопит, как сумасшедший, пьяный? Чего дерет понапрасну горло? И вдруг Фабиано самому захотелось кричать, выть во весь голос, что все эти людишки вокруг — ничто. Он услышал тоненький голосок. Кто-то в женской камере проклинал блох. Уличная девка, небось. Тоже ничего не стоит. Фабиано хотел крикнуть на весь город, всем, всем: судье, смотрителю, викарию, сборщику налогов из

префектуры,— что здесь ни один ни на что не годен. Он сам, люди на корточках, пьяный, женщина с блохами — все они ничтожество, мелкота и умеют только сносить побои. Вот что ему хотелось крикнуть.

В нем блуждал какой-то огонь, он сжигал его душу. Да, он был вот здесь. Что это? Надо отдохнуть. Страшно болел лоб, видно, после удара рукояткой кинжала. Болела вся голова. Казалось, что огонь пробрался внутрь, казалось, что в мозгу пылала раскаленная сковорода.

Бедная Витория, у самой на душе кошки скребут, а она успокаивает детей. Кит примостился у печки. Если бы не они...

Теперь Фабиано удалось привести в порядок свои мысли. Что его удерживало, так это семья. Он терпеливо все сносил, словно привязанный к столбу бык, когда его жгут раскаленным железом. Если бы не это, желтый полицейский не наступил бы ему на ногу... Мысль о жене и детях отняла у него силу. Если бы не это, он не согнул бы спины, он выскочил бы оттуда, как ягуар, и натворил бы беды. Он схватил бы ружье и уложил желтого из засады. Нет, желтый жалок, он не стоит и пощечины. Фабиано убил бы хозяев. Ушел бы к кангасейро[1] и стал бы сеять смерть среди тех, кто командует желтыми полицейскими. Чтобы ни одного не осталось. Эта мысль клокотала у него в мозгу. Но была жена, были дети, была собачонка...

Фабиано закричал, испугав пьяного, людей, раздувавших огонь, тюремщика и женщину, проклинавшую блох. Тяжела его лямка. Но он должен ее тянуть. Витории не спится, наверное, на жердях. А его дети такие же темные, как отец. Придет время, они подрастут, станут охранять скот какого-нибудь невидимого господина, и будет их обижать, наступать на ноги, избивать желтый полицейский.

Перевели с португальского С. БРАНДАО и З. ЧЕРНОВ

[1] Кангасейро — крестьяне, которые из-за притеснений помещиков уходят в степь и организуют вооруженные отряды.

Утро Кара-Кумов

Анна КОВУСОВ

1. ПРОВОДНИК

Не очень склонный к разговорам,
В косматой шапке меховой,
Сидел в кабине он с шофером
Автомашины головной.

И, может быть, знаток пустыни,
Припоминал он, как в буран
Спасал гурты овец в лощине
Вблизи от озера Ясхан.

Иль то, как раненого барса
Схватил за горло сгоряча.
От встречи той навек остался
След от плеча и до плеча.

А может, вновь перед очами
Пылало знамя кавполка:
Под ним он дрался с басмачами,
Беря прицел наверняка.

Он тем давно обрел известность,
Что здесь, где лето, как огонь,
Напамять знает всю окрестность,
Как знаю я свою ладонь.

И в этом царстве бездорожья,
Где ныне стройка начата,
Калижнюка[1], хоть тот моложе,
Зовет он: «Калижнюк-ата».

Когда канал построен будет,
Когда наступит торжество,
Проводника обнимут люди
И песню сложат про него.

[1] Калижнюк — начальник строительства Главного Туркменского канала, ата — отец.

2. ТРОПИНКА

В городе, недавно лишь рожденном,
Где возьмет начало путь воды,
Старожилом стал уже законным
Каменщик по имени Дурды.

Солнце рассыпает позолоту.
Из дому выходит старожил.
Это он, шагая на работу,
От порога тропку проложил.

В каплях смолки крепкие стропила.
Кран берет то камень, то стекло...
Вот промчался август. Наступило
Первое осеннее число.

В окна свет вливается веселый.
Голуби воркуют над крыльцом.
И впервые сын уходит в школу
По тропе, протоpенной отцом.

— Не волнуйся,— говорит он маме,—
Здесь совсем близехонько идти...
Узкая тропинка под ногами,
Впереди — бескрайние пути.

3. ПЕСНЯ ЧАБАНА

Лежит усталая отара.
Зарницы блещут вдалеке,
И у костра, еще не старый,
Чабан играет на рожке.

Поет рожок — кудесник скромный,—
И звуки тонкие светлы,
То плеск воды они напомнят,
То листьев шум, то звон пчелы.

Рожок привычно держат руки.
Чабан играет у огня,
В простой напев вплетая звуки
Природы завтрашнего дня.

4. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

В песок звезда далекая упала.
Земля остыла. И в кругу друзей
Москвичка вслух с любовью
вспоминала
Далекий город юности своей.

Мосты литые над рекой свободной.
Подъезд театра. Площадь перед
ним..

А юноша приемничек походный
Легко включил движением одним.

Глазок зеленый заискрился светом.
Мгновение. И, полная тепла,
Вдруг музыка волшебного балета
На невесомых крыльях поплыла.

И здесь, на трассе Главного канала,
Где лишь песок пока да суховей,
Закрыв глаза, москвичка увидала
Перед собою белых лебедей.

5. СВЕТ

Настала ночь. И снова стынет воздух.
Полынью горькой тянет за версту.
И безуспешно блещущие звезды
Пытаются осилить темноту.

Но мы еще поможем этим звездам:
Здесь на плотины ринется вода.
И загудят в пути тысячеверстном
Высоковольтных линий провода.

Великим разольется океаном
Сиянье немеркнущих огней.
И станет вдруг на всех меридианах
Моим друзьям от этого светлей.

Перевел с туркменского Я. КОЗЛОВСКИЙ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Трехтомник советского рассказа

«Рассказы советских писателей» — так называется сборник, выпущенный недавно Гослитиздатом. Три тома, без малого сто писателей, около ста сорока рассказов, более чем тридцатилетний путь развития русского советского рассказа, точнее, самые приметные вехи на этом пути,— вот что такое этот трехтомник.

Хотя это и не историческая хрестоматия (составители отказались от хронологической последовательности, сделав исключение только для Максима Горького, рассказами которого открывается трехтомник), теперь уже нельзя говорить об истории советского рассказа, минуя это издание.

В самом деле: от «Песни о Буревестнике» и рассказов Александра Серафимовича до рассказов молодых новеллистов, лишь после Отечественной войны выступивших со своими первыми вещами, в трехтомнике широко представлены советские писатели, работавшие в этом жанре. Составители сборника не ограничились хрестоматийно-известными рассказами и вновь ввели в обиход нашей литературы многие давно не издававшиеся и потому несправедливо забытые произведения («Мать» В. Ряховского, «Я хочу жить» А. Неверова, «Наташа» В. Кудашева и другие).

Но трехтомник отражает не только работу различных поколений литераторов. В нем — от автобиографических рассказов Семена Подъячева о горькой доле батрака, от кандалов, которые звенят в рассказе Николая Ляшко, посвященном семье рабочих-революционеров, и до плеска волн созданного в степи моря в рассказе В. Фоменко — отражена история страны. Здесь, в рассказах В. Бахметьева, Ф. Гладкова, А. Фадеева, В. Вишневского, А. Яковлева, гремит выстрел «Авроры», полыхает зарево гражданской войны, с пением «Интернационала» идут в бой, гибнут и вновь встают на штурм революционные полки.

Первые шаги первых колхозов («Ворота в простор» И. Трусова) и первый мотор, собранный в механосборочном цехе первенца пятилетки («Всегда с нами» А. Бека), вновь предстают перед нами в рассказах трехтомника.

На его страницах рождается, идет в школу, взрослеет и мужает поколение Олега Кошевого и Зои Космодемьянской, вновь грохочет великая и святая гроза Отечественной войны (рассказы А. Толстого, А. Первенцева, Б. Полевого, К. Симонова, В. Кожевникова) и вновь возвращается солдат с фронта, к новым трудам и новым подвигам («Квадрат карты» Е. Воробьева, «Идут дожди» П. Павленко, «Пасечник» В. Фоменко).

Иногда приходится слышать: сфера рассказа — сфера малого. Рассказы, собранные в трехтомнике, убедительно опровергают эту точку зрения.

Лучшие рассказы советской литературы всегда выражают великое в малом. И необходимость вместить великое в малое создает подчас настоящие шедевры, которые «томов премногих тяжелей».

Но ощущение ветра истории, который шелестит на страницах трехтомника, перебирая их и донося до нас то соленый запах морских брызг, навстречу которым юный рулевой ведет свой корабль в рассказе А. Первенцева «Валька с торпедной девятки», то раскаленный, обжигающий лицо и душу зной («Последний выстрел» Петра Русина), то воздух арктических походов в рассказе Б. Горбатова «Большая вода», то запах прорастающей суходольной пшеницы в рассказе В. Федоровича «Неопалимая», не исчерпывает всех чувств, которые вызывает эта книга.

Многие из рассказов написаны десять, пятнадцать, а иные двадцать и тридцать лет тому назад. Многие писатели уже оглядываются, наверное, сейчас на свои рассказы, вошедшие в трехтомник, как на далекие и, быть может, в чем-то несовершенные работы юности. Иных рассказчиков уже нет на свете. Нет С. Диковского, рассказы которого принадлежат к числу лучшего из того, что сказано о воинском долге и неговорливом солдатском мужестве, хотя не бедна наша проза этой темой. Нет И. Ильфа и Е. Петрова, нет Б. Лапина и З. Хацревина... Нет Аркадия Гайдара, чей рассказ «Голубая чашка» — самое чистое и самое зрелое повествование для детей о глубине и силе сложных человеческих чувств.

Давно написаны эти рассказы, но они живут и интересны нам совсем не только как страница истории литературы. Они читаются так, словно написаны вчера.

В рассказе Петра Замойского, датированном 1927 годом, маленький, казалось бы, эпизод из жизни дореволюционного села показан в своем истинном значении, как переломный момент в жизни героя, от лица которого ведется повествование.

Павел, сын кулака, избил батрака Лукашку... От того, что покажет уряднику свидетель случившегося, двенадцатилетний Васька, зависит, накажут ли обидчика. А между тем только родители Павла, обещавшие васькиной матери муки в долг, могут избавить семью мальчика от голода.

Сказать правду — значит выручить Лукашку, друга и заступника, но оставить семью без хлеба. Солгать — выручить семью, но предать Лукашку.

С глубоким проникновением в душу ребенка, впервые столкнувшегося лицом к лицу с наглой несправедливостью, изображает П. Замойский колебания своего героя. «Две правды» — это название точно выражает существо рассказа, так как в нем зримо раскрыто столкновение двух непримиримых правд — бедняцкой и богатея.

Русский советский рассказ, впитавший могучие соки великой традиции пушкинской и гоголевской,

Рассказы советских писателей. В 3-х томах. Составители Н. С. Атаров и В. А. Ковалевский. ГИХЛ. 1952.

Китайские гости на Кубани

Недавно на Кубани гостила китайская делегация. В ее составе были рядовые крестьяне, руководители сельскохозяйственных организаций. Возглавлял делегацию заместитель министра сельского хозяйства Китайской Народной Республики Чжан Линь-чи.

Гости побывали во многих колхозах, МТС, совхозах и научных учреждениях края.

Гостей повсюду принимали радушно. Они изучали богатый опыт колхозников.

НА СНИМКАХ:

Вверху: председатель колхоза имени В. М. Молотова, Тимашевского района, Иван Васильевич Мисюрин беседует с делегатами Китая.

Справа: гости осматривают люцерну на колхозных полях.

Внизу: колхозные дети преподнесли гостям много подарков. Делегаты подарили детям книги со своими надписями.

Фото А. Галаганова

тургеневской и чеховской новеллистической прозы, никогда не занимался безделушками.

В русском классическом, а за ним и в современном советском рассказе сюжетное построение, зачастую сложное и напряженное, не являлось и не является самоцелью. Оно всегда служило углубленному раскрытию характера, среды, обстановки.

Поучителен с этой точки зрения рассказ Михаила Бубеннова «Огонь в тайге», до его появления в сборнике, как мы думаем, мало известный широкому читателю.

Офицер белой армии Повалихин ведет отряд на подавление восставшей таежной деревни. Труден поход карателей. Словно сама тайга встает против них непролазной чащей, ядовитой мошкарой, засасывающей трясиной. Но еще враждебнее люди. Нет от них отряду ни корки хлеба, ни кружки молока...

И когда совсем уже плохи дела карателей, один из солдат советует Повалихину пойти на хитрость: спороть погоны, переодеть солдат в разношерстное обмундирование и пустить перед собой слух, что это идут партизаны. И вот солдаты, кто силою, а кто обманом согнанные в отряд, вдруг видят, что таежные села впервые встречают их, как друзей. Им улыбаются девушки, старухи выносят им еду, мужики угощают махоркой... И Повалихин уже не в силах справиться с последствиями собственной уловки: отряд уходит к партизанам...

В этом хорошем рассказе на его нескольких страничках чудесно показано, как гнетет и давит солдат, вчерашних мужиков, переодетых в форму, воздух тайги, как пугают их люди тайги, пока они идут по родной земле в форме карателей, и как впервые за свою трудную солдатскую жизнь они чувствуют себя людьми, когда народ видит в них партизан. Их переход на сторону восставших психологически глубоко мотивирован.

Трудно в короткой рецензии определить, в чем различие и своеобразие, ну не всех, конечно, а хотя бы немногих рассказов, объединенных этим изданием, и вместе с тем нельзя не почувствовать, что это многообразие составляет одну из наиболее интересных особенностей трехтомника. Заметим, кстати, что именно это стилевое многообразие представленных на сравнительно небольшой площади трехтомника ста новеллистов сделает трехтомник не только книгой, популярной среди читателей, но и ценным учебником для прозаиков, быть может, и не только начинающих...

Мы читаем в этом сборнике сказы П. Бажова, проникнутые острым чувством бытового сказового слова — необычного, ярко окрашенного, интонационно подчеркнутого, заостренного рифмой, прибауткой, поговоркой. И этот пестрый, как уральские самоцветы, о которых говорится в бажовских сказах, стиль составляет лишь одну из граней того словесного богатства, которое раскрывается перед нами в лучших произведениях этого трехтомника.

Рядом — рассказ Всеволода Иванова «Слово о полку Игореве» с его плавной, эпической фразой, с его замедленными периодами там, где идут исторические воспоминания, прерываемыми напряженными и острыми по интонации описаниями боя,— рассказ, где история и современность сливаются в удивительном органическом единстве.

Несколькими страницами далее лукавый Эффенди Капиев, то перевоплощаясь в старого Сулеймана, то глядя на него со стороны, рассказывает о том, как певец — мудрость и голос маленького и древнего кавказского народа — слагал свои песни, а потом на склоне дней был удостоен великой чести пропеть свою волшебную песню в Кремле...

А рядом суровый — почти неправдоподобно суровый у такого жизнелюбивого, как Валентин Катаев, художника — рассказ «Отче наш», каждое слово в котором как бы произносится сквозь зубы, стиснутые от боли и гнева... Рассказ о матери, которая на пустых улицах оккупированной Одессы замерзает вместе с сыном, маленьким мальчиком, в то время как из радиорепродукторов доносится медоточивое «Отче наш...»

И вдруг будто оркестр загремел или оратор с голосом необычайной силы заговорил перед напряженной толпой. Это мы раскрыли книгу на рассказах Всеволода Вишневского, и вновь звучит его незабываемый, чуть хрипловатый, страстный и задыхающийся голос бойца и пропагандиста.

Другой рассказчик. Спокойный, неторопливый, необыкновенно внимательный к житейским мелочам, к быту, но умеющий зорко показать за мелочами большую душу человека, за повседневной прозой — ясную и чистую поэзию трудового подвига. Это Василий Гроссман. Это его рассказ «Инспектор безопасности».

...Широкая и ясная, как улыбка хорошего человека, веселая речь, пересыпанная южными словечками, лукавыми украинскими шутками. Это шофер — герой рассказа Ефима Дороша «Новый секретарь» — излагает своему случайному собеседнику летопись дней и дел разных секретарей райкома, которых он возил на своем веку. Мы читаем этот рассказ и радуемся великолепному владению сказовой манерой, которую проявил в нем писатель.

Нет, очень сложная это задача — своими словами да к тому же коротко пересказывать произведения столь разных и столь талантливых рассказчиков. Трудно определить, в чем состоит своеобразие слова художников, таких, как К. Федин, рассказ которого «Рисунок с Ленина» принадлежит к числу лучших произведений, говорящих о живой связи великой политики и большого искусства, таких мастеров, как Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Александр Фадеев. Не исчерпать нам и тематическое богатство трехтомника с рассказами М. Пришвина о жизни природы, рассказом Ф. Кнорре о скромной матери — мужественном борце за мир, с прелестной зарисовкой детей в «Чумаках» Бабаевского и многими другими темами.

Часто приходится слышать сетования, что жанр рассказа отстает. Эти сетования приходилось слышать и совсем недавно — год, и два, и три назад. Но вот перед нами трехтомник... Если выписать все стоящие под рассказами даты, то мы увидим, что от рассказов, датированных 20-ми годами, и до рассказов, под которыми стоит дата 1951, не было года, когда бы не появилось произведений, которые достойны войти в антологию лучших образцов этого жанра.

Богата эта трехтомная антология, которая включает в себя такие талантливые и такие непохожие друг на друга вещи, как «Весна» С. Антонова и «Честное слово» Л. Пантелеева, «Трубка коммунара» И. Эренбурга и «Календарь русской природы» Н. Атарова, «Четыре весны» Н. Емельяновой и «Вариант второй» Д. Гранина. И нас глубоко радует, что рассказы молодых новеллистов вошли по праву в этот перечень и заняли в нем далеко не последнее место.

Трудно даже в трех больших томах собрать все хорошие рассказы советских писателей. Споры вокруг того или иного не включенного в сборник рассказа неизбежны. Жаль, что в трехтомнике совсем не представлены такие, например, писатели, как уралец А. Бондин.

Закрывая трехтомник, нельзя не пожалеть, что такие писатели, как Б. Лавренев, В. Иванов, В. Овечкин, в прошлом — более отдаленном или более близком — написавшие рассказы, которые на долгие годы останутся в памяти читателя, в последнее время отошли от работы в этом популярном и важном жанре.

Трехтомник «Рассказы советских писателей» — это красноречивое свидетельство многообразия нашей литературы, той бесконечной широты возможностей, которые раскрывает перед советскими писателями, в том числе и перед новеллистами, метод социалистического реализма.

Сергей ЛЬВОВ

Создатель «Лачплесиса»

Пятьдесят лет прошло со дня смерти латышского поэта Андрея Пумпура (1841—1902), создавшего поэму «Лачплесис», которая стала народным эпосом.

Андрей Пумпур родился в Юмправе, в семье дворового винокура. С великим трудом он пробивался к знаниям и уже в юности ставил перед собой высокие цели. «Цель для себя я давно уже выбрал,— писал Пумпур в 1871 году,— и притом одну из самых труднейших, а именно: благо и защиту народа». Он становится землемером. Затем Пумпур отправляется добровольцем на Балканы, где участвует в войне сербов против турок. Впоследствии он заканчивает Одесское военное училище, до конца жизни служит в армии интендантом и по делам службы посещает Среднюю Азию, Дальний Восток, Китай. В книге очерков «От Даугавы до Дуная» Пумпур рассказал о своих переживаниях на войне; в 1889 году вышел сборник его стихов «На родине и чужбине», но именно «Лачплесисом» (1888) поэт создал себе вечный памятник.

Сюжет поэмы вырос из латышского фольклора, но с древней сказочной фантастикой тесно переплетаются исторические события, относящиеся к XIII веку, когда в Латвию вторглись немецкие крестоносцы, названные Марксом «псами-рыцарями». В поэме нашли яркое выражение стремление латышского народа к свободе, страстная ненависть к немецким помещикам и столь же страстная вера в свои силы, в победу над поработителями. «Лачплесис» по-латышски означает «разрывающий медведя», и само это имя героя говорит о мощи народа. Лачплесис у Пумпура не просто сказочный силач, но освободитель народа, неустанный борец за его права, думающий о его будущем, о мирном, созидательном содружестве всех наций. Лачплесис заключает договор дружбы с эстонским героем Калапуисом. Верного защитника против западных захватчиков, мудрого учителя и друга Латвии Пумпур видел в великом русском народе и всю свою жизнь старался укрепить и развить эту дружбу.

Пумпур мечтает о времени, когда человек раскроет все тайны мира и найдет правильный путь к счастью. Поэт говорит:

Андрей Пумпур. Рис. О. Скулме

Ради великого, ради бессмертного рода людского
Жить, и трудиться, и совершенствоваться неустанно,
И умереть за него — вот достойные в жизни задачи
Каждого, кто человека высокое звание носит.

Отвращение, презрение и гнев вызывают у автора захватчики, а наравне с ними предатели народа, выведенные в поэме; имя одного из них — Кангарс — стало нарицательным именем для всех гнусных изменников.

Поэма кончается единоборством Лачплесиса с Черным рыцарем, посланцем крестоносцев. С высокой кручи Даугавы борцы низвергаются в речную пучину. Но по ночам с тех пор лодочники видели на утесе борющихся витязей, и народ верил, что настанет время, когда Лачплесис одолеет противника. Время это настало! Советская Армия, в рядах которой сражались и латышские стрелки, сокрушила вековечных врагов латышского народа.

Лишь в советской Латвии «Лачплесис» появился в полном виде, без цензурных сокращений. Поэма Пумпура стала достоянием всего советского народа. Имя Лачплесиса носит один из лучших колхозов Латвии на берегах Даугавы.

Народный поэт Латвии
Ян СУДРАБКАЛН

Школьницы-туристки в Крыму.

Фото О. Кнорринга

На черноморском курорте Гагра.
Фото М. Савина

ВОЗРОЖДЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Из путевого дневника советского писателя

Анна КАРАВАЕВА

По приезде группы советских деятелей культуры в Варшаву, едва только зашел разговор о сокровищах польского искусства, нам стали советовать обязательно посмотреть собрание резных деревянных скульптур в Кракове — алтарь работы мастера Вита Ствожа.

— А... так это церковный алтарь!..

— Да, но это целая галерея деревянных скульптур, — разъясняли наши собеседники. — Вит Ствож, выполняя заказ костела, шел своим, новым путем. Вы это почувствуете, когда увидите его собрание скульптур в Музее Вавеля — реалистическое произведение высокого мастерства.

Кто же такой был Вит Ствож? В его биографии много неясных мест, начиная с его имени и фамилии, которые долгое время писались по разному. Только в XIX веке окончательно устанавливается правильное написание имени и фамилии художника — Вит Ствож. Однако в энциклопедиях других стран еще по сей день удерживается неправильное написание. Оказывается, о Вите Ствоже мы знали, но только под именем Фейта Штосса, необоснованно причисленного историками западного искусства к немецким художникам. Так, в книге немецкого буржуазного исследователя Г. Вельфлина «Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса» упоминается Фейт Штосс как представитель «старого немецкого искусства». Между тем Вит Ствож (ок. 1447—1533) — поляк, с Краковом был связан крепкими узами. Ряд лет, с 1487 по 1495, Ствож избирался здесь в старосты ремесленных цехов, был членом, а потом главой общества художников. Из тринадцати детей Ствожа сын Станислав был резчиком в Кракове, Флориан и Мартин — золотых дел мастера, Ян — художник и скульптор в Семиградье. Брат Ствожа Матвей тоже был золотых дел мастером. Таким образом, родственное окружение Вита Ствожа представляло собой характерную для польских городов второй половины XV века художническо-ремесленную среду.

В этой среде, как и у художников других городов Европы, наблюдался в то время заметный расцвет мастерства. Происходил решительный пересмотр старых критериев «идеальной» красоты. Художники устремились к изображению живого, реального человека, противопоставленного страстотерпцам с их отрешенностью от земли, как того требовала церковная иконопись. С развитием гуманистических идей в церковную живопись и скульптуру все больше вторгалась сама действительность, ее образы и чаяния.

Подлинный сын своей эпохи, Вит Ствож обладал разнообразными талантами: был не только скульптором, но и живописцем, графиком, умел отливать и золотить. Знал он и строительное дело: в бытность свою в Нюрнберге заключал контракты на строительство мостов.

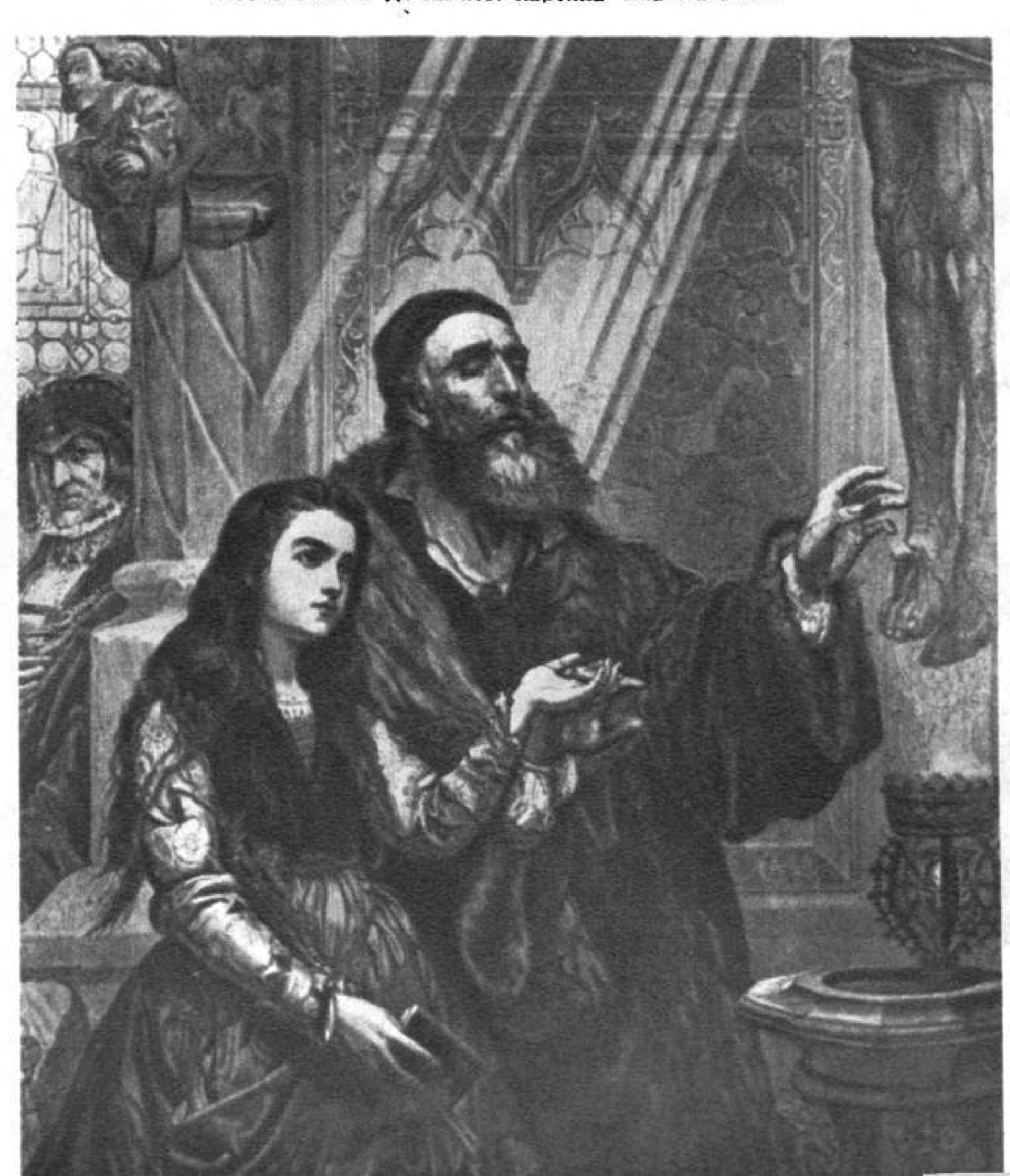
Вит Ствож вернулся после ученья за границей в Краков для работы над алтарем тридцатилетним, полным сил. И уже предварительное знакомство по репродукциям с его гениальным творением показывает, как широко и взыскательно черпал он материал, краски и формы из самой жизни, из народных характеров, из народного реалистического искусства.

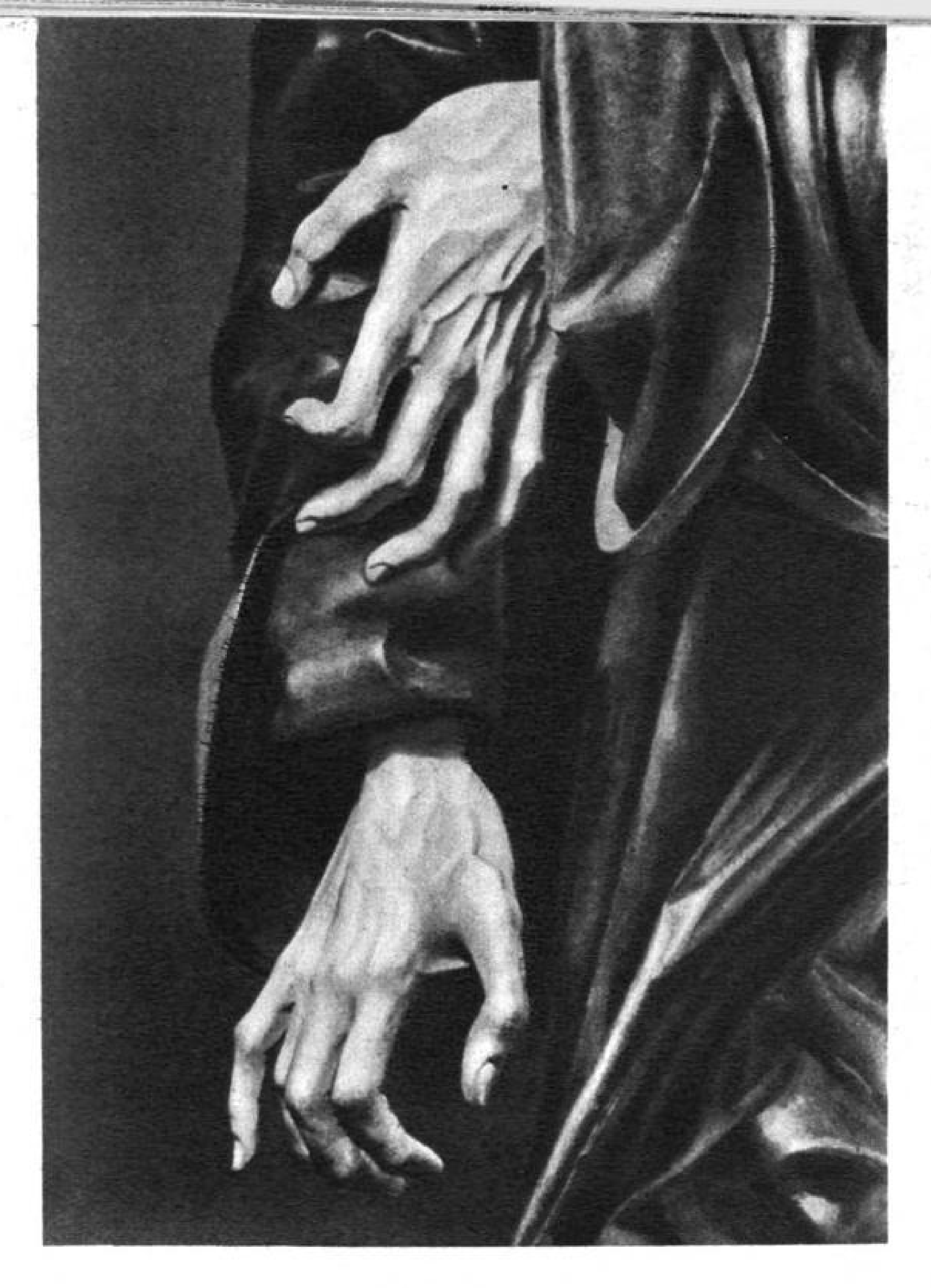
Итог творческой жизни этого замечательного художника, тем не менее, представляется поистине трагическим: обладая огромным талантом, Ствож не создал школы, хотя влияние его мастерства сказалось широко не только в Польше. Лучшее творение художника — собрание скульптур — не получило заслуженного отклика и славы не только при его жизни, но и целые столетия после него. Причина — в изменявшихся исторических условиях: усилившаяся дворянская реакция, лишившая торгово-ремесленные слои многих имущественных и политических привилегий, насаждала в искусстве иные вкусы, ослабив позиции реализма. Пришла мода на миниатюры, изящные безделки. Приноравливаясь к этим вкусам, городские власти в XVII веке перекрасили Краковский алтарь, а потом обернули фигуры декоративными тканями, беспощадно испортив гвоздями поверхность старого дерева. Так мало ценилось в конце XVII века грандиозное произведение Ствожа и так упал интерес к нему, что даже возникло, к счастью, не осуществившееся, намерение вообще убрать «устаревший» алтарь.

В XIX веке среди польских и иностранных художников (Ян Матейко, Торвальдсен и другие) возрождается интерес к творению Ствожа. О нем создается обширная литература, о памятнике заботятся реставраторы. Появляется картина Яна Матейки «Вит Ствож», показывающая слепого старца Вита, ведомого дочерью, — отклик на печальную судьбу прославленного скульптора в последние годы его жизни, когда его постигли разорение и нищета.

И вот наконец я вижу его, это знаменитое собрание скульптур Вита Ствожа! Войдя в зал Краковского народного музея, ощущаешь прежде всего объемность фигур (достигающих 2,80 метра) центральной группы — Марии и апостолов. Под живописными складками их одежд, окрашенных в золото, пурпур, кобальт, в разные оттенки лазури, коричневой и желтой терракотты, светлого и темного изумруда, угадываются широкоплечие, сухощавые, плотные и стройные тела молодых и пожилых людей. Лица двенадцати апостолов, окруживших Марию, запечатлены художником в минуты высоких размышлений и чувств, которые возбуждает в их душах мать их учителя. В каждом из этой живописной и полной настроения группы художник передал своеобразие духовного мира, характера, темперамента. Апостол Яков, с благоговейной заботой поддерживающий Марию, напоминает своим обликом старого крестьянина или ремесленника — одного из тех людей, которые, прожив долгую трудовую жизнь, испытали немало бед и скорбей и закалились в своей мудрой стойкости и спокойствии. Другой апостол пребывает в состоянии восторженной задумчивости; лицо третьего выражает благодарность судьбе за переживаемые им минуты; четвертый сосредоточенно смотрит вперед, как бы намечая для себя выполнение в будущем каких-то важных решений; пятый, полный любви и тревоги, благословляющим жестом простирает руки к бессмертной чи-

ВИТ СТВОЖ С ДОЧЕРЬЮ. Картина **Яна Матейки.**

Руки старика.

стоте и святости материнства. Облик Марии, наклон ее светловолосой головы и вся ее поза выражают безграничное доверие к людям, которые окружают ее поддержкой. Лицо ее прелестно цветущей, чисто земной красотой, прекрасны ее молодые руки.

В эпоху Возрождения большого совершенства достигла портретная живопись и скульптура. Центральная группа скульптур Вита Ствожа неслучайно напоминает собой собрание портретов. Оказывается, по традиции того времени художник искал типаж для своего произведения среди живых людей. Известно, например, что в облике Марии Ствож воспроизвел черты дочери одного краковского столяра. Начните разглядывать всех участников этой группы в отдельности — и вы обнаружите огромное богатство характеристик, выхваченных непосредственно из жизни. Реалистически точно передан возраст человека: нежные, легкие линии молодости, тонкие морщинки среднего возраста, сухая, сморщенная кожа стариков. И оттого еще так выразительны эти лица, что их характер читается в связи с возрастом, с накопленным опытом жизни.

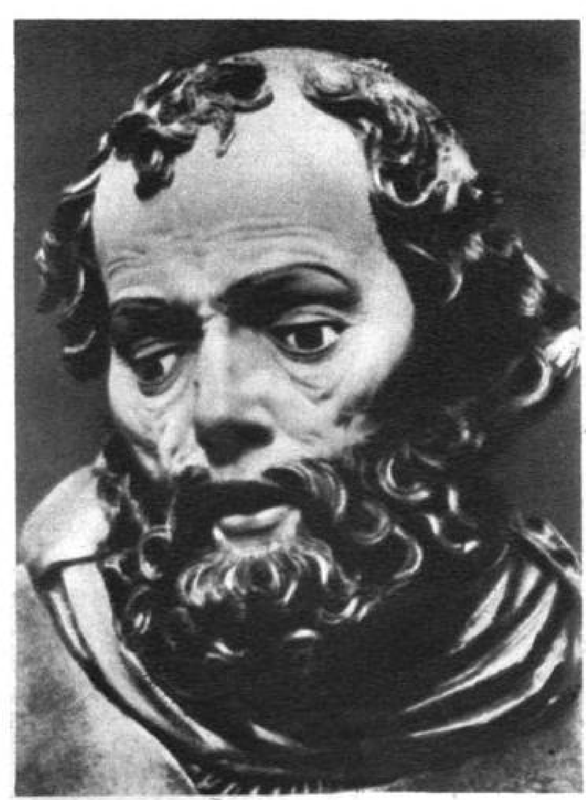
Там же, где скульптура Ствожа изображает исключительно церковные сюжеты, например, сцену распятия или оплакивания, реалистическая естественность исчезает. Мы видим свойственные готике неправдоподобные позы, грубо-натуралистически развёрстые раны, потоки крови, набухшие вены. Безобразны истощенные фигуры грешников в аду. Отрицательные типы обжор, пьяниц, развратников выполнены под давлением старой готической традиции и требований церкви с расчетом на устрашение душ человеческих грядущей расплатой за грехи в «загробном бытии».

Там же, где можно было обойтись без церковного назидания, выступало на сцену новое, передовое, реалистическое видение мира, черты подлинного демократизма и народности. В образах обыкновенных, простых людей у Ствожа много спокойного достоинства, а образы женщин особенно лиричны и благородны. В отдельных сценах, например, в доме родителей Марии, зритель видит жизнерадостные картины быта: в доме родилась дочь, все хлопочут около счастливой матери, а молодая, бойкого вида женщина готовит около ярко пылающего очага купанье для новорожденной. В сцене поклонения младенцу Мария — счастливая мать, которая радостно, однако без особого удивления принимает поклонение младенцу. Очень живописна группа поклоняющихся — купцов, королей, пастухов. Рядом домашние животные: поклонение происходит в самом обыкновенном хлеву. И хотя этот хлев у Ствожа, понятно, романтизирован, реальность обстановки полностью остается. С большой любовью сделаны лица пастухов, полные мягкой ласки и раздумья. Примечательно, что в центре этой группы скульптор поставил негра, некоего короля негритянского. Чернокожий король изображен Ствожем любовно и выразительно: у него молодое, необычайно привлекательное лицо с задорно вздернутым носом, приветливо улыбающимися пухлыми губами и красивыми смоляными кудрями. Он одет в дорогой рыцарский панцырь, на ногах у него красные сапожки с золотыми шпорами. Возможно, Ствожу, передовому человеку эпохи, хотелось показать африканца своим соотечественникам, расширить их познания о жителях нашей планеты.

Вообще стремление широко показать жизнь видно во всем. В очень немногих из этих двухсот резных скульптурных фигур еще господствует старый готический стиль с его идеализацией и натурализмом. Композиция же в целом выражает собой победу демократической эпохи в искусстве. Последовательность и настойчивость этой линии видны в фигурах третьестепенного плана и даже в так называемых «фигурках из рамы», которые в виде высокой декоративной арки замыкают большую центральную группу Марии с апостолами. Собранные в Народном музее Кракова «фигурки из рамы» предстают маленькими шедеврами. Каждая из фигурок — типический образ: вот в блузе и старой, помятой шляпе пожилой крестьянин с печально-озабоченным лицом; вот старуха-горожанка, важный купец в восточном тюрбане; имеется здесь и бродячий актер-усач в грубо сделанной короне; поэт-мечтатель или влюбленный, читающий стихи, посвященные даме сердца; профессор или адвокат в мантии и высокой шапке, прижимающий к груди толстую книгу в сафьяновом переплете, и т. д.

По предметам материальной

Апостол Петр.

Старый крестьянин.

Король негритянский.

культуры, которыми Ствож окружил свои скульптурные образы-портреты, можно составить своеобразную энциклопедию быта раннего Возрождения: узнать, какую носили одежду, обувь, головные уборы, какое оружие; какими бытовыми предметами пользовались разные классы общества; как пекли хлеб; из каких сосудов пили вино; как строили фасады домов, и т. д. Пейзажи Ствожа также определенны — это прикраковские места, так называемая Краковская Юра, с их холмами, речкой, убогими мужицкими избами и роскошным замком феодала. Животный и растительный мир в его композиции столь же разнообразен и точен. Поклонники Ствожа рассказывают, что в картине местной флоры у него можно совершенно ясно распознать лекарственные травы. Это говорит о незаурядном живописном и графическом мастерстве Ствожа.

Вит Ствож прожил большую жизнь. Он был, несомненно, личностью сильной и незаурядной, но не оцененной по-настоящему. Это был «универсальный человек», один из великих характеров Возрождения, вполне достойный представлять эту эпоху.

И подумать только: творение Вита Ствожа могло погибнуть, исчезнуть, как лист в вихре бури!

Четыреста пятьдесят лет Краковский алтарь Вита Ствожа простоял на одном месте в костеле св. Марии. В 1939 году краковские патриоты, предчувствуя опасность, угрожающую памятнику, разобрали его и увезли в Сандомир. Однако немецкие фашисты обнаружили произведение Ствожа, выкрали его и увезли сначала в Берлин, а потом в Нюрнберг. Там знаменитое творение Ствожа было брошено в сырой подвал, как в могилу...

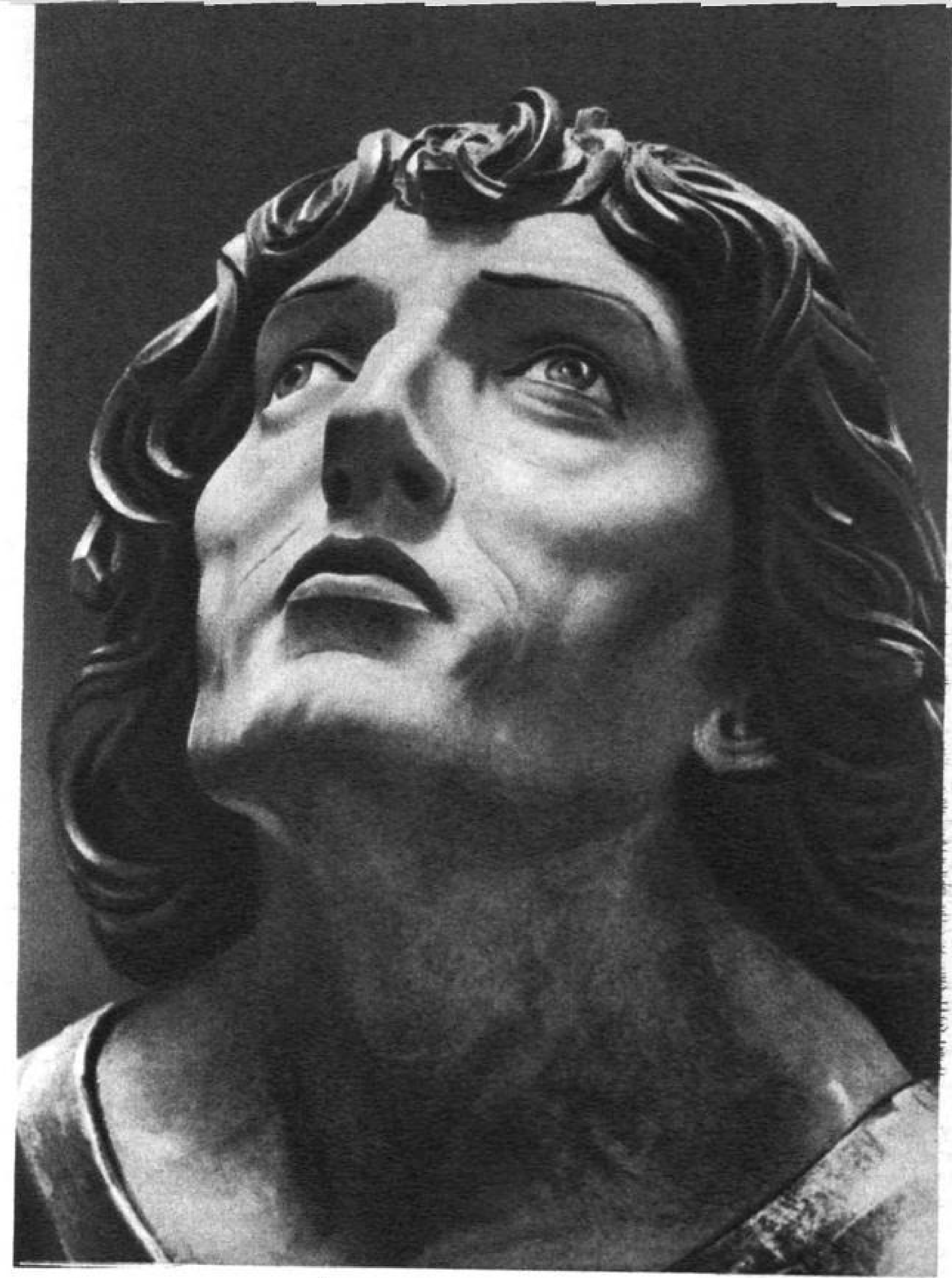
Кончилась война. Долго искали польские патриоты свое сокровище и, наконец, в 1946 году его нашли.

— Но если бы вы видели, в каком состоянии! — взволнованно рассказывала нам сотрудница Народного музея.— Старая липа, из которой Вит Ствож резал свои чудесные скульптуры, так пропиталась в подвале сыростью, что стала как губка!.. Вот смотрите!

В отдельных витринах выставлены фото, разоблачающие это преступление фашистских изуверов: вот что-то распухшее, как темный ком, в котором никак невозможно узнать одну из прекрасных реалистических голов скульптуры; вот еще и еще чьи-то головы, плечи, руки, источенные, исколотые, безобразно раздувшиеся, пропитанные гнилой сыростью.

Лучшие художники-реставраторы во главе с Марианом Слонецким трудились четыре года над восстановлением Краковского алтаря, на что польское правительство отпустило 12 миллионов злотых. Разносторонний опыт и богатая техника реставрационного искусства, дружная работа всего коллектива одержали блестящую победу. Все раны, нанесенные временем, все разрушения, которым подвергли творение Вита Ствожа враги польского народа,— все это осталось позади, побежденное упорным и вдохновенным трудом.

Восстановленный в его первоначальном виде, великолепный памятник польской резной скульптуры, один из родоначальников реализма в польском искусстве, еще простоит века. Волею свободного народа он вновь возвращен к жизни, и как эта вторая жизнь не похожа на предыдущую!.. Не в церковном уединении, где его и рассмотреть-то было трудно, а на глазах всего народа, среди его новой, большой жизни пребывает теперь этот драгоценный памятник. Целые поколения польского народа и все его друзья будут изучать по этому памятнику жизнь и искусство прошлого. Возрождение и возвращение к жизни скульптур Вита Ствожа, о которых рассказано вам, читатель, — это не только радость нации, но и радость всего прогрессивного человечества. А для каждого миролюбца, к тому же любящего искусство, — это одна из драгоценных побед мира.

Голова молодого апостола.

Женская голова.

Влюбленный.

Фигурка из рамы.

Бродячий актер.

ХОЗЯЙКИ СКИФА

В. ВИКТОРОВ

Валя Маврина и Саша Переслегина случайно встретились в троллейбусе и, сидя рядом у открытого окна, оживленно беседовали о чем придется: о лекциях по физиологии, об игре польских футболистов, о распустившихся молодых московских липах. Но вот машина пронеслась мимо аллей Александровского сада, обогнула Кремлевскую стену, выскочила на простор Каменного моста, и девушки, замолчав, повернулись к окну. Там, справа, где катила свои воды Москва-река, между Каменным и Крымским мостами виднелась башенка гребной станции.

— Приехали,— сказала Валя и посмотрела на часы.

Уже второе лето девушки почти ежедневно приезжали сюда, на стрелку, после учебы и работы, и каждый раз их удивлял и радовал неожиданный переход от шумной сутолоки города к укромной речной тишине. Стоило пройти пятьсот метров, миновать решетчатую ограду гребной станции, как ласковый ветерок, долетавший сюда от Ленинских гор и цветников Парка культуры, касался разгоряченного лба и как рукой смахивал усталость. И в этот раз девушки, выйдя на гранитный овал стрелки, остановились, оглядели знакомую праздничную суету станции, и Валя, глубоко вздохнув, сказала: «Ох, и хорошо у нас!»

В раздевалке они застали уже почти всю команду. Не было только Гали Богатовой. Девушки натягивали красные майки, болтая без умолку, и встретили Маврину и Переслегину вихрем приветствий и вопросов:

— Салют загребному!

— Далеко мы сегодня пойдем, ты не знаешь, Валя?

— Привет, Сашенька!

— Поздравьте Лизу: она сегодня дала сто восемьдесят пять процентов плана.

И Лиза Бахрушина, круглолицая скромная девушка с «Парижской Коммуны», радостно улыбнулась и добавила:

— У меня, девчата, сегодня такое настроение, что я до Астрахани могла бы грести.

Когда оживление встречи немного поутихло, Валя Маврина, загребная команды, спросила, видели ли девушки Сергея Сергеевича. Тренера команды Соснина, оказывается, никто еще не видел, и Валя, быстро переодевшись, пошла к нему в мастерскую. Здесь, как всегда, пахло свежей стружкой, столярным клеем, спиртовым лаком, а на стойках стоял «скиф». Стружки щекотали голые ноги, когда Валя шла по мастерской к маленькому кабинетику Сергея Сергеевича. Однако подниматься наверх ей не пришлось: тренер как раз спускался вниз.

При первом же взгляде на Сергея Сергеевича Соснина нетрудно было угадать в нем старого спортсмена, не раз испытавшего предельные напряжения всех своих сил.

Соснин заведовал мастерской гребной станции, и девушки очень гордились тем, что от их учителя зависит жизнь всех этих холеных, дорогих судов, нарядных, легких и стремительных.

— Ну как, все собрались? — спросил Сергей Сергеевич Валю.

— Почти все. Ждем только Галю, задержалась, наверно, на стройке,— ответила Маврина.— А что мы сегодня будем делать, Сергей Сергеевич?

— Будем работать над балансом. Пойдем до гребной базы ЦДСА и обратно. Как появится Галя, ты меня позови.— И Сергей Сергеевич заторопился к столярам, которые поджидали его, не отнимая рук от рубанков.

Вернувшись из мастерской, Валя нашла девушек на скамейке, стоящей на гранитной площадке у воды. Они сидели рядком, по порядку номеров, как привыкли в лодке, и задумчиво наблюдали за кипучей жизнью гребной станции.

Двери эллингов были широко открыты, в их прохладной глубине виднелись корпуса лодок, лежащих ярусами на стеллажах.

— Смотрите, смотрите, наш клинкер понесли!— сказала Наташа Лазарева, невысокая плечистая девушка.

Все разом оглянулись и увидели огромную узкую лодку-восьмерку, подхваченную сильными руками юношей-гребцов.

— А помните, девчата, как мы готовили наш клинкерок к первенству Москвы? — спросила Саша Переслегина, и это ласковое «наш клинкерок» так не вязалось с ироническим характером Саши, что все девушки с удивлением посмотрели на нее.

Конечно, девушки помнили эти дни. Они не могли забыть того времени, когда окончательно сплотилась их команда, когда они, восемь человек, разных по характерам, вкусам и профессиям, превратились в одно монолитное существо, которое на языке спорта и именуется командой.

В начале прошлого лета Сергею Сергеевичу Соснину, старому гребцу, члену некогда непобедимой восьмерки «Металлист», спортивное общество «Красное знамя» предложило создать женскую восьмерку, и Сергей Сергеевич охотно принял это предложение. Сам заядлый «восьмерочник», он считал эту лодку самым важным звеном академической гребли.

На подвижных банках восьмерки можно воспитать и отличных одиночников и команды двоек, а если разделить восьмерку пополам, то вот вам и две четверки. Словом, Сергей Сергеевич с удовольствием приступил к порученному ему задаче, но сразу же убедился в том, что в его распоряжении только половина команды. В то время «Красное знамя» располагало всего одной женской четверкой. В нее входили студентки Валя Маврина и Наташа Лазарева, инженер Галя Богатова и сотрудница Министерства легкой промышленности Саша Переслегина.

Где же взять остальных гребцов? По предложению Соснина на предприятиях и в учебных заведениях Министерства легкой промышленности был брошен клич, на который отозвалось много молодежи. Среди новичков, явившихся на гребную станцию, были подружки: молодые стахановки фабрики «Парижская Коммуна» — заготовщица Лиза Бахрушина и прессовщица Катя Зайцева, мотористка Саша Кулешева и студентка Текстильного института Зина Лычагина. Из них и создал Соснин вторую четверку, а когда девушки сработались, он соединил две четверки.

Так родилась новая команда, но в то время называть этих восемь девушек командой можно было только условно, и Сергей Сергеевич хорошо понимал это. Он получил нужное ему количество гребцов, но теперь предстояло самое трудное: создать из этих гребцов дружный коллектив, где все за одного и один за всех.

Осуществить эту задачу тренеру помогло поражение команды. Получилось так, что вскоре после создания восьмерки и нескольких тренировок команда выехала в Ленинград на первенство центрального совета спортивного общества «Красное знамя».

Девушки жили вместе в одной из гостиниц, вместе проводили все дни, и дружба зародилась именно тогда, не во время тренировок, а в те часы, когда они осматривали город, ходили по музеям и подолгу беседовали по вечерам.

Дружба — это фундамент коллектива. Она объединяет всю команду, от загребного до первого номера. Каждый гребец должен быть твердо уверен в том, что его усилия будут подхвачены остальными, что ни один из греб-

цов, как бы ему ни было трудно во время гонки, не сдастся, не бросит весел, доведет дело до конца...

Московская восьмерка встретилась с ленинградской лодкой, одной из сильнейших в городе. Сразу со старта Валя Маврина предложила своим подругам исключительно высокий темп. На протяжении 1 200 метров ценой предельных усилий, делая 40 ударов в минуту, москвички удерживали лидерство. Но на повороте силы иссякли, темп стал падать, и ленинградки первыми пересекли финишную черту.

Вечером, после гонки, когда утихли волнения и страсти, Сергей Сергеевич с тревогой присматривался к девушкам. Он понимал, что в эти часы решается судьба команды. Не внесет ли разлад в их отношения первая неудача? Но он сразу же понял, что этого не случится.

Вскоре им представилась возможность еще раз испытать свои силы. На первенстве Москвы восьмерка «Красного знамени» выступила на своем клинкере в третьем разряде и отлично выиграла полуфинал. В заключительном заезде восьмерка встретилась с сильнейшими командами столицы.

Рядом с ними на старте стояли лодки спортивных обществ «Крылья Советов», «Спартак», «Химик», ЦДСА и «Динамо». Перед ними протянулась водяная дорога протяжением в 2 тысячи метров, от Окружного моста к гранитным трибунам Парка культуры и отдыха, и, глядя на текущие мимо них воды Москвы-реки, пригнувшись на своих узеньких подвижных банках, девушки ждали команды и думали об одном — удастся ли им вырвать вторую победу. Она решала многое, эта победа. От нее зависел переход во второй спортивный разряд, переход с клинкера на «скиф».

Кто из молодых гребцов не мечтает о том, чтобы получить право на владение «скифом», самым быстроходным, самым совершенным гребным академическим судном! Теперь от девушек зависела возможность осуществить свое желание. Достаточно выиграть этот второй заезд. Но как его выиграть у этих сильных, опытных команд? А Сергей Сергеевич, невозмутимо сидящий за рулем, смотрел в глаза своим ученицам, и взгляд его говорил одно: «Мы можем выиграть, мы выиграем».

Когда прозвучала команда, лодка сразу же рванулась вперед. Девушки четко, как на тренировке, приняли старт, над которым особенно упорно работали под руководством своего тренера. Три коротких, резких удара сдвинули восьмерку с места, и, с каждым следующим взмахом удлиняя проводку весла, усиленно работая ногами, команда взяла разгон и устремилась вниз по реке.

С этого момента никто из девушек не видел, что делается по сторонам. Все их усилия были направлены на одно: держать взятый темп, не сбиваться, выкладывать все, что можно, помогая подругам,— но Сергей Сергеевич видел, что противники не отстают. Вот уже пройдено 800 метров, а слева и справа от них, нос в нос, идут остальные лодки, доносится команда рулевых, мощный всплеск весел. Словно невидимая нить связала все лодки и держит их на одной линии. Надо порвать эту нить, и Сергей Сергеевич увеличивает темп. Теперь рядом держится только одна лодка — химиков. От нее трудно оторваться. Видна уже Голицинская стенка (так называют старые гребцы круглую беседку, стоящую над рекой). Значит, до финиша остается всего 500 метров, и Сергей Сергеевич объявил об этом команде.

Как стрела, пронеслась восьмерка вдоль аллей парка, мимо гранитных трибун, и вот уже звенит над ней судейский колокол. Победа!

А через несколько дней Сергей Сергеевич подвел свою команду к изящной, обшитой красным деревом восьмерке, на носу которой было написано «Москва».

— Вот «скиф», на котором мы будем тренироваться,— сказал Сергей Сергеевич. — Предупреждаю, что вас ждет много сюрпризов. На первых тренировках вы почувствуете себя снова новичками. «Скиф» не имеет устойчивости клинкера и требует от команды высокой техники, прекрасно развитого чувства равновесия, баланса, как мы говорим. Над этим мы и будем работать.

И когда лодка отошла от причала, когда девушки опустили весла в воду, они сразу же заметили, что лодка покачивается из стороны в сторону, кренится то на один, то на другой борт и все их попытки удержать равновесие не приводят ни к чему.

Какие растерянные были у них лица, как смущенно смотрели они в глаза своему тренеру!

Потребовалось несколько выездов, чтобы команда немножко освоилась со «скифом», но на дальнейшую тренировку времени уже не хватило. Наступила осень, и лодки надолго заняли свои места в эллингах. Однако команда и зимой продолжала работу. По выходным дням Сергей Сергеевич со своими ученицами уезжал за город, и там, надев лыжи, девушки уходили в лес на прогулку. Они посещали и гребную станцию, в которой был открыт зимний тренировочный бассейн. Москву-реку сковал лед, но здесь, под крышей, попрежнему плескалась вода под лопастями весел.

Когда наступила весна, девушки снова спустили на воду завоеванный ими «скиф». Каждый день шли тренировки, предстояла первая гонка в новой для них лодке. И сейчас, сидя на скамеечке у воды, девушки молча смотрели, как спускается на реку теплый вечер, и все поглядывали, не появилась ли Галя Богатова. Галя работает инженером-сметчиком на строительстве Московского университета, и ей не всегда удается попасть на гребную станцию к условленному часу. Но подруги не сердятся на нее. Они знают, что сейчас на высотной стройке решающие дни.

Уже смеркалось, когда гребцы с помощью Сергея Сергеевича вынесли из эллинга свой «скиф», бережно посадили его на воду, уселись по местам и наконец отчалили от берега. Выплыв на середину реки, они подняли весла, ожидая команды тренера, и, разом оттолкнувшись, двинули лодку вперед. Хорошо было плыть по вечерней реке к Крымскому мосту, мимо оживленных аллей парка, туда, где поднимались к небу огромные корпуса Московского университета!

Когда они подходили к Окружному мосту, на набережных зажглись фонари, и река отразила в своей глубине тысячи огней. Молодые хозяйки «скифа» «Москва» стремительно неслись по этой искристой вечерней реке, и восемь их весел единым взмахом врезались в тихую воду.

Заслуженные мастера спорта

Восемнадцать лет назад, 17 июня 1934 года, было опубликовано постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, в котором говорилось:

«Установить звание заслуженного мастера спорта, присваиваемое выдающимся мастерам — активным строителям советской физической культуры».

Одновременно был опубликован список 22 спортсменов, удостоенных этого высокого звания. Первым в списке стояло имя Якова Федоровича Мельникова, выдающегося конькобежца, победителя многих международных состязаний. Впервые чемпионом страны Мельников стал в 1915 году; в последний раз звание чемпиона СССР он отстоял двадцать лет спустя, в 1935 году. За такое исключительное спортивное долголетие Мельникова назвали «железным скороходом». Уже в возрасте 38 лет Мельников одержал одну из своих замечательных побед. На московском стадионе «Динамо» в беге на 10 тысяч метров он опередил прославленного норвежского конькобежца, чемпиона мира Микаэля Стаксруда.

Заслуженный мастер спорта Я. Мельников.
Фото А. Бурдукова

Заслуженный мастер спорта Р. Маментьева.
Фото А. Бочинина.

Ныне Я. Мельников работает на стадионе Юных пионеров. Несмотря на свои 56 лет, он полон энергии, растит новое поколение конькобежцев и велосипедистов.

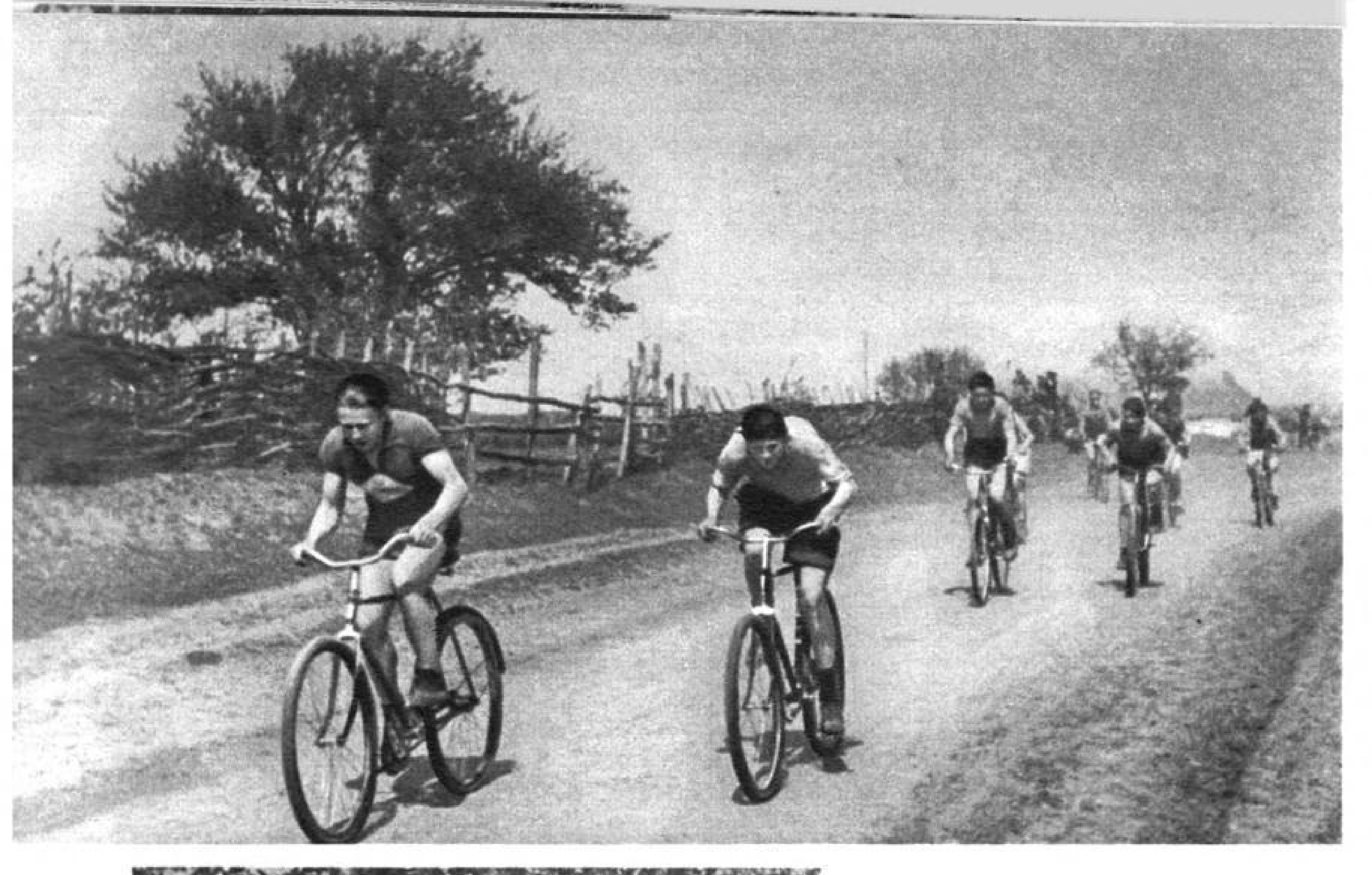
На ледяной дорожке Мельникова сменил Иван Аниканов, ставший в 1936 году абсолютным чемпионом СССР. В следующем сезоне двадцатитрехлетнему Аниканову присвоили звание заслуженного мастера спорта. Любопытно, что теперь самый молодой заслуженный мастер спорта также является конькобежцем — Евгений Гришин. Ему 21 год.

Недавно друзья сердечно поздравили Раису Маментьеву — баскетболистку московской команды «Локомотив». Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта присвоил ей, 864-й по счету, звание заслуженного мастера спорта.

Маментьева выступала в составе сборной баскетбольной команды Советского Союза, которая в мае нынешнего года вышла победительницей состязаний на первенство Европы. Маментьева отличается исключительно меткими бросками по корзине. Из 424 очков, полученных советской командой, 121 принесла Маментьева.

Раисе Маментьевой 25 лет. Спортом занимается с 1941 года, по профессии она лаборант.

В числе тех, кому недавно было присвоено звание заслуженного мастера спорта, легкоатлеты: ленинградец Юрий Литуев, горьковчанин Александр Ануфриев, москвичка Нина Урданг и киевлянка Зоя Стасюк.

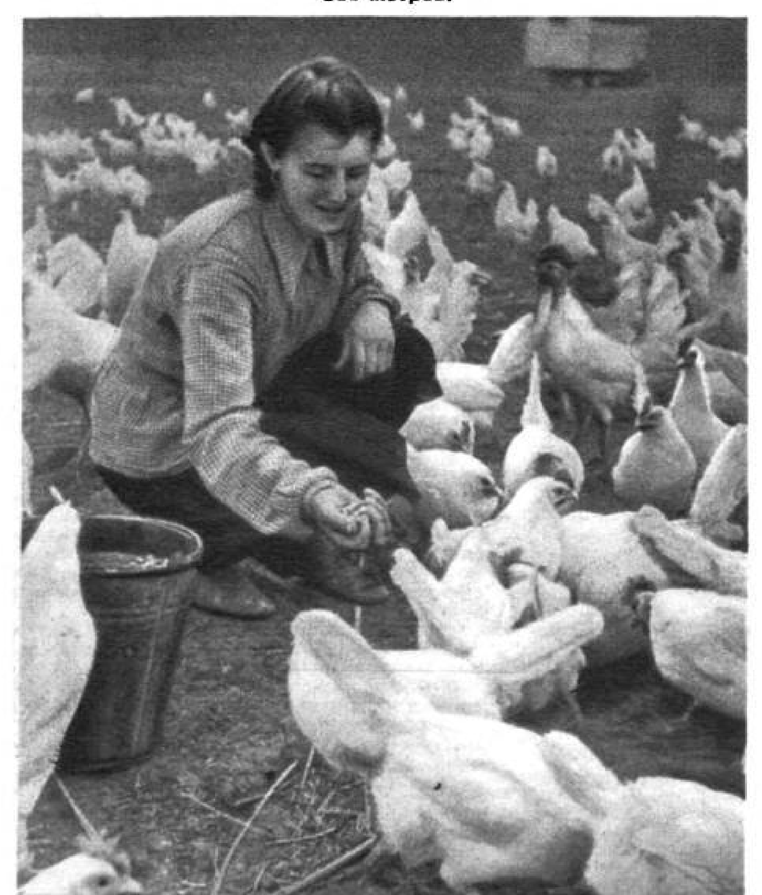

Кросс колхозников-велосипедистов.
Фото Н. Волкова и П. Воробьева

Колхозные спортсменки А. Пархомова (слева) и К. Глушкина.

Птичница Е. Шершнева — чемпион района в беге на 800 метров.

На берегу Тихой Сосны

Почти у самой границы воронежских земель с украинскими, на правом берегу реки Тихая Сосна, раскинулось большое и богатое село Засосна. Вправо и влево от него, вверх и вниз по течению Тихой Сосны, тянутся необозримые поля, огороды, луга, фруктовые сады. Это владения колхоза имени Сталина. Если захочешь осмотреть обширное артельное хозяйство, то и за день всего не обойдешь.

Семь тысяч га земли, электростанция, два радиоузла, гараж на восемь машин, пасека, конеферма, молочно-товарная ферма, насосная станция для подачи воды на орошаемый участок, около 300 гектаров лесных полос, кирпичный завод, два клуба — всего сразу и не перечтешь. Богатый колхоз, миллионер. Добрая слава идет о нем по Воронежской области. И план он перевыполняет, и доходы у него большие. Но самое ценное богатство колхоза — его молодежь, здоровая, цветущая, полная сил и энергии.

Спросите у председателя колхоза Степана Семеновича Черменева, у секретаря партийной организации Николая Федоровича Славгородского, у любого бригадира: кто лучше всех работает в колхозе? И вам в первую очередь назовут имена комсомольцев: звеньевой садоводческой бригады Клавдии Глушкиной, птичницы Екатерины Шершневой, прицепщика Дмитрия Бакаева, машиниста насосных установок Николая Рагозянова.

Отлично трудятся на полях, огородах, фермах, в садах, тракторных бригадах молодые колхозники. И в этом им помогает спорт.

Две футбольные команды, четыре волейбольные, 50 легкоатлетов, 12 боксеров, 20 городошников, 25 стрелков, 25 пловцов, 10 мотоциклистов насчитывают у себя колхозные физкультурники.

Лет пять тому назад, когда еще только зарождался коллектив физкультуры и в селе было всего лишь с десяток любителей спорта, некоторые люди говорили: «Конечно, может быть, спорт и полезное дело, но зачем он нам? Мы и так работаем в поле, на свежем воздухе. Чем это не спорт?» Теперь таких слов не услышишь. Физкультура глубоко проникла в быт колхоза. А с тех пор, как физкультурники построили в центре села, на самом видном месте, стадион, спортивные состязания стали излюбленным зрелищем колхозников. Да и кто в селе может остаться равнодушным, когда на стадионе зазвучит музыка и на гаревую дорожку, на волейбольную и баскетбольную площадки, на футбольное поле выйдут крепкие, загорелые девушки и юноши!

Самым массовым в селе по праву считается велосипедный спорт. И действительно, здесь есть все возможности для его развития. Около 300 колхозников имеют свои велосипеды. На работу и с работы многие ездят на веломашинах. Каждый физкультурник проделывает в день 15—20 километров. Чем не тренировка? Руководитель секции каменщик Николай Костенко умело использует эти возможности для подготовки к соревнованиям. Велокросс — самый популярный вид состязаний в колхозе. Колхозные велосипедисты не раз выходили победителями в районных соревнованиях.

Успешно выступают на состязаниях и колхозные легкоатлеты: звеньевая садоводческой бригады Клавдия Глушкина, колхозница ее звена Алла Пархомова, Раиса Молчанова, Анатолий Решетников, Егор Бондарев, одна из лучших птичниц колхоза Екатерина Шершнева.

Клавдия Глушкина и Алла Пархомова — чемпионки района по бегу. Легкоатлетами из садоводческой бригады руководит Иван Лобачев. Свыше двухсот гектаров занимают колхозные сады. Хорошо там летом. Под тяжестью фруктов сгибаются ветви деревьев. По утрам, до начала рабочего дня, когда прохлада и свежесть приятно бодрят тело, в садах тренируются колхозные спортсмены.

— Сегодня будем отрабатывать технику старта,— говорит Глушкиной Иван Лобачев.— Постарайся делать резче рывок.

Рано просыпается Екатерина Шершнева. Надо сделать зарядку, пробежку, потренироваться в метании диска, а затем идти к птичнику.

Николай Рагозянов — председатель совета коллектива физкультуры — также встает чуть свет. Зарядка и пробежка входят в обязательный комплекс его утренних упражнений. Он боксер, тренер секции. Утренние часы до начала работы на насосной станции он использует для тренировки.

Обычно в это время из села выезжает большая группа велосипедистов. Это огородники, полеводы, прицепщики едут к местам своей работы.

— Засекаю время,— говорит Николай Костенко, поровнявшись с последним домом.— До развилки дорог темп средний.

А вечером они соберутся на своем стадионе. Взлетит над волейбольной сеткой мяч, раздастся мелодичный звук судейской сирены, начнут тренировку легкоатлеты, боксеры.

Б. СЛИВКО

Слухофильтр

Человек, который искренне считал, что говорит ясно, четко произносит каждое слово, как-то записал собственную речь на граммофонную пластинку. Прослушав запись, он не узнал своего голоса. Откуда-то появились глухие, а иногда резкие неприятные тона. Его удивление возросло, когда друзья подтвердили, что так и есть в действительности.

В чем дело? Любой человек, даже обладающий тонким слухом, воспринимает звуки своего голоса искаженными, а других — точно, со всеми интонациями.

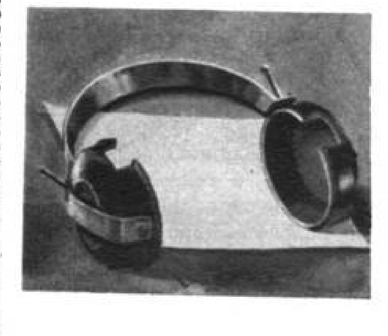
Этот недостаток причиняет много хлопот актерам, лекторам, музыкантам, педагогам и особенно певцам. Трудно развивать голос, если не можешь о нем вполне беспристрастно судить. Поневоле человек вынужден верить мнению других.

Нельзя ли исправить столь досадный дефект? Такая мысль зародилась у оперного певца Б. Г. Страхова, который долгое время изучал, как меняется слуховое восприятие в различных акустических условиях. Дело в том, что ушная раковина приспособлена преимущественно к улавливанию посторонних звуков, а собственный голос чрезмерно усиливает и, значит, искажает.

Б. Г. Страхов изобрел звуконепроницаемые наушники, названные слухофильтром. Это несложное приспособление позволяет слышать себя как бы со стороны. На тыльной стороне наушников проделаны отверстия, через которые проходят звуки. И когда человек поет или говорит, то наушники преграждают дорогу звукам. Голос воспринимается как идущий издалека и поэтому не искаженным. Звуки попадают в ушную раковину окольным путем, отражаясь от стен и окружающих предметов.

Слухофильтр резко сокращает срок обучения певцов. «Пользуясь слухофильтром,— говорит в своем заключении член-корреспондент Академии наук СССР Н. Андреев, — певец получает возможность более сознательной тренировки без участия и указания учителя». Солист Большого театра Союза ССР народный артист республики В. Лубенцов пишет, что «применение слухофильтра устранит излишнее напряжение гортани на высоких нотах, а главное — даст возможность услышать тембр собственного голоса».

Я. МИХАЙЛОВ

Скирли

«Скирли» — слово звукоподражательное. По-разному пишется, по-разному произносится. Будучи междометием, оно передает скрип деревянной ноги медведя из известной народной сказки. Здесь же употреблено как существительное и призвано обозначать эти маленькие произведения.

Скирли сродни басне и сказке и в то же время отличаются от той и другой.

М. МАЛИШЕВСКИЙ

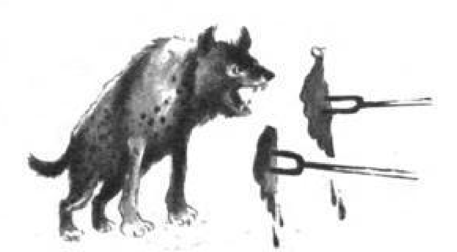
Рисунки Е. Ведерникова

Медведь и Гиена

Как-то Медведю дали полпорции. Медведь съел и лег спать. С тех пор Медведю всегда стали давать полпорции.

А Гиене дали порцию. Гиена рычала на весь зверинец. Пришлось дать две порции.

С тех пор Гиене дают две порции. А то рычит!

Лисица и яйцо

Подарила Лисичка Лису на именины куриное яйцо. Да пока несла, зубом проткнула. Пришлось выпить. Подарила пустое яйцо.

— Прекрасное яичко, Лисанька, ты мне подарила! — говорит Лис.— Никогда такого не ел!

— Что ты, что ты, муженек! Какое же прекрасное? Пустое! Пока несла, зубом проткнула! Вытекло!

— Ничего, Лисанька, что вытекло! Пустое-то оно лучше! Правда, гостюшки, лучше?

— Правда, правда, Лис! Пустое лучше! — закричали гости.

Слыхала Сорока, как у Лисицы пустое яйцо хвалили. Разнесла по всему лесу. Кто-кто, а уж лисицы-то понимают!

Пришел Медведь к Медведице. Принес Медведице пустое яйцо.

— Пустое? — спрашивает Медведица.

— Пустое!

— Ну, это хорошо! Это модно! С полным яйцом я бы тебя и на порог не пустила!

Сорока и Иволга

— Эти негодяи, воробьи, выбрали все из помойки дочиста! Ну скажи, Иволга, не мерзавцы?

— Не знаю, Сорока! — ответила Иволга.— Я никогда не пользовалась помойкой!

Сорока-сплетница

— Что ж ты набрехала, Сорока, что Воробей съеден Ястребом? Он сдох от обжорства и лени, не выходя из-под крыши!

А Сорока отвечает:

— Ведь Воробей-то умер?

— Ну да, умер!

— Основная-то мысль правильная?

Волчицына любовь

Вечерком на дерновой скамейке сидели в лесу и мирно беседовали Рысь и Волчица.

Все больше «на темы».

— Говорят, Волчица, ты так злобна, что никого не любишь, кроме себя! — сказала Рысь. — Правда это?

— Нет, Рысь! Это неправда. Я очень люблю Барашка.

— За что же ты его любишь, Волчица? За ум? За благородство? За честность? За мужество?

— Нет, Рысь! — отвечала Волчица. — Барашек, конечно, умен, благороден, честен и мужествен. Но истинная любовь не разбирает. Будь он дурак, подлец, мошенник и трус, я любила, люблю и буду любить Барашка!

Воробей и Корова

Корова попросила Воробья дать ей справочку о молочности:

— Рядом живем!

— Как же писать? — спрашивает молодой Воробей старого.

А старый отвечает:

— Пиши в двух экземплярах! В одном пиши: молочная; в другом пиши: немолочная. Смотря куда подавать!

Лев и трест

Назначили Льва директором треста. А Кота сместили. Лев виднее. Для треста лучше.

Только назначили Льва, пошли жалобы на трест: зерно пропадает!

— Что вы на трест жалуетесь? Неужели я, Лев, ваше зерно ем?

— Не ты ешь — крысы бесчинствуют!

— Вот оно что! — удивился Лев. — Безобразие! Позорят весь трест! К сожалению, помочь ничем не могу! Я крыс не ловлю!

— А кого же?

— Слонов!

— Да ведь слоны-то в амбарах не водятся!

— Разве? — удивился Лев.

Сняли Льва, вернули Кота, и дело пошло, как по маслу. И крыс нет, и зерно цело, и на трест никаких жалоб не имеется.

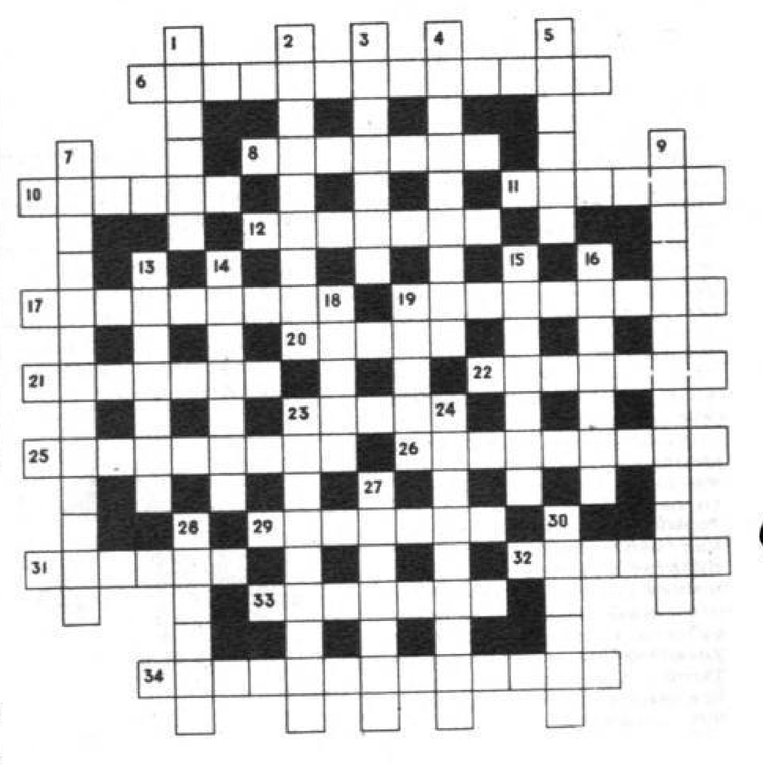

Модели мастера Г. Абольникова (Харьков)

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Приверженец. 8. Кондитерское изделие. 10. План сооружения, технологического процесса. 11. Чешский поэт. 12. Персонаж из рассказа А. Чехова «Человек в футляре». 17. Ручное сверло. 19. Сорт лапши. 20. Двукрылое насекомое. 21. Литературное художественное произведение. 22. Словесный краткий приказ. 23. Документ о застраховании. 25. Вместилище для жидкостей и газов. 26. Советская писательница. 29. Ряд полок в несколько этажей. 31. Советский композитор. 32. Ясность в произношении. 33. Вывоз добытых ископаемых из забоев и из шахт. 34. Пьеса А. Н. Островского.

По вертикали:

1. Первый тон гаммы, дающий ей название. 2. Род лесного участка. 3. Убежденность в чьей-нибудь честности. 4. Оптический прибор для определения расстояния. 5. Планета. 7. Раздел геометрии. 9. Следствие, дознание. 13. Художественный стенной ковер. 14. Поэма А. С. Пушкина. 15. Взрывчатое вещество. 16. Столица союзной республики. 18. Плотничий инструмент. 19. Цилиндр для накатывания краски. 23. Совокупность всех партий музыкального произведения. 24. Город в Узбекской ССР. 27. Вечнозеленый кустарник. 28. Французский драматург XVII века. 30. Небольшая птица.

Отвечаем читателям

О волках

В № 14 «Огонька» была опубликована беседа с профессором П. А. Мантейфелем «Человек и волк». Некоторые читатели, ссылаясь на сообщения печати или слышанные ими рассказы, подвергают сомнению выводы ученого о том, что, за исключением редких случаев нападений на детей, волк человека не трогает.

Ознакомившись с письмами читателей, лауреат Сталинской премии профессор П. А. Мантейфель просит напечатать его ответ на эти письма.

Ни в одном из сообщений читателей о нападениях волков не приведено результатов расследования этих случаев, в частности не указывается, были звери бешеными или нет. Бешеные волки действительно бросаются на людей, но речь шла не о них, так как понятно, что любое животное в таком состоянии, будь то даже кролик, представляет опасность.

Бывает, что за волков принимают бродячих собак, похожих на немецких овчарок. Каждое нападение на людей, которое приписывается волкам, требует проверки, а при укусах, даже царапинах, попадании слюны — немедленных прививок против бешенства.

И в природных условиях и в зоопарках я изучаю жизнь этих зверей в течение нескольких десятилетий. В результате многочисленных обследований, проведенных в нашей стране до революции и в последние годы (с привлечением и зарубежных данных), не подтвердилось ни одного случая гибели взрослых людей от здоровых волков. Попутно выяснилось такое любопытное обстоятельство: царские чиновники за счет волков списывали ежегодно свыше тысячи человек, гибель которых (например, перевозивших деньги почтальонов, урядников, становых) всего удобнее было списать именно за этот счет.

Поддерживая систематически связь с главными управлениями охоты при Советах Министров республик, с охотоведами и охотниками на местах, а также через студентов-практикантов Московского пушно-мехового института, в котором я руковожу кафедрой биотехники (основной на факультете охоты и звероводства), я систематически проверяю сообщения о нападении волков на людей, но среди этих сообщений до сих пор еще не встречалось ни одного, которое, будучи обстоятельно расследовано на месте, подтвердило бы факт нападения небешеного волка на взрослого человека даже у логова с волчатами.

Более чем полувековой личный охотничий опыт также не подтверждает этого. Мне приходилось зимой видеть волков на дорогах. Звери вообще неохотно сходят в глубокий снег, но при приближении к ним, особенно при каком-либо резком движении, волки вскакивают и скачками отходят в сторону с тем, чтобы, обойдя полукруг, снова выбраться сзади на дорогу. Из этого, однако, не нужно делать заключения, что они вот-вот бросятся на вас. В сугробах волки глубоко вязнут и бродят ночами по дорогам. Можно, конечно, испытать страх при встречах с волками, но ему не следует поддаваться: «Волков бояться, в лес не ходить!» Страх — плохой советчик; смалодушничав, можно наделать опрометчивых поступков. Надо быть очень осторожным со всеми бешеными животными, а особенно с волками, укусы которых наносят страшные раны.

Уже ряд лет советские охотники энергично уничтожают волков всеми возможными способами. Во многих областях волки стали теперь большой редкостью.

Профессор
П. А. МАНТЕЙФЕЛЬ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

В ОДНОЙ ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛ

УЧИТЕЛЬ: Итак, мальчики, теперь займемся географией. Брэндидж Вилли! Иди к доске!

УЧЕНИК: Слушаюсь, господин учитель!

УЧИТЕЛЬ: Скажи, Вилли, на чьей территории находится Панамский канал?

УЧЕНИК: На территории Панамской республики, господин учитель!

УЧИТЕЛЬ: Так, хорошо! А кому он принадлежит?

УЧЕНИК: Соединенным Штатам Америки, господин учитель!

УЧИТЕЛЬ: Так! А Суэцкий канал?

УЧЕНИК (бойко): Он находится на территории Египта, но принадлежит англичанам!

УЧИТЕЛЬ: Правильно! А Волго-Донской канал?

УЧЕНИК: Он находится на территории России, но принадлежит... русским.

УЧИТЕЛЬ: Вот видите, дети, какие эгоисты эти русские!

(«Шпильки»)

МОНОЛОГ

Французский школьник спрашивает отца:

— Папа, а что такое монолог?

— Монолог, — отвечает отец,— это когда Ачесон разговаривает с Шуманом по вопросам нашей внешней политики.

(«Нойе берлинер иллюстрирте»)

ЧОХОМ...

В рекламном проспекте, изданном американским туристским бюро, организующим путешествия по Италии, значится:

«Осмотр Рима в один день — включая папу».

(«Эстеррайхише фольксштимме»)

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

3. «Эгмонт». 6. Гаолян. 10. Аудитория. 11. Перевалка. 13. Лион. 14. Конвенция. 15. Счет. 18. Марков. 21. Калибр. 22. Кочегар. 23. Воодушевление. 26. Пропуск. 27. Мароци. 28. Слиток. 32. Небо. 33. Присказка. 34. Руда. 37. Речитатив. 38. Рубильник. 39. Парник. 40. Аспект.

По вертикали:

1. Хоста. 2. Почва. 4. Гидрограф. 5. Термос. 6. Гарнир. 7. Яблочкина. 8. «Разлом». 9. Партер. 12. Землечерпалка. 16. Пословица. 17. Факсимиле. 19. Попурри. 20. Раклист. 24. Коробочка. 25. Сотрудник. 27. Манера. 29. Краска. 30. Приток. 31. Скобка. 35. Станс. 36. Шляпа.

ХОД КОНЕМ

Рисунок Ю. Черепанова

В этом номере помещены репродукции картин И. Е. Репина «Портрет художника Василия Дмитриевича Поленова», В. Д. Поленова «Семейная сцена», «Дворик», «Зима», а также четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

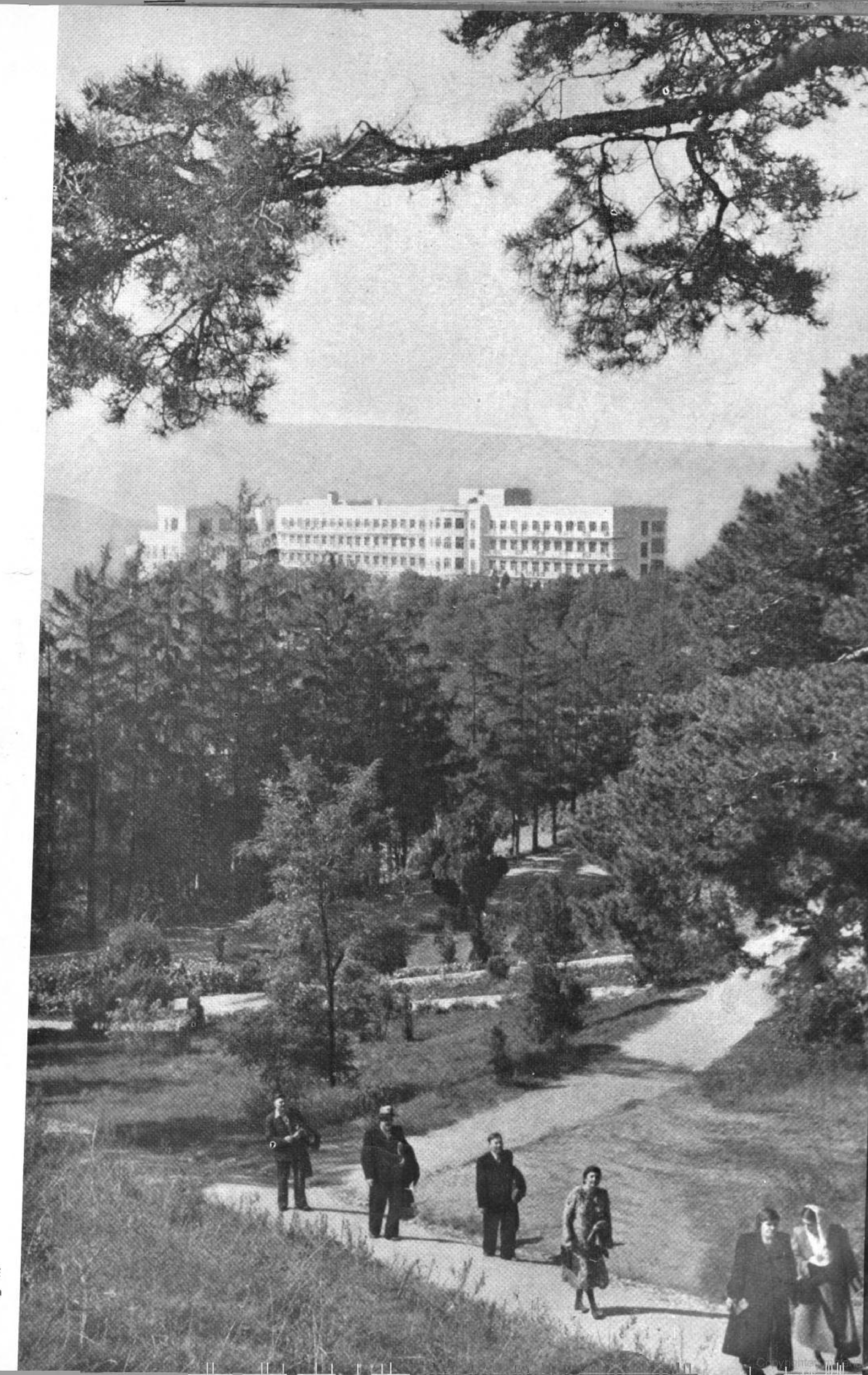
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Оформление Л. Шумана.

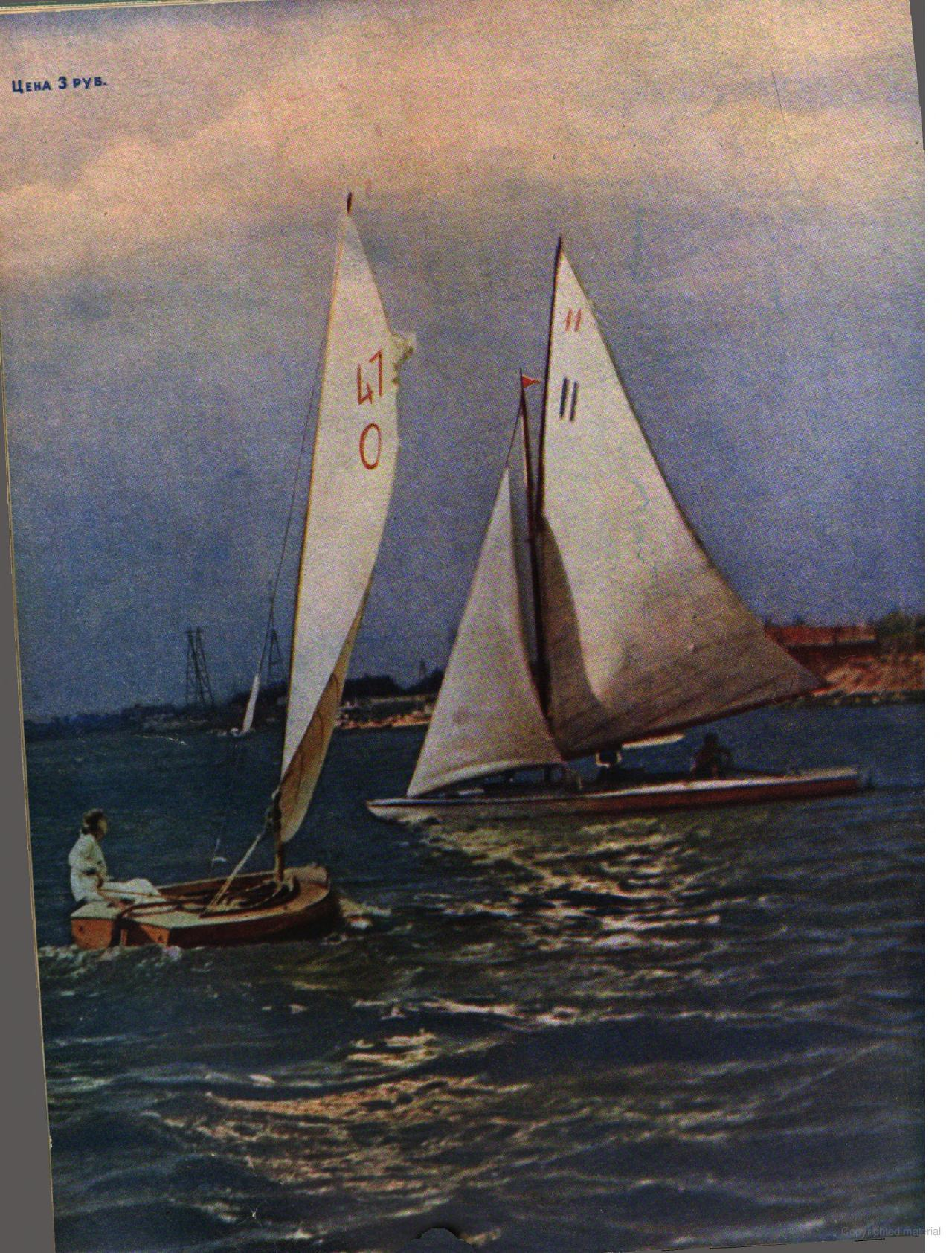
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

А 04435. Подп. к печ. 8/VII 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. 570. Зак. № 1626. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В КИСЛОВОДСКЕ
Фото Я. Берлинера

Цена 3 руб.